

СССР
ОГОНЁК
№ 13 МАРТ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На металлургическом заводе «Запорожсталь». Стан горячего проката тонкого стального листа. Фото Н. Козловского.

На обложке: МОСКВА. КРЕМЛЬ.

Фото А. Гостева и И. Тункеля.

ОГОНЁК № 13 (1398) 28 МАРТА 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НА XII СЪЕЗДЕ КОМСОМОЛА

Представители смелой, мужественной и талантливой советской молодежи собрались на XII съезд ВЛКСМ, чтобы обсудить итоги деятельности комсомола за годы, прошедшие после предыдущего съезда, в короткий срок добиться крутого поворота комсомольских организаций, руководящих комсомольских органов к участию в государственном и хозяйственном строительстве.

Съезд открылся в Большом Кремлевском дворце 19 марта. В президиуме появляются товарищи Г. М. Маленков, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин, М. А. Суслов, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин. Делегаты и гости съезда бурными аплодисментами встречают руководителей партии и правительства. С огромным вниманием выслушивают комсомольцы приветствие ЦК КПСС, оглашенное М. А. Сусловым. В дружной овации нашла свое выражение любовь и преданность комсомола Коммунистической партии.

Съезд проходил в деловой обстановке. Герои могучей индустрии и колхозных полей, комсомольские руководители говорили не только и не столько о своих достижениях, хотя они и велики, сколько о трудностях и недостатках, которые мешают им в борьбе за дальнейший расцвет нашей Родины.

— Поменьше бумаг,— говорили делегаты. — Пусть в центре внимания комсомольских организаций будут живые люди, комсомольцы, советская молодежь, как этого требует от нас Центральный Комитет Коммунистической партии.

Слово партии, дело партии для комсомола превыше всего. Эта мысль красной нитью пронизала все выступления на съезде.

Каждый, кто слушал речи делегатов, с гордостью сознавал, что молодежь чувствует себя полноправным хозяином нашей огром-

Общий вид зала заседаний XII съезда ВЛКСМ.

Делегаты осматривают Кремль.

В перерыве между заседаниями...

ной, богатой страны, которая, по словам Горького, щедро, почти ежедневно открывает перед молодежью все новые и новые сокровища.

Шестьдесят тысяч комсомольцев, как доложил съезду секретарь ЦК комсомола А. Н. Шелепин, уже выехали на освоение новых земель. А всего подано в комитеты комсомола свыше 400 тысяч заявлений.

В Георгиевском зале в перерыве между заседаниями съезда мы увидели одного из добровольцев, окруженного иностранными гостями. Это был Иван Рудской, еще месяц назад механик МТС на Киевщине, а ныне житель Казахской ССР. Латиноамериканцы засыпают Ивана Рудского вопросами. Рудской рассказывает, что Джаркульская МТС, в которой он теперь работает, должна нынешней весной поднять 40 тысяч гектаров целинных земель.

— Кем будете работать?

— Бригадиром трактористов. У нас задача скромная — поднять 2 500 гектаров целины.

— Легко сказать, скромная! — замечает с улыбкой гость из Монтевидео. — Справитесь?

— Должны справиться.

А в другом конце зала, у входа в древние терема, один из самых юных делегатов съезда, курсант Курского суворовского училища Виктор Сафронов, знакомится с Тамарой Михайлюк из деревни Корчунок, что в пятнадцати километрах от города Хмельницкого. Тамара учится в седьмом классе. Учится, конечно, отлично... Родители ее погибли во время войны. Тамаре было тогда семь лет, а у нее на руках остались младший брат и сестренка. Комсомольцы определили осиротевших ребят в детский дом и с тех пор помогают всем троим получить образование.

Звонок зовет делегатов в зал заседаний. Съезд приступает к обсуждению третьего пункта порядка дня — о работе пионерской организации имени Ленина.

— Как изгнать скуку со сборов пионерских дружин?

Снова в каждой речи — деловая, принципиальная критика. Она вызвана желанием всех делегатов сделать работу комсомола в школе живой, увлекательной, полезной.

С карандашом в руках слушают выступления делегатов представители зарубежных молодежных организаций, прибывшие на съезд более чем из тридцати стран. Интересно взглянуть на зал их глазами.

— Когда друзья узнали о моей поездке в Москву,— рассказывает секретарь национального комитета молодежи Бразилии Орландо Коста,— они говорили: «Как тебе повезло, Орландо!» И мне действительно повезло. На съезде я ощутил колоссальный размах созидательного труда советской молодежи. Но не только это. Критика и самокритика, которая звучала в каждом выступлении, показала нам не только силу комсомола, но и его высокую политическую зрелость.

Вернувшись домой, делегаты и гости расскажут о съезде и его решениях, направивших комсомол на выполнение благородных задач, поставленных перед ним Коммунистической партией.

Комсомол и впредь будет оправдывать всеобщее уважение и любовь, которые он завоевал своей героической борьбой и доблестным трудом на благо Родины.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Иван Рудской рассказывает иностранным делегатам о Казахстане.

Виктор Сафронов знакомится с Тамарой Михайлюк.

ЧУЖАЯ ЛЮБОВЬ

Рассказ

Лариса ФЕДОРОВА

Рисунки П. Пинкисевича.

В тот год лето долго не уступало осени солнечных дней, и даже старики перестали ворчать, что «раньше в сентябре было теплее...» Замешкались где-то непогоды. Иногда налетал короткий дождь, но ему только радовались — к грибам! Лес стоял торжественно-тихий, словно никогда не потрясали его вершин раскатистые громы, не падали с высоты жалящие змейки молний. Осень перепутала траву, запаутинила малинник и заросли папоротника. Здесь, по низинам, между молодыми дубками и осинами, искали ребятишки высокие черноногие грибы с красной шляпкой, а чуть повыше, на рыжих от хвои пригорках, попадались боровики и губастые грузди. Старый бор начинался сразу за Черной речкой. На обратном пути ребятишки гоняли в ней лягушек, а бабы мыли засолочные грузди, чтобы принести их домой прямо в кадку.

У Копыловых в сенях тоже кадка стояла, но никто еще не удосужился принести в нее хоть груздочек. У матери, Анны Петровны, запоздала нынче наседка — приходилось сторожить цыплят то от кошки, то от ястреба. Старшая, Настя, работает на ферме и о хозяйстве думает мало. А младшая, Ленка, и рада бы услужить матери, да слишком много задают уроков в десятом классе. На все есть свои причины, а люди таскают и таскают грибы мимо окон, и Анна Петровна, глядя на пустую кадку, только вздыхает...

— Сходила бы ты, Настя,— нерешительно начинает она разговор со старшей дочерью.— Один день не помрут без тебя телята. Мы вон раньше и детишек так не нянчили.

Мать права. Настя давно могла устроить себе выходной, но ведь это значило бы целый день не увидеть нового зоотехника!

— У меня сегодня репетиция... Не могу же я бежать туда прямо из леса... Пока переоденешься, пока что...

«Пожалуй, это верно,— думает Ленка,— если Настя начнет переодеваться, то это никак не меньше часа...»

— Давайте уж я схожу,— предлагает Ленка.— Мне давно хочется за грибами. А уроки потом сделаю... Нам сегодня поменьше задали.

Ленка лукавит, но как же иначе прекратить этот спор? Ей жаль матери, на которой лежит все хозяйство, и в то же время она понимает, как нелегко сестре поддерживать свой авторитет. С тех пор, как настин портрет напечатали в журнале, ею интересуется вся страна. Говорят, даже студенты к ней на практику приедут.

— С грибами я скоренько,— заискивающе сказала сестре Ленка,— если к вечеру платье какое надо, оставь, поглажу.

Она сунула ноги в брезентовые тапки, накинула на косы материн платок, взяла корзинку и уже на пороге в сенях столкнулась с почтальоншей.

— Насте? — спросила Ленка про письмо, которое увидела сразу.

— А кому же еще? Пирожков какой-то пишет, военный.

Ленка решила вернуться.

— Ты слышишь, Настя, военный!

За всю свою жизнь Ленка не получила еще ни одного письма и, может, не получит. По сравнению с яркой, похожей чем-то на цыганку сестрою она обыкновенная курносая девчонка, которой уже с апреля досаждают веснушки.

Ее разбирало любопытство. Она испытывала это всякий раз, когда сестре вручали письма. Настиного знакомства добивались, как ни странно, даже моряки с Тихого океана. Подумать, сколько понадобилось бы им ехать оттуда до Охлопкова!

— Что это еще за Пирожков? — спросила Настя, распечатывая солдатский треугольничек.— Наверное, и сам, как из печки,— кругленький, рыженький и нос расплылся... Не дыши мне над ухом. Уж если не терпится, возьми и читай вслух...

Ленка взяла письмо, посмотрела число и подпись, пощупала зачем-то бумагу и поинтересовалась почтовым штампом. Письмо шло десять дней.

— «Добрый день, дорогая Настя,— тонким голоском начала Ленка.— Извините меня за беспокойство, но мне очень хочется поздравить вас с успехом по выращиванию телят...»

— Это пропусти.

— «Журнал с вашим портретом попал в нашу часть, и я сразу...»

— Дальше, дальше...

— «Через год служба наша кончается, и я надеюсь...»

— Ну, я пошла. Если хочешь, ответь ему что-нибудь повежливей.

— Я? Да как же это? Ведь он догадается... Обидеться может.

— Откуда ему догадаться? А впрочем, как знаешь. Можно вообще не отвечать. Удивляюсь я на этих ребят: увидали портрет в журнале — и пишут и пишут... А я, может, замужем, или жених у меня ревнивый...

«Какой жених?» — хотела спросить Ленка, но сестра уже хлопнула дверью.

Ленка в задумчивости повертела конверт и еще раз прочитала обратный адрес. Длинный номер полевой почты и буква «Г». Даже странно, что по такому адресу доходят письма. Если письмо шло сюда десять дней, значит, это очень далеко. Нигде не бывавшей Ленке уже представлялось, как повезут ее ответное письмо то степью, то лесом, то через горы. А может, и через море...

* * *

Настя вернулась домой только к вечеру. Как всегда после возни с телятами, от нее пахло луговым сеном и парным молоком. Голубая косынка сбилась на затылок, кудри растрепал ветер, но теперь это ее почему-то не заботило...

— Ой, что я тебе скажу! — начала Ленка, и карие глаза ее весело заблестели.— Пирожков-то ведь из Каменки. Выходит, земляк наш. Помнишь, в прошлом году на массовке в роще один военный был. Он еще с Гошей Сафоновым ходил. В одной части они служат, вместе и на побывку приезжали.

— Не помню.

— Да как же не помнишь? Высокий такой, загорелый. Фуражечка у него с малиновым околышем. С Гошей все и ходил.

— Я и Гошку не видала. Очень он мне нужен, рыжий.

— Господи! — ужаснулась Ленка. — А он так складно пишет...

— Гошка, что ли?

Пора бы Ленке знать, что когда сестра не в духе, разговаривать с ней нелегко. За послед-

нее время она часто приходит с фермы сердитая на весь белый свет. Может, с новым зоотехником не ладит?

— Пирожкову-то я, пожалуй, отвечу,— отважилась напомнить Ленка об утреннем разговоре.— Все-таки земляк наш...

— Делай, как знаешь,— равнодушно согласилась Настя, как всегда, занятая своими мыслями.

На сестру она редко когда обращала внимание. Но в последнее время Ленка все чаще и чаще напоминала ей о себе. Через несколько месяцев она показала Насте фотографию какого-то военного. На фоне скал и опрокинутого полумесяца стоял молодцеватый старшина образцовой строевой выучки.

— Кто это? — спросила Настя.

— Вася Пирожков...

— Ты ему разве ответила? Ах, да, я ведь велела... Ну, и что он пишет?

Вопрос был затруднительным. Не так-то просто признаться даже сестре, что вот уже полгода, как изливает Ленке душу незнакомый человек и она отвечает ему не только из вежливости...

— Прочитай,— сказала она, заливаясь румянцем.— Он все больше про любовь пишет...

— Бумага все стерпит... Ты ему не очень-то верь. Другое дело, когда человек лично объясняется. Тут уж глаза наперед слов все выдадут. Был у меня вчера такой разговор...

Настя многозначительно замолчала. На пухлых розовых губах ее дрожала улыбка. Ленка смотрела на сестру, широко раскрыв глаза.

— Только ты смотри о нем не проговорись.

— О ком? — наивно переспросила Ленка.

— Глупая... Конечно, о Борисе Ивановиче.

Сама не зная почему, Ленка ощутила разочарование. Нового зоотехника она видела не раз и ничего особенного в нем не заметила. По сравнению с охлопковскими парнями он выглядел слишком легким, поджарым. И походка была у него городская, торопливая.

— Вначале он показался мне придирой,— продолжала откровенничать Настя.— Рацион забраковал, все как есть сомнению на ферме подвергает. Однажды я не вытерпела и говорю: вы, говорю, академию окончили, а мы здесь практики. И, пожалуйста, нас не обесценивайте. Он даже побледнел от этого намека. Стоит передо мной — брови в ниточку, черные-пречерные... А уж глаза и не вижу какие...

— Должно быть, и глаза черные,— подсказала Ленка.

— Уж потом-то я все изучила. А тогда вот как рассердилась!..

Она долго еще рассказывала о зоотехнике, о его неспокойном характере и о том, что такого специалиста во всей области не сыщешь, а Ленка смотрела на сестру задумчиво и печально. Конечно, Борис Иванович — человек стоящий, да что из того, если есть на свете Вася Пирожков! Отвечая ему от имени Насти, Ленка думала вначале, что взяла его любовь на сохранение до лучших времен. Придет час — подобреет сестра, и Ленка покажет ей все его письма. Да, вначале ей казалось так. Но чем нежнее становились послания Васи Пирожкова, тем труднее было думать, что адресованы они не ей. Сейчас Ленка решила, что откровенность сестры позволяет и ей кое в чем признаться. Может, Настя что-нибудь ей присоветует?

— Знаешь, Настя, есть у меня один секрет...

— Что это еще за секрет? Глупость какая-нибудь...

— Только ты не сердись, ладно? Насчет Васи я... Вот пишет он мне письма, а сам думает...

— Сколько раз можно об этом Васе? Прекрати ты с ним переписку! Ответила раз, и хватит. Никогда меры не знаешь...

Ленка сконфуженно замолкла.

* * *

В это время Вася Пирожков сидел на своей солдатской койке и, наверное, в десятый раз перечитывал очередное ленкино письмо.

Был час солдатского досуга. В огромной казарме, несмотря на то, что все были в сборе, многолюдности почти не ощущалось. Каждый втихомолку занимался своим делом. Кто писал письма родным, кто брился, пристроив на тумбочке складное зеркальце. Прикладывая к румяным щекам распаренное полотенце, Гоша Сафонов вот уже полчаса наблюдал за своим другом. И как у него хватает терпения каждый раз читать письмо с начала! Обычно самое интересное девушки пишут в конце. Гоше эта переписка вообще не нравилась. По долгу дружбы он предупреждал Васю Пирожкова, что к добру это не приведет, и вот результат: сидит человек за письмом битый час да еще час потратит на ответ. А там, глядишь, отбой — и поговорить с ним опять не удастся.

Дружба их была не столь уж давней — со дня знакомства на призывном пункте, когда выяснилось, что оба они поедут в одну часть. Теперь скоро и по домам. Но чем ближе становился этот день, тем больше волновала Гошу судьба друга. Слишком хорошо знал он заносчивую Настю, злой ее язычок и беспокойную ее красоту...

А между тем дружок его ничего не хотел замечать. Читая ленкино письмо, где она описывала, как цветет нынче на лугах черемуха и что к кустам не подобраться из-за полой воды, Пирожков живо представлял себе эту картину. Бывал он мальчишкой на этих лугах, помнит, как разливается весною смирная речушка Черная. Неторопливая, течет она по лугам в зарослях смородины и черемухи, а потом, покидая их, держит путь через пашни прямо в березовую рощу. Здесь, где дружные деревья вновь обступают ее берега, он и увидел впервые Настю. Она прошла, ни на кого не глядя, как бы опасаясь слишком внимательных глаз охлопковских кавалеров. Крупные локоны рассыпались по ее плечам, от чего весь ее облик казался праздничным.

— Ты ее знаешь? — спросил он тогда у Гошки.

— Настю-то? А кто ее не знает? Сколько красоты — столько и гонору. Да ты брось о ней думать, в вашей Каменке девчата ничуть не хуже.

Через полгода Вася Пирожков еще раз увидел Настю — на цветной фотографии журнала. Но он уже был далеко от Охлопкова. И хотя у него понятие о судьбе было вполне современное, все же, подумал он, не странно ли, что она дважды показывала ему Настю только издали? На портрете она показалась ему еще лучше, хотя выросший с нею Гоша уверял, что «здесь ее малость подрисовали».

— Да хоть бы и я для печати понадобился,— говорил он,— разве они в естественном виде оставят? Такую красоту наведут — сам в себя влюбишься!

Журнал переходил из рук в руки, и красивой девушке, обнявшей теленка за шею, в тот вечер было отпущено немало комплиментов.

— Эх, не теленка бы ей обнимать! — вздыхали солдаты.

— Да-а-а... Девушка авторитетная...

— Пиши ей, Вася: ты земляк — вот и зацепка.

Тогда-то он и написал то памятное письмо, которое пришло в Охлопково в грибной день.

— Ты, случаем, в самодеятельности завтра не выступаешь? — спросил наконец друга Гоша.

— Нет, а что?

— Сдается мне, что ты эту бумажку наизусть разучиваешь. Может, думаю, рассказец какой или стишок...

— Письмо это от Насти.

— Так, так... Новости интересные?

— Да нет... Черемуха вот цветет...

— Скажи на милость! А со стороны посмотреть: ну, прямо правительственное сообщение человек читает...

Вася не обижался. Каждый раз, когда он получал письма, Гоша изощрялся в ехидстве. Никакие журналы не могли бы убедить его в том, что Настя переменилась. Она и в школе училась-то кое-как — и вдруг такая слава!

— Ну, что же,— задумчиво возражал Вася Пирожков.— Разве так не бывает? Была плохой, стала хорошей. А в славе сомневаешься, так лучше бы ее и совсем не было. Я-то ведь обыкновенный старшина.

Гоша махал на него рукой, как на конченого человека.

* * *

И вот снова вернулась в Охлопково осень, снова дарила она людей всеми щедротами, словно хотела заручиться, чтоб и на следующий год ее встречали столь же хлопотливо. Уже начали играть в Охлопкове веселые свадьбы, потому что к осени как-то всегда поспевают и невесты... Еще весною сдавали они свой последний экзамен в школе или на зоотехнических курсах, носили в косичках наивные ленточки, а осенью, смотришь, пришла в кино степенная девушка в вязаной городской кофточке, к которой и косы требуется укладывать особенным образом. На таких деловито посматривает председатель, прикидывая в уме, какой еще участок в колхозе нуждается в кадрах. В свое время так была замечена и Настя. Но прежде чем стала она знатным человеком, председатель хлебнул с ней немало горя...

* * *

В тот вечер Настя возвращалась с фермы в особенно приподнятом настроении. Борис Иванович намекнул ей, что сегодня после репетиции предстоит им важный разговор. «О чем бы это?» — гадала Настя и сама себе боялась сознаться, что она уже знает, о чем...

Ленка встретила ее у калитки. Лицо у нее было встревоженное и как будто заплаканное.

— Приехал!..

— Кто приехал? — похолодев, спросила Настя.

— Вася Пирожков приехал. Из армии. Совсем.

— Что значит совсем? К кому совсем?

Ленка захлопала ресницами и крепко прижала к груди руки:

— Не знаю. Ой, ничего я не знаю! Сидит в комнате, спрашивает тебя. Ой, что теперь будет, Настенька?

— Подожди,— нахмурилась Настя.— Почему он спрашивает меня? Ведь писала-то ему ты?

— Подписывалась я не так...

— Как это «не так»?.. Значит, моим именем? Да ты с ума сошла!

— Ой, ничего я не знаю! — твердила Ленка.— На меня он даже и не смотрит.

— Умойся! — приказала сестре Настя.— В огороде, что ли, ты возилась?

Она легонько отстранила ее с прохода и, стуча каблуками, стала подниматься на крылечко.

Мать уже поила гостя чаем. На столе, покрытом новой скатертью, сердито пофыркивал самовар, словно выговаривал: «Зачем поставили... Зачем поставили?»

«И в самом деле ни к чему»,— подумала Настя.

Гость поднялся ей навстречу. Он сделал это так поспешно, как будто хотел взять под козырек. При его большом росте и застольной тесноте это было не так-то просто.

— Здравствуйте,— сухо поздоровалась Настя.

— Вот приехал... — смущенно улыбаясь, начал гость.— Отслужили с Гошей — и по домам... Я, правда, еще и в Каменке-то как следует не побывал... Дружка обидеть не хотелось — знаете ведь, какой Гоша.

— Знаю,— неопределенно согласилась Настя.— Он все такой же рыжий?

— Что ты, доченька! — сконфузилась перед чужим Анна Петровна.— Говорят, Егор Кузьмич даже отличился по службе.

— Там, наверное, все отличаются,— тем же тоном отозвалась Настя и насмешливо взглянула на гостя.

Он ответил ей недоуменным взглядом. Глаза у него были серые, большие и от густого загара на лице казались совсем светлыми. «И чего она в нем нашла?» — с досадой подумала о сестре Настя.

Скрипнула дверь, и в комнате появилась Ленка. Кажется, она взяла себя в руки. Ей даже шла эта необычная серьезность. Только сейчас Настя заметила, что сестра повзрослела. Уже не болтались по плечам косички, а толстыми жгутами лежали на затылке. Чисто вымытое, разгоревшееся от холодной воды лицо невольно привлекало внимание мягкостью выражения. Его не портили даже веснушки.

«Ничего, разберутся,— спокойно подумала Настя о сестре и о госте.— Ну, посердится на нее малость — экая важность!»

— Вы меня извините,— сказала она гостю,— мне в клуб пора.

— Если разрешите,— с готовностью поднялся он из-за стола,— я провожу.

Неизвестно, что бы ответила ему на это Настя, но в это время звякнула калитка. Кто-то высокий мелькнул под окнами, резво взбежал на крылечко и приятным тенорком попросил разрешения войти.

— Да, да! — крикнула Настя. — Вот кстати!

Гость насторожился, и Ленка, заметив это, грустно сказала:

— Это зоотехник наш, Борис Иванович.

Еще во дворе она решила, что будет вести себя с Васей Пирожковым, как на суде. Расскажет ему все, как было, и попросит прощения. В данном случае и Борис Иванович был по ее делу как бы свидетелем...

— Мы вас ждем, Настя,— тоном упрека сказал зоотехник.— Впрочем, у вас, кажется, гости?

В голосе его скользнули ревнивые нотки. Вася Пирожков поклонился ему тоже более чем сдержанно. Ему показалось, что слишком черны у зоотехника брови, слишком яркий для деревни галстук и что зря он форсит здесь на своих каучуковых подошвах...

— Гости это не мои, Борис Иванович. Это к Лене приехал земляк наш. Познакомьтесь, пожалуйста.

Вася Пирожков привстал не столько из желания познакомиться, сколько от удивления. А Настя, как ни в чем не бывало, ходила по комнате и, застегивая на себе жакетик, приговаривала:

— Сейчас я, Борис Иванович, сию минуточку...

Потом кивнула гостю и, поманив мать за собою, вышла вместе с зоотехником.

Теперь в комнате остались только гость да Ленка. Весь вечер она ждала и боялась этой минуты. Что сказать ему хотя бы для начала? А может, сразу — как с купальной вышки?

— Тут недоразумение одно получилось,— начала она дрожащим голосом.— С письмами неувязка...

— С письмами? Какая? Настя тебе их показывала?

От его робости и следа не осталось. Он стоял перед Ленкой — подобранный, строгий, с неумолимыми светлыми глазами, от которых ничего не укроешь.

— Так, значит, неувязка? Это бывает. Особенно у красивых девушек.

— Да что это вы? — шептала Ленка.— Не разобравшись-то...

Она заставила себя посмотреть ему прямо в лицо. Сейчас она скажет, сейчас она все скажет... Румянец захлестывал ей уже шею. Карие глаза медленно наполнялись слезами.

Она попыталась смахнуть их ресницами, наконец просто прикрыть ладонью... Но поздно: он заметил.

— Ты что? — спросил он строго.— О чем ты плачешь?

Ленка отняла от глаз ладонь и, не узнавая свой голос, сказала:

— Настя здесь ни в чем не виновата. Писала вам я. Сначала пошутить хотела, а потом иначе вышло.

Она опустилась на табуретку и, уронив голову на стол, заплакала. Черная бретелька юбки — единственный признак того, что Ленка не чужда моды,— соскользнула с плеча на локоть. Выбившись из-под шпилек, рассыпались косы... Растерянный Вася Пирожков бестолково топтался на месте. Вот тебе и Настя!

— Н-да... — протянул он наконец.— Обстановочка...

В комнате стало тихо. Далеко, на другом конце деревни, пели озорную частушку:

У моего у милого
голова из трех частей:
карбюратор, вентилятор
и коробка скоростей.

Гость разыскал свою фуражку, но уходить все еще медлил. Неудобно оставить девушку в слезах. Придет мать, станет расспрашивать, кто ее обидел. Черт знает, что такое! И письма забрать надо.

Он подошел к столу и, глядя на толстые косы, лежащие теперь на скатерти, сказал:

— Послушай, Лена... Зря ты это так расстраиваешься... Честное слово...

Ленка притихла, но головы так и не подняла.

— А письма ты все-таки верни...

Она ничего не ответила, только насухо вытерла глаза и, поднявшись с табуретки, в раздумье остановилась посреди комнаты. И тогда Вася вспомнил, что знает, где лежат его письма. Она сама писала ему об этом: «Я кладу их под подушку, чтобы чаще видеть тебя во сне».

Ленка подошла к своей простенькой, покрытой пикейным одеялом кровати. Вася Пирожков, окончательно смущенный и растерянный, с улыбкой остановил ее за руку:

— Ладно, не к спеху...

3.000 километров по Вьетнаму

Войцех ЖУКРОВСКИЙ

Рисунки Александра КОБЗДЭЯ.

В. Жукровский.

Известный польский писатель Войцех Жукровский и профессор Варшавской художественной академии Александр Кобздэй недавно вернулись из Вьетнама, где побывали на фронтах, среди жителей Демократической Республики Вьетнам, в разрушенных оккупантами городах и селениях, в джунглях. Они были приняты президентом Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мином и главнокомандующим вьетнамской Народной армии Во Нгуэн Зяпом.

Впечатления от многочисленных встреч В. Жукровского и А. Кобздэя послужили материалом для книги, которую они готовят для печати. Профессор А. Кобздэй сделал на месте около 150 зарисовок. Ниже печатаются отрывки из книги и часть зарисовок, предоставленных журналу «Огонек».

А. Кобздэй.

Скрытая в джунглях типография центральной партийной газеты работает день и ночь.

Я просматриваю зарисовки Олека[1] Кобздэя, и мне кажется, что мы снова идем по дорогам Вьетнама. Вспоминается все, от первой ночи, проведенной в грузовике, замаскированном лохматыми листьями веерных пальм, до последнего, прощального вечера, состоявшегося в Новый Лунный Год, когда мы дружески делились с нашими спутниками дольками апельсинов, разложенных на полотенце прямо на шоссе. Полночь застала нас, как обычно, в дороге, на марше. Шоферы и солдаты тесно окружили нас. Одна из санитарок тихо напевала своим щебечущим голоском, а мы били в ладоши, соблюдая ритм песни.

Я, как сейчас, помню строфы этой песни: «Большая вода бежит по ложам рек Красной и Черной, бежит — и не убывает. Пусть время летит в вечность — оно не опустошит наших сердец. Мы полюбили вас, приезжие друзья. Вы были с нами в трудные часы. Велика радость встретить вас, братьев, которых мы еще не видели. Мы вместе шли долгой дорогой сквозь огонь, но только эта дорога ведет наш народ к свободе!»

С каждым из рисунков связано какое-либо событие. Тут нас обстреляли самолеты оккупантов, там встретились нам девушки — подносчицы риса, спящие у погасшего костра... И вот начинается у нас с Олеком бесконечное: «А помнишь, тогда?», «А домик президента на горе, среди пальм?», «А парень-проводник, который вел нас через прозрачную реку?»...

«Профессор Александр Кобздэй во время пребывания во Вьетнаме сделал свыше ста пятидесяти зарисовок»,— гласит официальное сообщение. Нет, не так! Не то! Эти слова слишком сухи, они кажутся окостеневшими... Там, в джунглях, не было никакого профессора, не было лауреата Государственных премий! Был просто Олек, который подворачивал штанины, перебираясь через болота, и отрывал от тела кровожадных кон вата — прыгающих пиявок, присосавшихся под коленом...

После езды всю ночь напролет на грузовике художник пытался расправить наболевшие кости, шевелил потрескавшимися от ветра губами и клялся, что сегодня будет отдыхать, что ни за какие сокровища в мире не возьмет кисть в руки. Но кисть была у него в руке постоянно, он работал жадно и неустанно.

Мы шли, согнувшись, дрожа от холода, в густом утреннем тумане. Тяжелые капли били по листьям деревьев. Машину прятали среди пальм, а мы тащились по руслу ручья в поисках очередной пещеры, где можно было бы хоть немного соснуть...

Здесь все было «текстом» для рисунков Олека: пейзаж, постройки, святыни, люди, главное, люди. Каждая сцена, запечатленная кистью, становилась своеобразным документом. Те, что придут позднее, увидят, мы надеемся, иной Вьетнам! Революция, глубокие социальные сдвиги, борьба за национальную свободу, свидетелями чего нам довелось быть, быстро меняют облик народа. Нам выпало необычайное счастье быть здесь в исторические дни, когда рушилась феодальная система, когда народ, ставший хозяином своей земли, судил угнетателей, эксплуататоров, изменников.

...Помню, как при свете факелов один из таких палачей народа, стоя на коленях, слушал приговор. Он ползал перед теми, кого тиранил годами, презирал, не считал людьми. В толпе женщины проклинали предателя-богача. На наших глазах выпрямлялись спины, из поколения в поколение сгибав-

[1] Олек — по-польски сокращенное «Александр».

Маленькая и хрупкая девушка носит по горным тропинкам на фронт корзины риса весом в тридцать килограммов.

Часовой возле склада риса.

шиеся под ярмом, на наших глазах пробуждалось в людях сознание, что добытое в боях оружие позволяет защищать не только отчизну, но и обретенное человеческое достоинство.

Олек Кобздэй рисовал лихорадочно. Ему хотелось как можно полнее запечатлеть эту историческую сцену. Под рукой не было мольберта. Олек клал альбом на спину ближайшего вьетнамца — солдата Народной армии. Керосиновая лампа бросала тусклый свет. Бутылку с тушью Олек зажимал меж колен.

Общественная жизнь в народном Вьетнаме проходит ночью, в укрытиях, под защитой джунглей. Рисовать приходилось в пещерах, в сторожевых шалашах, в домиках на сваях, лежа где-нибудь в углу,

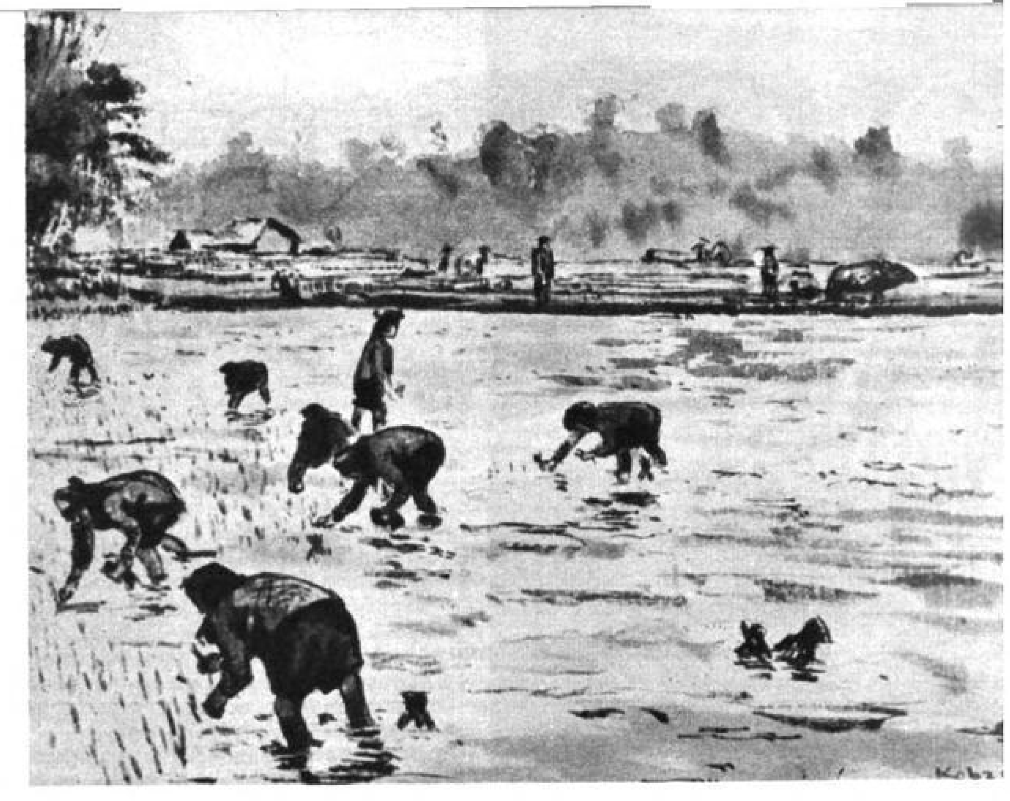
Во время нашей беседы с комиссаром бригады на огонек керосиновой лампы подошли воины вьетнамской Народной армии и стали у окна...

среди людей, поглощенных обсуждением плана дальнейшей борьбы против ненавистных поработителей. Доводилось рисовать и на фронте, когда близкие разрывы снарядов встряхивали кроны деревьев над головой.

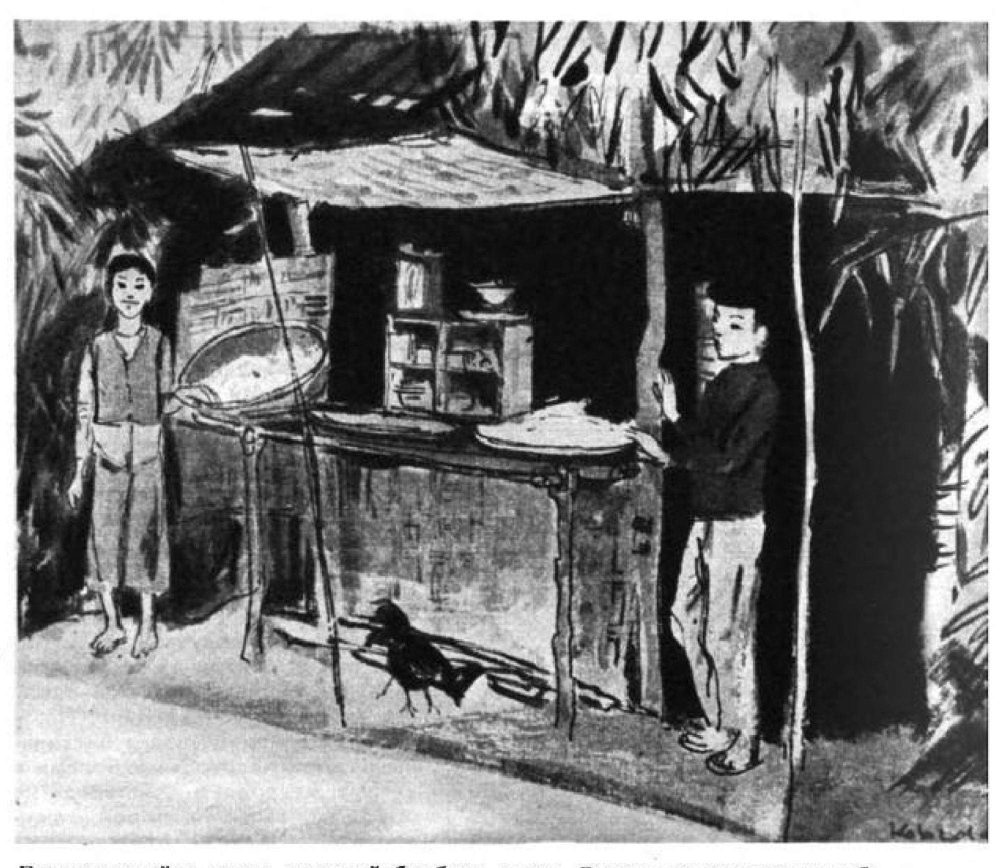
Солдаты с трогательной заботливостью охраняли художника: как только он чуть высовывался из леса на границу рисового поля, они рубили ветви и старательно укрывали Олека, опасаясь, что белый лист бумаги демаскирует его. Вначале это казалось нам излишним. Вскоре, однако, мы убедились, что вьетнамские воины знают, что делают. Первая же бомба, с протяжным завыванием устремившаяся, казалось, прямо на наши головы, первый истребитель, разом остригший ветки на опушке леса, убедили нас, что осторожность никогда не является излишней, а враг — как и у нас, в Польше, в памятный сентябрь 1939 года — не пропустит ни ребенка, ни женщины, ни даже мирного буйвола.

Мы проходили через селения, сгоревшие дотла,— на них были сброшены напалмовые бомбы. От красивых, легких домов, похожих на высокие беседки, остались обугленные сваи... Кто знает, по каким горным тропинкам ступают сейчас девушки этого селения, подносящие к фронту боеприпасы и рис! И где настигают врага молодые солдаты из этого селения, которые так сердечно встречали нас на фронте под Дьен Бьен Фу... Портреты их остались у нас, слова, сказанные ими, я старательно записал. Эти лица, эти слова говорят о сплоченном народе, о его несгибаемой вере в окончательное торжество национального освобождения.

Папка с зарисовками заполнялась быстро. Но рисунки надо было сохранить, защитить от сырости. Мы оборачивали их в пластиковые листы, сушили возле костров. С беспокойством смотрели мы, как они коробятся, как впитывают испарения джунглей, как проступает на них зеленоватая плесень. Часто за стеной нашего шалаша из бамбуковых плетеных щитов монотонно бубнил тропический дождь. Листы александрийской бумаги набрякли влагой и стали тяжелыми, как свинец. Тяжесть папки с рисунками словно росла с каждым пройденным по джунглям километром!.. Но

Бригады взаимопомощи сажают рис. В коллективе всегда веселее и работа идет быстрее. Тучи защищают от вражеских самолетов. Затопленное мутноватой водой поле начинает зеленеть от стебельков молодого риса.

Притулившийся среди зарослей бамбука ларек. В нем можно купить зубную щетку, мыло, лезвия для бритвы, банку красного квашеного перца, крошеный табак. Весь этот товар умещается в заплечном ранце.

Эта девушка-партизанка вышла замуж. Буквально на другой день после свадьбы между супругами возник спор: имеет ли право муж носить винтовку жены и пользоваться ее оружием? Старшие товарищи решили: «Может одолжить, чтобы добыть у колонизаторов вторую винтовку для себя лично. Две винтовки всегда лучше одной!»

можно ли было расстаться с этим запечатленным на бумаге куском жизни борющегося народа!..

Мы жили среди этого народа, сражающегося, вольнолюбивого, мужественного. Нам довелось спать в шалашах крестьян-бедняков, есть с ними из одной миски рис. Мы были с ними и на фронте. И мы полюбили их. За честность, за неслыханный героизм, за человечность.

Поэтому мне хочется сказать: «Не смотрите на эти рисунки только как на произведения искусства, не оценивайте оком знатока линии и размещение световых пятен!.. Вот эта девушка с красивыми чертами лица — это Ле Мин Тхао. Ей семнадцать лет, но она пять лет была в партизанском отряде! Она была схвачена врагами, ее пытали. Ее родители зверски убиты захватчиками. Горстка молодежи, которой она руководила, теперь стала ее семьей...

А вот это селение с огромным

Мы жили в бамбуковых домиках под огромными пальмами, обвитыми лианами. Тут уж не могли выследить нас самолеты колонизаторов.

Масляный каганец внутри домика скупо освещает задумчивые лица девушек. Они внимательно слушают третью беседу по политпросвещению — ответ на вопрос: «Почему ты был беден?».

деревом кэй да — это еще один населенный пункт, вырвавшийся из неволи, из-под самовластия угнетателей!

Присмотрись же внимательно, читатель, к этим рисункам. Постарайся увидеть за ними то, чему мы были свидетелями, чему свидетелем сейчас все передовое человечество: благородную, справедливую борьбу вьетнамского народа за мир, за национальную свободу — за эти священные права, которые неотъемлемо принадлежат каждому народу на земле.

Чу Ван Саю было только пятнадцать лет, когда он пришел записываться во вьетнамскую Народную армию. Его не хотели принимать: сын бедняка, он был маленьким, худеньким. Когда его взвешивали, мальчик подвязал к животу камень и таким образом обманул приемную комиссию. Сейчас он отличный солдат, принимавший участие в двух боевых операциях. Чу Ван Сай награжден медалью за мужество в последних боях под Лай Чау.

ПОБЕДА НАД БОЛЬЮ

Это была обыкновенная дворняжка. Она все норовила подняться и удрать в питомник. Но пришлось покориться: человек в белом халате ввел ей под кожу кубик прозрачной жидкости. Собака лениво вытянулась на полу, неповоротливая, вялая. Но она все замечала вокруг: вспыхнула лампочка, стукнули по полу...

Острая металлическая игла проколола ей ухо, лапу. Кусок тела насквозь прошили толстой суровой ниткой. Дворняжка добродушно и спокойно поглядывала на человека, словно все, что проделывали его руки, не имело к ней никакого отношения.

Ей не было больно. Промедол — так называется новый обезболивающий препарат — лишил животное чувствительности.

...История борьбы с болью уходит в далекое прошлое. Человек всегда считал ее своим врагом. Правда, она подавала ему сигнал об опасности: болит,— значит, что-то в организме неладно. Но она и жестоко мучила человека, мешала трудиться, выводила из равновесия нервную систему. Однако люди не могли унять боль. Они были бессильны, веря, что нож хирурга и боль неотделимы друг от друга.

Так проходили века, пока в XIX столетии не появилось учение об обезболивании, а вместе с ним врачи узнали о чудесном действии наркоза.

Из семенных головок мака люди научились получать опий. Потом они выделили из него морфий, или морфин, который около ста лет служит медицине. Но, к сожалению, он оказался бессильным перед некоторыми болями и к тому же вредно действовал на организм, вызывая порой тяжелое заболевание — морфинизм.

Ученые продолжали поиски новых обезболивающих средств...

А что, если искусственно, путем синтеза, создать такие соединения, которые только напоминали бы молекулу морфия? Что, если сохранить лишь отдельные положительные свойства морфина? И ученые взялись исследовать различные соединения, в молекуле которых содержались отдельные частицы, как бы осколки природной молекулы морфия.

Это привело к важному открытию: появились первые обезболивающие синтетические препараты — лидол и фенадон. Но один из них действовал слабо, а другой, будучи активнее морфина, не нашел широкого применения из-за высокой токсичности.

Все, что было найдено,— это только начало книги, которую надо листать дальше. Новые, самые интересные страницы этой книги открыл советский ученый академик Иван Николаевич Назаров. Талантливый ученик академика А. Е. Фаворского, он много лет занимался исследованием химических превращений ацетилена — богатейшего органического соединения, способного давать сотни различных продуктов. В кроне «ацетиленового древа», как образно называют химики ацетиленовые соединения, таились величайшие возможности. Сварка и резка металлов, производство каучука, пластических масс, уксусной кислоты, спирта и многих других ценных химических продуктов не обходятся без ацетилена.

И. Н. Назаров получил из ацетилена новое химическое вещество — карбинол. Это соединение принадлежит к так называемым «живым жидкостям»: при хранении оно густеет, превращаясь в студенистую массу, потом — в стекло.

Новое вещество, обладающее удивительной способностью прочно соединять между собой стекло, мрамор, фарфор, пластмассы и даже металлы, назвали карбинольным клеем.

Продолжая свои исследования, И. Н. Назаров пришел к выводу: человек может сам создавать такие тонкие препараты, которые раньше возникали лишь в живом организме да в тайниках лаборатории природы.

Большой коллектив сотрудников лаборатории непредельных соединений Института органической химии Академии наук СССР и кафедры органической химии Московского института тонкой химической технологии под руководством Ивана Николаевича Назарова получил из карбинола многие тысячи органических соединений. Среди них были очень сложные вещества, приближающиеся к некоторым продуктам жизнедеятельности человека и животных. В частности, синтетически получили соединения, родственные гормонам и природным морфиноподобным веществам.

Ученые теперь узнали, какая существует закономерность между химическим строением вещества и его действием. На одном из этапов этой сложной и упорной исследовательской работы был найден новый советский обезболивающий препарат — промедол.

Над созданием и испытанием промедола вместе с И. Н. Назаровым работали и врачи-фармакологи из Всесоюзного научно-исследовательского химико-фармацевтического института имени Орджоникидзе под руководством профессора М. Д. Машковского. Кроликам, мышам, морским свинкам, крысам, собакам вводили десятки различных препаратов, синтезированных в лабораториях И. Н. Назарова. Ученые изучали болевую чувствительность животных, изменения в деятельности отдельных органов, нервной системы, исследовали токсичность промедола — ту дозу, за которой начинается вредное влияние препарата...

...Пушистый кролик привязан к удобной подставке, напоминающей желоб. Металлическое острие, заряженное электричеством, кольнуло серую лапку. Лапка рванулась, и соединенный с ней штифт прочертил длинный след на закопченной ленте кимографа. Но вот сделали укол промедола. Теперь лапка вздрагивает меньше и уже совсем не реагирует на раздражение.

Академик И. Н. Назаров (справа) и старший научный сотрудник В. А. Руденко.

Распластавшись, лежат в ряд белые крысы с круглыми розовыми глазами. Опять электрическое раздражение — подведенное напряжение пять вольт — и комнату оглашает дружный визг. Затем вводят промедол... Десять вольт, пятнадцать, двадцать, тридцать — в комнате тишина. Она впервые нарушается, когда напряжение доходит до сорока вольт.

Наступил день, когда после тщательной проверки Ученый совет Министерства здравоохранения СССР разрешил применять промедол в клиниках. Начался новый, самый важный этап проверки результатов научных исследований. Клиники внутренних болезней, хирургические, онкологические, акушерские и другие подтверждают: промедол вдвое активнее морфина, он устраняет почти все боли, в десятки раз менее токсичен, чем фенадон. Терапевтическая широта его — так называется разница между лечебной и токсической дозой — куда больше, чем у всех его предшественников...

В нашей стране освоено и промышленное производство промедола. Долог и труден был путь препарата — от пробирки до производства в промышленных масштабах. Коллектив экспериментального завода Всесоюзного научно-исследовательского химико-фармацевтического института имени Орджоникидзе прокладывал этот путь больше года. В расчеты создателей и исследователей промедола производственники порой вносили свои, подсказанные опытом и практикой поправки.

Академик И. Н. Назаров и большой коллектив химиков, фармакологов, врачей и фармацевтов продолжают свою работу. Раскрыв тайну синтеза обезболивающих веществ, советские ученые увидели дорогу к новым победам над болью.

К. ЯКОВЛЕВА

У НАС В ЗАВОЛЖЬЕ

С. БОЛАГУРОВ,
тракторист Палласовской МТС Сталинградской области

Тот, кому доводилось проезжать нашими местами летом, знает, что полюбоваться из вагонного окошка нечем: всюду желтая, высушенная зноем земля, нигде не видно зелени, воды — только сожженная трава, белесые солончаки, пески. Не на чем остановить взора и зимой. От села до села — десятки километров, едва припорошенных снегом. Пустыня...

Но нет, это не пустыня! Суровые заволжские земли, если приложить к ним руки, способны одарить невиданными богатствами. На этой, казалось бы, бесплодной почве наливаются пшеница, рожь, ячмень. На бескрайних пастбищах пасутся стада крупного рогатого скота, отары овец, табуны коней.

Трактористы нашего комсомольско-молодежного отряда работают на полях четвертой бригады колхоза имени Калинина. В прошлом году эта артель получила более двух миллионов рублей дохода. Ныне колхозники борются за новый подъем артельного хозяйства. Минувшей осенью я со своими товарищами помогал колхозу строить плотину, перегородившую степную реку Торгун. Летом здесь будут свои огурцы, сочные помидоры, капуста.

Палласовские колхозники на своем примере знают, какие богатства скрыты в целинных и залежных землях. За два последних года в районе было распахано 23 тысячи гектаров новых земель. В результате общественное животноводство района получило с этой площади впятеро больше кормов, чем в прошлом, когда участки использовались как естественные сенокосы.

Постановление Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» было воспринято всеми как радостное событие.

Сейчас у нас в Заволжье начинается весна. Над степью шумят теплые ветры. Поля, согретые солнцем, быстро освобождаются от снега, по оврагам и балкам бегут потоки. В села ежедневно прибывают добровольцы, желающие участвовать в освоении целины. Идут эшелоны с новыми тракторами, прицепными орудиями.

Нынешней весной в районе предстоит поднять 70 тысяч гектаров целины и залежей. Вместе со всеми в этом будет участвовать и наш отряд. Трактористам дано задание распахать в четвертой бригаде 1 000 гектаров целины. В отряде 7 машин. Значит, каждому из нас надо вспахать свыше 140 гектаров. Чтобы управиться с работой во-время, машины должны действовать, как часы.

Мы уже готовы к выезду в поле. Тракторы отремонтированы на «отлично». График работ продуман совместно с колхозниками и специалистами до последних мелочей.

Бригадир комсомольско-молодежного тракторного отряда В. И. Просин (слева) и С. П. Болагуров.
Фото Ю. Яковлева.

Весне навстречу

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Еще в Подмосковье леса и сады
весна разбудить не успела,
еще на подлете скворцы и дрозды —
отличники певчего дела,
лишь первых грачей удалось увидать
с повадкою их деловою,
но солнечных мартовских дней благодать
уже разлилась под Москвою.
И, словно раскрывшись навстречу весне,
равняясь по первой капели,
по всей неоглядной родной стороне
сердца у людей потеплели.
Работа под мартовским солнцем пошла
в надежном согласье с весною,
как будто небесная сила тепла
слилась воедино с землею.
Позор болтунам на припеке в тиши!
Ни часа пустого простоя!
Торопится в дальний полет от души
весеннее слово простое:
— Привет хлеборобам, поклон кузнецам,
поэтам, певцам, музыкантам,
умелым рукам, вдохновенным сердцам,
счастливым народным талантам!
Мы дружные люди, мы люди труда,
мы трудимся с дальним прицелом,
и честное слово у нас никогда
нигде не расходится с делом.
Была бы задача по вкусу стране,
а плечи в труде развернутся,
и тысячи юных, рожденных в огне,
для подвигов новых найдутся.
Была бы точнее увидена цель —
и встанет стена золотая
на щедрых равнинах целинных земель
в Поволжье, в предгорьях Алтая.
Упрямым друзьям-трудолюбам почет!
День добрый, семья трудовая!

А вешнее солнце печет и печет,
морозу житья не давая.

Электростанции для целинных земель

На завод пришло письмо. Колхозники сельхозартели имени Андреева, Саратовской области, сообщили:

«С помощью электростанции вашего завода мы орошаем поля, освещаем фермы. Теперь уже у нас есть возможность подумать об электродойках. Летом перевезем станцию на ток и механизируем все работы».

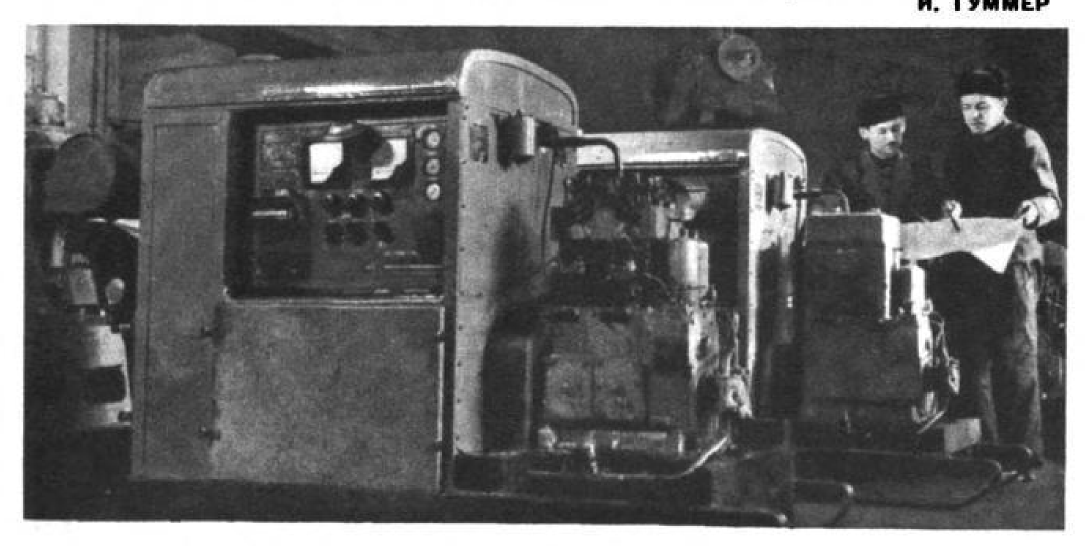
Из далеких и близких колхозов и совхозов, из Белоруссии и Азербайджана, Грузии и Украины — со всех концов страны поступают на Саратовский механический завод Министерства совхозов СССР десятки похвальных отзывов.

Недавно здесь начали выпускать новые, дизельные электростанции. Они стоят в механическом цехе, готовые к отправке. По внешнему виду и по размерам электростанции напоминают корпуса тракторов, снятые с колес и установленные на полозья. Станции закрыты со всех сторон щитами и поэтому не требуют помещений. Они легко заводятся. Трактор или автомашина может без труда перевезти электростанцию с места на место. Одна дизельная электростанция, мощностью в 11,5 киловатта, может механизировать все работы на току, либо на животноводческой ферме, либо подавать воду на поля.

Особенно возрос спрос на электростанции в связи с освоением целинных земель: они незаменимы в пустынных и полупустынных местах, вдалеке от населенных пунктов. На завод поступают заявки из вновь организуемых совхозов.

В этом месяце Саратовский механический завод изготовит 50 передвижных дизельных электростанций. Все они будут отправлены в Казахстан на целинные земли.

И. ГУММЕР

Идет проверка готовых к отправке электростанций.
Фото Я. Юрьева.

На полях Украины

В начале марта в Крыму, в колхозах Николаевщины и Кировоградщины были засеяны первые десятки гектаров ячменем, овсом и яровой пшеницей. За последние десять лет такое раннее начало полевых работ на Украине наблюдалось только один раз — в 1950 году.

Труженики сельского хозяйства Украины принимают меры для увеличения производства зерна, прежде всего для повышения урожайности зерновых культур. Улучшается агротехника. В Сталинской области, например, для весенней подкормки озимых заготовлено вдвое больше удобрений, чем в прошлом году. Около 100 тысяч гектаров зерновых получат бактериальные удобрения. Во многих колхозах намечено провести химическую прополку хлебов с воздуха специальным препаратом, уничтожающим бурьяны.

Расширяются посевы кукурузы. Колхозы и совхозы Украинской ССР посеют этой весной кукурузы почти на 900 тысяч гектаров больше, чем в прошлом году. В совхозах Харьковской области будут проведены дополнительные посевы кукурузы и пшеницы на площади около 5 тысяч гектаров, ранее не засевавшихся.

На Южном Буге, в Приднестровье, на Остре и в других местах ведутся большие работы по освоению заболоченных и пойменных земель. В этом году здесь будут возделаны десятки тысяч гектаров плодороднейшей земли.

В решении Пленума ЦК упоминается пойма реки Трубежа. Эта небольшая речка, впадающая в Днепр, проходит по нескольким районам Черниговской и Киевской областей. Речная система Трубежа, состоящая из 16 притоков, имеет 32 тысячи гектаров богатых торфо-болотистых земель. Предварительные подсчеты говорят, что 47 колхозов Киевщины и 12 колхозов Черниговщины, расположенные на Трубеже, смогут получать ежегодно на осушенных землях примерно 12 тысяч тонн зерна, свыше миллиона центнеров картофеля, овощи, сено.

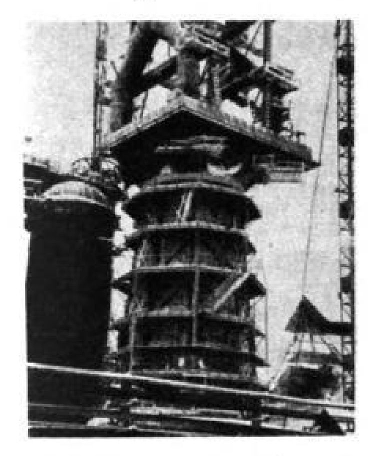
Урожай с этих земель может удовлетворить более половины потребностей населения Киева в картофеле и до двух третей потребностей в овощах. Скоро начнутся капитальные работы по освоению поймы реки Трубежа, и уже в этом году многие колхозы получат плодородные пашни.

Готовятся к весне овощеводы Украины. Нынче у них дело пойдет по-новому: с помощью МТС изготовлено 500 миллионов торфоперегнойных и перегнойноземляных горшочков. Это повысит урожайность овощных культур.

В. ШУМОВ

Домна переехала

Передвижка доменной печи.

В свое время в Москве часто можно было услышать: «Дом переехал»,— при реконструкции столичных магистралей отдельные здания отодвигали в сторону. В довоенные годы таким образом переменили свои адреса многие большие дома. Во время «переезда» жильцы оставались в своих квартирах, нормально работали телефон, водопровод, канализация.

Метод передвижки применяется у нас теперь и при реконструкции таких громоздких и сложных сооружений, как доменные печи.

До сих пор при ремонте домны сначала происходил демонтаж, а затем отремонтированные узлы печи вновь собирали. Естественно, что в этот период домна не давала чугуна. Советские специалисты разработали новый, скоростной способ реконструкции домен, при котором простой печей сводится к минимуму.

Недавно на Ново-Тагильском металлургическом заводе реконструирована по такому методу домна № 3 — одна из крупнейших в нашей стране.

На некотором расстоянии от старой печи на специальном металлическом стенде развернулось строительство новой домны. Все это время старая продолжала работать нормально. Ее остановили и разобрали лишь тогда, когда завершили монтаж новой печи.

После этого сооруженную домну начали передвигать к отремонтированному и усиленному фундаменту старой печи. С помощью гидравлических домкратов и лебедок огромная махина весом в 2 500 тонн и высотою более 60 метров «тронулась в путь». Расстояние в 21 метр печь «прошла» за 12 часов. Благодаря тщательным расчетам она сразу же была установлена на фундамент в нужном положении. Тотчас же начались огнеупорная кладка, монтаж засыпного аппарата и других узлов. Скоро реконструированная печь, полезный объем которой намного увеличился, вступила в строй.

История мировой техники не знает случаев передвижки доменной печи такого объема и веса, как уральская. Широкое внедрение этого метода даст возможность при относительно небольших капитальных затратах модернизировать ряд действующих доменных печей, значительно увеличить их полезный объем.

Г. НОВОСЕЛЬСКИЙ

КОНЦЕРТЫ ВЕНГЕРСКИХ АРТИСТОВ

Среди недавних гостей Москвы, посланцев народной Венгрии, была солистка Будапештского оперного театра Мария Дюркович. «Будапештским соловьем» прозвали ее московские слушатели, восхищающиеся высоким вокальным мастерством талантливой певицы, непринужденностью исполнения и темпераментом. Вместе с ней в Москву в связи с месячником венгеро-советской дружбы приезжала группа певцов, музыкантов и один из лучших дирижеров Венгерской Народной Республики, Ласло Шомоди. Дирижер вызвал глубокий интерес у москвичей содержательностью программ и интересной исполнительской индивидуальностью.

У заслуженного артиста республики Яноша Фодора большой оперный репертуар. Выразительно и свободно исполняет он оперные арии.

Среди венгерских инструменталистов наши слушатели хорошо знают умного и тонкого скрипача Дьердь Гараи. В разных по характеру программах он показал большие творческие возможности. Высоким художественным вкусом отличается и совсем молодой исполнитель гобоист Тивадар Бантаи, отмеченный премией на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине.

Много удовольствия доставило слушателям знакомство с заслуженным артистом Венгерской Народной Республики пианистом Лайошем Хернади. Виртуозно, проникновенно передавая замысел композитора, исполнял он сочинения Листа, Шопена и других авторов.

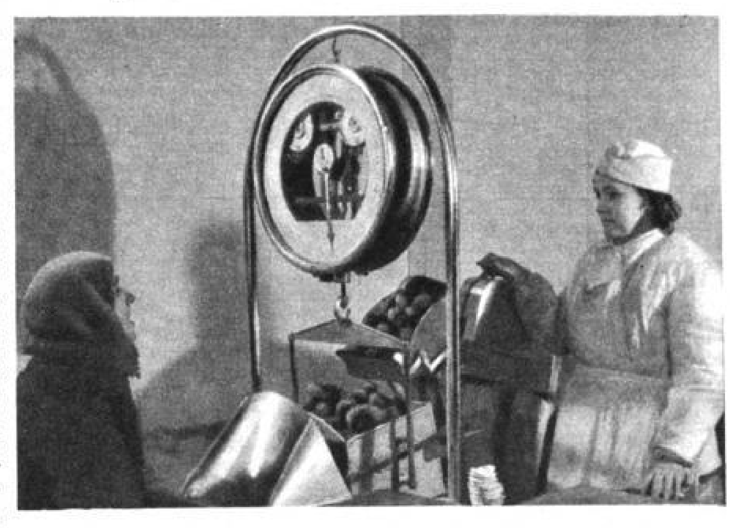
Заслуженная артистка Венгерской Народной Республики Мария Дюркович. Партию флейты исполняет Т. Саакян. Фото В. Мастюкова (ТАСС).

Отлично звучал венгерский народный оркестр, впервые выступающий в Москве. И руководитель оркестра скрипач Дюла Токи-Хорват и все участники — великолепные музыканты.

Как всегда, гастроли венгерских артистов в Москве прошли с огромным успехом, показав высокий уровень музыкально-исполнительского искусства Венгерской Народной Республики.

К. АЛЕКСАНДРОВА

Картофель на конвейере

Недавно покупатели, придя в овощной магазин на Садовой-Черногрязской улице (Москва), были приятно удивлены. Вместо неуклюжего большого ящика, откуда обычно продавец доставал картофель, стояла легкая металлическая конструкция — поблескивающий светлым дюралюминием лоток, куда по конвейерной ленте поступал картофель со склада. Не успевал покупатель протянуть чек, как в подставленную им кошелку сыпался картофель. Даже в часы пик не было тут очереди.

...Трехтонная машина подходит к магазину. В течение 20 минут один человек разгружает ее прямо в приемный ковш, выведенный во двор. Картофель подхватывается конвейером и движется вверх, в решетчатый бункер, где одновременно происходит и первичная очистка от земли. Легким нажатием рычажка продавец пускает в ход другую конвейерную ленту. По ней картофель движется к прилавку, причем по пути происходит вторичная очистка. Картофель автоматически взвешивается и, как только продавец нажмет второй рычажок, попадает в корзину или кошелку покупателя. Все это продолжается шесть—семь секунд. За два часа работы можно отпустить три тонны картофеля.

Фото С. Фридлянда.

Подо льдами Волги

Над Волгой, скованной морозами, весь день висит густая дымка. Всюду лед, припорошенный снегом. И только у маленькой фанерной будки посредине реки ни на мгновение не смолкают звонкие водяные всплески. Стремительная волна вырывается из-подо льда, бурля и вскипая воздушными пузырями, катится по разводью и снова исчезает под толстой зеленоватой коркой.

У края проруби, склонившись над телефонным аппаратом, сидит человек в дубленом полушубке. Он не спускает взгляда с полыньи, куда уходят резиновый шланг, пеньковый трос и змейка телефонного кабеля.

Здесь, у подножья Жигулевских гор, где создается Куйбышевский гидроузел, подо льдами Волги работает группа строителей-подводников. Водолазы протягивают между берегами Волги временную линию связи для нужд строительства. Тяжел и небезопасен их труд, особенно в зимнюю пору, когда мороз перехватывает дыхание.

...На противоположном конце провода на глубине шестнадцати метров — водолаз Н. Панин. Опустив ко дну напорный шланг, он медленно продвигается вдоль кабеля. Напор струи, сжатой насосом, срывает донный грунт, перемещает его к месту укладки кабеля. Траншея быстро исчезает под слоем песка и гальки, намытых гидромонитором.

Непрерывно поддерживается связь с подводником, работающим на дне Волги. Фото Ю. Яковлева.

Водолаз предупреждает, что он готовится к подъему.

Спуск под воду.

Полынья вскипает пузырями. А через несколько минут человек в скафандре неуклюже вылезает на поверхность. Товарищи освобождают его от шлема и свинцовых грузов, подвешенных на грудь и спину. Тяжело переступая ногами в полутарапудовых свинцовых «калошах», Панин идет в будку передохнуть, просушить снаряжение.

Вечереет. Время возвращаться на брандвахту — небольшую баржу, поставленную на прикол в затоне невдалеке от будки. Водолазы, перебрасываясь шутками, гуськом шагают по узкой тропке. Впереди — Василий Журкин. За свою жизнь он провел под водой более 3 300 часов. Николай Панин отработал в скафандре 2 813 часов — 117 суток. Немногим меньше — Иван Борисов: 111 суток. Самый скромный итог у комсомольца Алексея Палубкова — 45 суток.

...Рассевшись у жарко натопленного очага брандвахты, водолазы рассказывают нам о своей работе. Зима в Поволжье нынче выдалась на редкость лютой. Чтобы не мерзнуть на дне, надо быть особенно тепло одетым.

— А самое, пожалуй, сложное на Волге,— говорит водолаз Иван Борисов,— это то, что работаешь вслепую, на ощупь, не видя даже своих рук, — такая мутная здесь вода.

Подводные строители шаг за шагом движутся подо льдами Волги.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

Народные исполнители

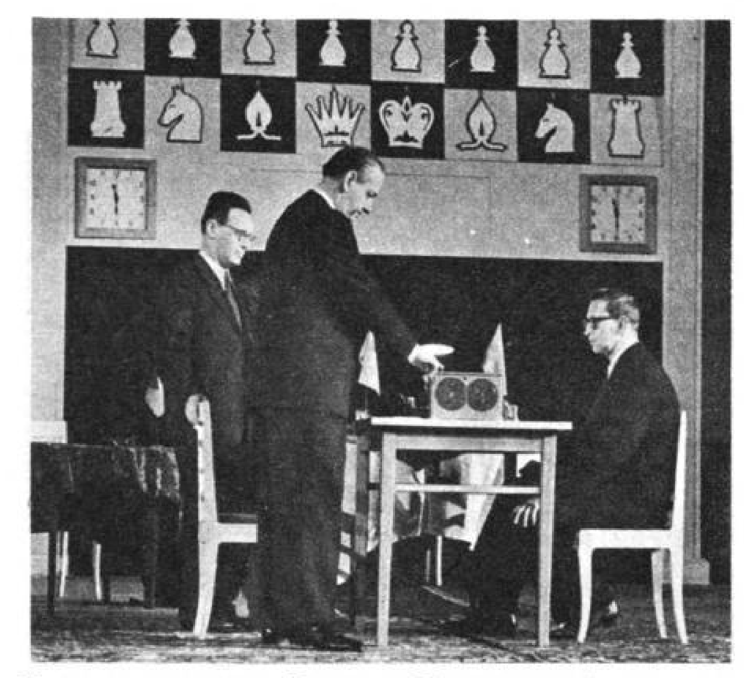

Художественная самодеятельность клуба колхоза «Улан Эрхирик», одного из лучших клубов Бурят-Монголии, получила высокую оценку на республиканском смотре. Лучшие исполнители выступают в Москве на Всероссийском смотре народных талантов.

На снимке: столяр Жигмит Родаев и плотник Моксар Мункуев из колхоза «Улан Эрхирик» исполняют народную песню «Сельдегол». Им аккомпанируют комсомольцы Чимитцырен Норбоев на хуре и Чимитцырен Галсанов на лимбе. Радиотехник Александр Хомосов записывает песни на пленку магнитофона.

Фото М. Минеева.

Матч на первенство мира

Перед началом матча. Президент Международной шахматной федерации Ф. Рогард включает шахматные часы.
Фото Л. Великжанина (ТАСС).

14 марта в Москве в Концертном зале имени П. И. Чайковского открылся шахматный матч на первенство мира между М. Ботвинником и В. Смысловым.

М. Ботвинник и В. Смыслов — сильнейшие в мире шахматисты. Победу на последнем матч-турнире претендентов в Швейцарии завоевал В. Смыслов. Ни американец С. Решевский, ни аргентинец М. Найдорф, никто другой из иностранных гроссмейстеров не могли остановить победоносное шествие талантливого питомца самой передовой и прогрессивной в мире советской шахматной школы.

М. Ботвинник и В. Смыслов встречались между собой в 20 партиях, начиная с XII чемпионата страны 1940 года. Преимущество на стороне чемпиона мира — 7 побед, 2 поражения и 11 ничьих. Однако в последние годы В. Смыслов не уступал своему грозному противнику; так, в XIX и XX чемпионатах СССР он добился даже перевеса — 1½ : ½.

М. Ботвинник старше В. Смыслова на 10 лет, у него большой опыт матчевой борьбы. Для чемпиона мира настоящий матч — шестой по счету, в то время как его противник впервые будет играть в таком матче.

Встреча двух талантливейших советских гроссмейстеров представляет выдающийся интерес для всего шахматного мира.

В первой партии победу одержал М. Ботвинник, хорошо использовавший ошибки партнера. Вторая встреча также принесла успех чемпиону мира.

В третий раз В. Смыслов играл с большим подъемом и к 27-му ходу получил отличные шансы на победу... но напрасно разменял ферзей. Партия эта закончилась вничью.

Первые три тура показали, что чемпион мира в прекрасной спортивной форме. Однако борьба еще впереди!

В. АЛАТОРЦЕВ,
международный мастер.

Троллейбус в колхозе

— В Белоруссии есть два города, где курсируют троллейбусы,— Минск и наше Косино,— пошутила заведующая молочно-товарной фермой Мария Красуцкая.

Косино — усадьба колхоза «Перамога», Логойского района, конечно, не город, но троллейбус там действительно есть.

На ферме большое механизированное хозяйство. Корма животным готовят с помощью специального комбайна, заменяющего труд тридцати человек. Комбайн сам мелет зерно, режет корнеплоды, моет, запаривает и мнет картофель, смешивает его с жидкими и концентрированными приправами... И все это в строгих пропорциях, которые определяет комсомолец Сергей Казырицкий. Долго не знали, как назвать его профессию, и окрестили недавно поваром-механиком.

В кормоприготовительном цехе наступает напряженная пора. Мария Красуцкая подходит к телефону. Соединившись с колхозной теплоэлектростанцией, она просит:

— Иван Афанасьевич, дай пару побольше: кормежка в разгаре!

Корма отвозит троллейбус. Вдоль животноводческих ферм тянутся провода. Сам троллейбус несколько необычного вида. Он значительно меньше городского. Вместо пассажирской кабины — ящик для грузов. Вот машина подходит к молочной ферме. Остановившись возле лотка и опрокинув туда, подобно самосвалу, обработанную особым способом солому, троллейбус покатил к кормовому цеху. Теперь его будут загружать «вторым» блюдом...

В. ПОНОМАРЕВ

Троллейбус у кормоприготовительного цеха.

Впервые в Москве

В Большом зале Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского. У дирижерского пульта Фернан Кинэ.
Фото Б. Рябинина.

Не так уж часты случаи, когда симфонический оркестр повторяет по требованию публики только что исполненное произведение. Еще реже повторяются подряд два номера симфонической программы. А именно так и было в Большом зале Московской консерватории на концерте симфонического оркестра Всесоюзного радио, игравшего под управлением бельгийского дирижера Фернана Кинэ.

Мастерство дирижера, воодушевившего музыкантов одного из лучших в столице коллективов, свежая, разнообразная программа, способствовали большому успеху концерта. Рельефно и художественно убедительно прозвучала Седьмая симфония Бетховена, исполнявшаяся в первом отделении. Бережно отнесся ко всем авторским указаниям великого композитора дирижер.

По настоятельной просьбе слушателей были повторены на «бис» один из ноктюрнов Дебюсси — «Празднества» — и заключительный эпизод из балетной сюиты Равеля «Дафнис и Хлоя». С интересом слушал переполненный зал малознакомую москвичам симфоническую поэму Франка «Психея». Во всех этих сочинениях, составивших второе отделение вечера, бельгийский музыкант вполне проявил лучшее в своем даровании — умение объединить артистов в едином замысле, добиться тончайших оттенков в исполнении, вызвать у оркестрантов настоящий творческий подъем.

Ученик Парижской консерватории, Фернан Кинэ прошел большой творческий путь, прежде чем возглавил симфонический оркестр города Льежа, стал директором Льежской консерватории.

Концертируя по странам Западной Европы, бельгийский музыкант, по его признанию, мечтал посетить и Советский Союз. Представление о советской музыкальной культуре он составил по выступлениям в Бельгии советских артистов Д. Ойстраха, Э. Гилельса, Н. Емельяновой, И. Безродного, Е. Малинина.

И вот его желание исполнилось. Фернан Кинэ побывал в музыкальных учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Киева, с интересом воспринимая опыт советских педагогов. Огромное впечатление произвела на него Центральная музыкальная школа-десятилетка.

— То, о чем я мечтал для своей страны,— сказал Фернан Кинэ,— уже давно осуществлено у вас. Дать музыкально одаренным юношам и девушкам возможность стать широко образованными людьми в стенах профессионального учебного заведения — это лучший способ воспитать замечательных артистов, с какими я познакомился в Советском Союзе.

К. СОКОЛОВА

Хуан Планельес—советский ученый

Радостную весть он узнал тотчас же. Друзья позвонили по телефону:

— Поздравляем! Избрали!..

Хуана Хуановича Планельеса, испанца, нашедшего в Советском Союзе вторую родину, последняя сессия Академии медицинских наук СССР избрала членом-корреспондентом.

Хуан Планельес приехал в Советский Союз в 1939 году. Он был врачом и в Испании, вел научную работу в Мадриде. Там последний его труд был посвящен учению великого русского физиолога И. П. Павлова об условных рефлексах.

Семья Планельес жила в Хересе. Гимназические годы Хуана прошли в Малаге, на берегу Средиземного моря, в городе, известном своими революционными традициями. Поступив в Мадридский университет, Хуан Планельес стал одним из организаторов союза социалистических студентов университета. С 1917 года он активно участвовал в политической жизни Испании.

Во время фашистского мятежа в Испании Хуан Планельес без колебания становится на сторону республиканцев, вступает в коммунистическую партию, борется в составе героического Пятого полка с франкистскими ордами. После падения Мадрида Планельес эмигрирует в Советский Союз.

— Пятнадцать лет назад,— рассказывает Хуан Хуанович,— я приехал в страну социализма, зная, что здесь смогу быть полезным науке, советским людям и моему родному испанскому народу, находящемуся под пятой франкистской диктатуры. Русский язык я пытался изучать еще в Испании задолго до эмиграции. Когда судьба привела меня в Саратов, первое время пришлось читать лекции студентам медицинского института на немецком языке. Однако это продолжалось недолго, вскоре я освоился с русским языком. Сейчас я пишу и читаю по-русски свободно.

В Советском Союзе созданы исключительно благоприятные условия для развития науки. Я особенно ощущаю это, ибо мне, побывавшему в капиталистических странах, довелось познать все те трудности, которые испытывают там ученые.

Член-корреспондент Академии медицинских наук СССР Хуан Планельес.
Фото Р. Лихач.

Хуан Планельес с большой теплотой отзывается о советских ученых, с которыми ему привелось вместе работать, вспоминает свои встречи с Н. Н. Бурденко.

Планельес вынимает из ящика письменного стола небольшую книжку, только что выпущенную издательством медицинской литературы. Это его последний труд. Книга называется «В. К. Высокович» и посвящена одному из выдающихся деятелей русской медицины.

В Советском Союзе Х. Х. Планельес написал более 40 научных работ по вопросам химиотерапии и патогенеза инфекций. Он заведует отделом в Институте эпидемиологии и микробиологии Академии медицинских наук СССР. Коллектив института и выдвинул ученого кандидатом в члены-корреспонденты.

— Каковы ваши дальнейшие планы? — спросили мы ученого.

— Пишу книгу, веду экспериментальные исследования. Планы большие, и все они выполнимы, было бы только желание работать. Перед каждым из нас открыты широкие возможности. Я это вижу по себе, по своим товарищам, по испанской молодежи. Испанские друзья, с которыми мне приходится встречаться, стали за эти годы врачами, инженерами, агрономами, нашли свое место в жизни.

Я. МИЛЕЦКИЙ

ПЕРЕД ГАСТРОЛЯМИ ФРАНЦУЗСКОГО ТЕАТРА

Беседа с администратором «Комеди франсез» Пьером ДЕКАВОМ

Администратор французского театра «Комеди франсез» Пьер Декав известен во Франции не только как руководитель крупнейшего национального театра, но и как писатель-драматург, критик, член Руководящего комитета Ассоциации театральных и музыкальных критиков Франции. Он активно участвует в работе профсоюзных объединений французских деятелей культуры и искусства. Пьер Декав руководил в недавнем прошлом «Обществом литераторов» и «Союзом французских критиков».

Пьер Декав возглавляет труппу артистов «Комеди франсез», которая в апреле будет гастролировать в Советском Союзе.

Редакция журнала «Огонек» обратилась к Пьеру Декаву с просьбой ответить на некоторые вопросы.

ВОПРОС. Какое значение Вы придаете предстоящим гастролям «Комеди франсез» в Советском Союзе?

ОТВЕТ. Я придаю этим гастролям большое значение, так как они означают развитие культурной связи между Францией и СССР. Наша поездка, имеющая значение и для установления профессиональных связей между французскими и советскими артистами, поможет нам познакомиться с советской культурой и советским театром.

Для показа в СССР мы выбрали наиболее характерное, наилучшее и наиболее известное из нашего репертуара: «Тартюф», «Сид», «Мещанин во дворянстве». Мы покажем эти пьесы так же, как они поставлены у нас здесь, в Париже.

ВОПРОС. Как идет подготовка к гастролям?

ОТВЕТ. Она идет интенсивно, в быстром темпе. Обычно для подготовки гастролей за границей нам требовалось 12—15 месяцев. На сей раз мы имеем в своем распоряжении только 3 месяца.

В СССР выезжает примерно одна треть нашей труппы, наиболее известные и выдающиеся актеры. И в то же время мы должны обеспечить спектакли в Париже, которые идут в двух залах. Как видите, есть о чем подумать и позаботиться!

Сейчас почти каждый день проходят репетиции спектаклей, которые будут показаны в СССР. Сделаны новые декорации для спектакля «Сид». Сшиты новые костюмы для артистов.

Советским читателям будет интересно узнать о том, что мы привезем с собой уникальную реликвию нашего театра — кресло Мольера, которое будет показано на небольшой выставке, посвященной истории «Комеди франсез».

ВОПРОС. Не можете ли Вы охарактеризовать творческие принципы Вашего театра, перспективы его развития?

ОТВЕТ. Наш театр имеет трехвековую историю. Со времен Мольера в «Комеди франсез» было поставлено 2 600 спектаклей, из них 100 остались в постоянном репертуаре. Миссия «Комеди франсез» заключается главным образом в том, что он знакомит зрителей с классическим наследием французской драматургии, имеющим всемирную известность. Однако мы не закрываем двери и для современной драмы. Сочетать показ классической трагедии и современной драмы — благодарная задача.

ВОПРОС. Ваши впечатления о выступлениях советских артистов во Франции?

ОТВЕТ. Я слушал в Париже оперу «Борис Годунов» с Вашим соотечественником Иваном Петровым в заглавной роли. Петров — замечательный певец и артист. Он обладает звучным и чистым голосом. Для его игры характерны человечность, глубокие душевные чувства, свойственные вообще русским.

Сцена из спектакля «Тартюф». Артисты Беатриса Бретти и Фернан Леду.

ВОПРОС. Что бы Вы хотели сказать о культурных связях между Францией и СССР?

ОТВЕТ. Хотелось бы, чтобы поездка «Комеди франсез» открыла собой целую серию культурных мероприятий, предпринимаемых с французской стороны. Мне известно, что предполагается поездка в СССР известной французской артистки Маргариты Лонг. Во Франции с нетерпением ожидают приезда советских артистов балета. Следовало бы иметь план культурного обмена между Францией и СССР на более длительный период. В этом случае поездка «Комеди франсез» в Советский Союз была бы первой, но далеко не последней.

Париж (по телефону).

В КОНЦЕ ЗИМНЕГО СЕЗОНА

Польская фигуристка Барбара Янковска (справа) поздравляет с победой Татьяну Лихареву.

Минувшая неделя была насыщена спортивными событиями. В Москве состоялись два международных матча и финал хоккейного Кубка.

* * *

На ледяной площадке встретились фигуристы СССР и Польши. Советская команда состояла из молодежи, в команде Польши наряду с молодежью выступали и опытные спортсмены. Это были первые международные соревнования советских фигуристов.

После выполнения обязательной программы команда СССР уверенно захватила лидерство и сохранила его до конца встречи. У женщин первое место заняла чемпионка СССР 1954 года Татьяна Лихарева, одинаково успешно выполнившая программу как обязательного, так и произвольного катания. В команде гостей обратила на себя внимание легкостью и красотой исполнения чемпионка Польши Барбара Янковска. Лихаревой 13 лет, Барбаре Янковска 14. Они школьницы и учатся на круглые пятерки.

Среди мужчин лучшего результата достиг чемпион СССР 1954 года студент Московского авиационного института Валентин Захаров. На втором месте советский школьник Олег Симонтовский и на третьем — Хенрик Шимоха (Польша).

* * *

Несколько сот команд оспаривали Кубок СССР по хоккею. Финальный матч между московскими командами ЦДСА и «Крылья Советов» привлек на столичный стадион «Динамо» более двадцати тысяч зрителей. Встреча носила исключительно острый и напряженный характер. Ее пришлось переиграть из-за ошибок, допущенных судьями. В понедельник команды снова встретились на ледяной площадке. Состязание закончилось со счетом 3 : 2 в пользу армейских хоккеистов, которые и завоевали Кубок.

Игра на Кубок СССР между командами ЦДСА — «Крылья Советов». Атака армейских спортсменов отбита.

Меткий бросок советского баскетболиста Г. Силиньша (№ 5) — и мяч в корзине болгарской команды.

Фото А. Бочинина и Н. Волкова.

* * *

С болгарскими баскетболистами москвичи познакомились на первенстве Европы. Еще тогда запомнилась их темпераментная, слаженная игра. И вот болгарские спортсмены снова в Москве.

Советские баскетболистки выиграли оба матча со счетом 67 : 53 и 76 : 52. Иначе сложилась встреча между мужскими командами. Первую игру с результатом 57 : 55 выиграли болгарские спортсмены, вторую — с результатом 75 : 66 — советские баскетболисты.

В команде СССР выступал У. Ахтаев, рост которого достигает 2 метров 28 сантиметров.

ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКОГО ПИСАТЕЛЯ

Стефан ГЕЙМ

Стефан Гейм, известный немецкий писатель, эмигрировав из Германии в 1933 году, долгое время жил в США. В период второй мировой войны он вступил в ряды американской армии и участвовал в военных действиях в Европе. После войны Гейм некоторое время находился в Западной Германии. Теперь Стефан Гейм, который известен советским читателям по романам «Заложники» и «Крестоносцы», живет и работает в Германской Демократической Республике. Недавно он посетил Москву. В день выборов в Верховный Совет СССР Стефан Гейм побывал на нескольких избирательных участках. Ниже публикуются его заметки.

СТЕФАН ГЕЙМ.

Фото Дм. Бальтерманца.

Я, разумеется, не могу лично засвидетельствовать, как проходили 14 марта выборы в Верховный Совет СССР на других избирательных участках, но после всего того, что я видел собственными глазами на 22-м участке Октябрьского избирательного округа и 66-м участке Фрунзенского избирательного округа в Москве, после моих бесед с избирателями, голосовавшими там, причина полной и решающей победы блока коммунистов и беспартийных в Советском Союзе стала для меня абсолютно ясной. Такую победу в Соединенных Штатах назвали бы «landslide», лавиной. Чтобы заранее успокоить моих читателей, особенно тех, кто считает себя находящимися к западу от «железного занавеса», я хочу сказать, что избирательные участки, которые я посетил утром 14 марта, я выбрал себе сам. Мне было достаточно назвать свое имя и заглавия написанных мною книг, чтобы мне гостеприимно предоставили удобное место в зале для голосования. И еще я хочу сказать, что ни с кем из моих собеседников-избирателей я не был знаком раньше, а просто подходил к ним наудачу с просьбой ответить на некоторые мои вопросы.

Многие из этих вопросов казались советским избирателям чрезвычайно странными и даже глупыми. Как вы увидите, это были вопросы из пропагандистского арсенала západнейших из западных наших современников. Но, тем не менее, на мои вопросы отвечали вежливо и терпеливо. Я основательно осмотрел также помещения избирательных участков и нигде не заметил «агентов тайной полиции», хотя, полагаю, смог бы безошибочно их определить: ведь в некоторых «свободных странах» они долго и назойливо рыскали за мною по пятам. Не заметил я также и «пропагандистского давления на избирателей»: в Советском Союзе выборная агитация в помещении избирательного участка запрещена законом. Я не видел также «вооруженных до зубов людей» ни на избирательном участке, ни вблизи его. В военной форме были только солдаты и офицеры Советской Армии, опускавшие свои бюллетени в избирательную урну.

Зато я видел много детей, которых вели за руку или несли на плечах их родители. Если советские выборы, как пишут об этом в газетах западнее Эльбы и берлинского вокзала Фридрихштрассе, «проходили в обстановке террора», то это первые террористические выборы, на которые родители приходят вместе со своими маленькими детьми.

* * *

Приятно поразило меня, что в Советской стране кандидаты в депутаты Верховного Совета выставляются многочисленными общественными организациями и массовыми общими собраниями избирателей. В американских условиях кандидатов подыскивают партийные боссы и доверенные лица крупнейших промышленников. «Выдвижение» кандидатов происходит в прокуренных комнатах какого-нибудь роскошного отеля.

Знаменитый советский токарь-скоростник Павел Быков, который баллотировался в Октябрьском избирательном округе Москвы, был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР на Московском заводе шлифовальных станков, где он работает. Его кандидатуру поддержали общие собрания рабочих и служащих типографии газеты «Правда» и парфюмерной фабрики «Свобода». Во Фрунзенском избирательном округе баллотировалась 73-летняя Екатерина Васильевна Мартьянова, директор 29-й средней женской школы. Екатерина Мартьянова — это человек, чья жизнь легла в основу известного советского кинофильма «Сельская учительница». Кто видел этот фильм, тот поймет, что это за женщина, которая помогала тысячам молодых людей стать достойными новой, творческой жизни при социализме; женщина, которую любят молодежь и старики, которая вместе с молодежью сумела остаться молодой.

Оба они, Быков и Мартьянова, были депутатами и прежнего созыва, оправдали доверие избирателей и теперь были выдвинуты вновь.

* * *

Еще до шести часов утра я приехал на 22-й избирательный участок в помещение Дома культуры издательства «Правда». Вместе с уже собравшейся большой группой избирателей я дожидался начала голосования. Ровно в шесть первый избиратель подошел к столу и получил бюллетени. Самое удивительное, что этот человек, не заходя в кабину, прямо подошел к избирательной урне и опустил туда вчетверо сложенные листки. После этого он быстро зашагал к выходу.

— Извините, пожалуйста.

Объясняю ему, что мне нужно. Покоряясь выпавшей на его долю судьбе интервьюируемого, первый избиратель садится рядом со мной за столик. Зовут его Александр Ефимович Горячкин, ему 62 года, по профессии кровельщик. Он одет в рабочую спецовку, не успел даже побриться: в семь часов начинается его смена. Он мог бы придти голосовать и попозже, в обеденный перерыв, но, как говорит он, предпочитает исполнить свой долг избирателя одним из первых.

Вопрос. Скажите мне, гражданин Горячкин: почему вы вообще пришли голосовать?

Горячкин (удивленно). Известно, почему. Ведь Верховный Совет — это наше правительство, хорошее правительство. Выдвинуты в депутаты достойные люди. За них нельзя не голосовать.

Вопрос. Стало быть, вы голосовали за правительство. Почему?

Горячкин (смотрит на меня так, словно я только что свалился с Марса). Ведь это — наше правительство! Оно помогает нам. Я, например, помимо своей заработной платы, получаю еще и пенсию. Правительство помогло мне вырастить и обучить моих детей. Раньше, до революции, мне об этом и думать нельзя было.

Вопрос. Вы член партии?

Горячкин. Нет.

Вопрос. Как я вижу, в этом избирательном округе выставлен только один кандидат в Совет Союза, это Павел Быков. Ведь его все равно изберут и без вашего участия. Может быть, вам было бы приятнее поспать лишний часок дома, чем приходить сюда так рано и отдать свой голос за Быкова?

Горячкин. Я советский гражданин. Придти на выборы — это мой долг.

Вопрос. Ага, значит, вы явились сюда по долгу. Кто же вас заставил?

Горячкин (возмущенно). Меня? Меня никто не заставлял! Я сам пришел. Наши выборы — дело добровольное. Но я чувствовал, что должен был придти. У меня девять детей. Старшей дочери 23 года, она геолог, институт окончила. Все дети стали настоящими людьми, учатся. А знаете, сколько наше правительство выплатило моей жене пособия на детей? Тридцать тысяч рублей!

Вопрос. Вы голосовали за Быкова. Знаете ли вы его лично?

Горячкин. Лично незнаком. Но я знаю, что он рабочий, передовой рабочий, хороший человек. Я был на собрании избирателей, где он выступал.

Вопрос. Ну, а допустим, что вы голосовали бы против. Не боялись бы вы, что это может повлечь за собой неприятные для вас последствия?

Горячкин. Боялся? Кого бы я стал бояться? Почему?

Для меня все уже было ясно. Мы попрощались. Когда Горячкин подходил к двери, он обернулся и крикнул мне:

— Наше правительство хорошее!

Таков был первый избиратель на этом участке.

* * *

Ну что ж, подумал я, поговорим теперь с какой-нибудь женщиной, скажем, со старушкой, которая, может быть, видала многое на своем веку. Через несколько минут я уже знакомился с Евдокией Тимофеевной Паниной. Ей 69 лет, теперь она пенсионерка, а раньше работала сторожем на одном из предприятий.

Вопрос. Евдокия Тимофеевна, вы помните, наверное, то время, когда вашей страной правил царь. Тогда тоже были выборы, и тогда была не одна партия, а много, вы могли выбирать, за кого голосовать. За какую партию вы тогда голосовали?

Панина. А я вообще не голосовала. Таких, как я, никто не приглашал на выборы. Это теперь у нас, если ты старый человек и тебе трудно ходить, за тобой присылают машину.

Вопрос. Ах, вот как! Но почему же вы явились голосовать так рано? Ведь вы можете голосовать до двенадцати часов ночи?

Панина. Зачем же, я и так плохо спала эту ночь, боялась проспать. Хотела придти к самому началу. Зачем же дожидаться? Я хотела одной из первых отдать свой голос за наших кандидатов. Они хорошие люди, достойные, уважаемые.

Вопрос. Вы хотели отдать свой голос за достойных людей, за кого же?

Панина. Вы, наверное, приехали из самой далекой заграницы. За наше правительство я голосовала, за товарищей Булганина и Быкова. Это хорошие люди, защищают наши интересы, интересы народа.

Вопрос. Вы не заходили в кабину?

Панина. А зачем? Мы любим наше правительство. Нас, старых людей, уважают. Сын мой служит

в армии, офицер, одна моя дочь — бухгалтер, другая работает в пекарне. Жизнь у нас хорошая, свободная, умирать не хочется.

Вопрос. Значит, вы считаете, что вы свободны?

Панина. Свободна?.. А как же, конечно! Мы все свободны. Если мне нужна какая-нибудь помощь, мне помогают. Я часто хожу в кино, бываю и в театре. Когда собираются мои друзья, я люблю поплясать. Говорят, что я еще неплохо пляшу и пою неплохо наши народные русские песни...

* * *

Я благодарю Евдокию Тимофеевну, желаю ей долгой и счастливой жизни и еще многих плясок и песен, а про себя думаю: «Если бы я был московским корреспондентом «Нью-Йорк таймс» или «Нейе цейтунг», то мне пришлось бы уже принять десяток порошков пирамидона».

Теперь мне нужно поговорить с теми, кто заходит в кабину, — возможно, они входят для того, чтобы незаметно зачеркнуть там фамилии кандидатов. Именно там, в этих кабинах, и гнездится «оппозиция», о которой с таким вожделением пишут газеты на Западе.

Внимательно наблюдаю за кабинами для тайного голосования. И что же я вижу? Оказывается, для корреспондентов «Нью-Йорк таймс» или «Нейе цейтунг» не все еще потеряно и пирамидон принимать еще рановато. Десятки людей заходят в кабины и, как ни в чем не бывало, выходят оттуда. Если всё это «оппозиция», то она, как видно, куда более значительная, чем пишут в советской печати.

Я беседую с Марией Самойловной Кочуровой, которая только что побывала в кабине и затем опустила свои бюллетени. Ей 47 лет, она работает контролером в типографии.

Вопрос. Я знаю, что выборы у вас являются тайными, поэтому можете не отвечать на мои вопросы. Но я заверяю вас, что не опубликую ничего такого, что вы сочли бы для себя нежелательным.

Кочурова. Да нет, пожалуйста, я готова ответить вам. Что вас интересует?

Вопрос. Я видел, что вы заходили в кабину. Почему?

Кочурова. Потому что наши выборы тайные. Я всегда захожу в кабину. На прошлых выборах я тоже так делала.

Вопрос. Повторяю, вы можете не отвечать мне, если не пожелаете. Голосовали ли вы за правительство или против?

Кочурова. Конечно, за правительство. За наших кандидатов — товарищей Булганина и Быкова.

Вопрос. Скажите мне по правде: вы отвечаете мне так, потому что боитесь?

Кочурова (возмущенно). Кого я должна бояться? Если бы даже я голосовала против, мне нечего бояться. Наши выборы — тайные выборы. Но я голосовала за наше правительство, за наших кандидатов. Мы знаем наших кандидатов уже много лет, это замечательные люди, наши люди. И я голосую за них потому, что знаю: они будут работать для народа, чтобы жизнь народа становилась лучше.

* * *

Значит, все же без пирамидона моим коллегам из «Нью-Йорк таймс» не обойтись. Но нет! Из кабины выходит совсем молодая девушка. Она, вероятно, впервые принимает участие в выборах. И вдруг она снова шмыгает обратно в кабину. Это что-нибудь да значит!

Зоя Ивановна Полякова, ученица средней школы, восемнадцати лет, робко подсаживается к моему столику.

Вопрос. Зоя, если вы не захотите отвечать на мои вопросы, то я пойму вас и нисколько не обижусь.

Зоя спокойно слушает.

Вопрос. Вы заходили в кабину... Может быть, ну, вы понимаете, что я имею в виду, вычеркнули кого-нибудь, а?

Зоя смотрит на меня непонимающе.

Вопрос. Если вы не хотите, можете мне не отвечать. Ведь у вас тайные выборы. Вы впервые принимаете участие в голосовании?

Зоя. Да.

Вопрос. Почему же вы зашли в кабину?

Зоя. Я хотела кое-что написать на бюллетене.

Вопрос. Что же?

Зоя. Я написала...

Вопрос. Что?

Зоя. Я написала: «Спасибо нашему Советскому правительству за все, что оно для нас сделало».

* * *

После этого я покинул 22-й избирательный участок. Четыре года тому назад, во время предыдущих выборов в Верховный Совет СССР, на этом участке голосовало 100% избирателей, и все 100% голосовали за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. С точки зрения «свободного Запада» здесь дело обстоит «безнадежно»...

Помещение для голосования на 66-м избирательном участке Фрунзенского избирательного округа находится в здании той школы, где работает кандидат в депутаты Верховного Совета СССР Екатерина Васильевна Мартьянова. И, действительно, многие избиратели знают ее лично, были ее учениками, их дети учатся у нее в школе.

На 22-м участке я разговаривал с пожилыми или очень молодыми людьми. Теперь последняя надежда обнаружить что-либо приятное сердцу корреспондентов «Нью-Йорк таймс» и «Нейе цейтунг» — это поговорить с человеком среднего возраста, чья внешность и манеры соответствовали бы тому, что у нас зовется «добропорядочным бюргером». Такой человек, глава семьи, который в условиях Западной Германии или Соединенных Штатов был бы каким-нибудь мелким предпринимателем, возможно, не весьма доволен условиями жизни в Советском Союзе. Вот он-то и выразит свое недовольство при голосовании.

Именно такой, как мне показалось, человек вместе со своей женой и сыном лет девяти только что отошел от избирательной урны. Я попросил их уделить мне минутку внимания. Мы познакомились: Василий Константинович Жданов, его жена Татьяна Николаевна и маленький Володя.

Первый же мой вопрос на тему «Свободно ли вы голосовали?» вызывает на лице Василия Константиновича улыбку. Потом его лицо изменяется, становится энергичным, серьезным. Оно как бы говорит: давайте побеседуем начистоту.

— Я голосовал за наших кандидатов,— говорит Василий Константинович.— Это для меня — само собой разумеющееся дело. Голосуя за наших кандидатов, я голосую за мой народ, за мою партию, за мое правительство. Я коммунист. Вступил в партию во время войны. В кабину я не заходил. Зачем? Мои чувства к народу, к партии достаточно ясны, чтобы я мог выражать их открыто.

Его жена утвердительно кивает головой:

— То же самое я могу сказать и о себе, хотя я беспартийная.

* * *

На Западе будут, конечно, утверждать на все лады, что большевики с помощью всяких «фокусов» ввели советских людей в заблуждение. Конечно, есть на свете выборные фокусы. Аденауэр, например, послал в район Ремшейда 30 тысяч «странствующих избирателей», чтобы помешать избранию коммуниста МаксаРеймана.

Каковы же «фокусы», к которым прибегают в Советском Союзе, чтобы «ввести в заблуждение» 120 миллионов избирателей, подобных тем, с которыми я разговаривал? Каждому, у кого есть глаза и кто хоть несколько дней провел в этой стране, эти «фокусы» становятся совершенно очевидными.

«Фокус» номер один заключается в том, что Советское правительство управляет своей страной в интересах самых широких народных масс. И советский народ, который далеко не так наивен, как думают некоторые на Западе, прекрасно понимает, что делает для него его правительство, доверяет ему и соответствующим образом выражает это на выборах.

«Фокус» номер два состоит в том, что кандидатами на выборах выставляются честные и достойные люди, которые оправдали себя в борьбе за лучшую жизнь, — короче говоря, лучшие сыны и дочери народа. И советский народ, проверяющий своих кандидатов по их делам и имеющий право в любое время отозвать депутатов, не оправдавших доверия, дружно голосует за своих кандидатов.

С помощью этих «фокусов», недопустимых с точки зрения «свободного Запада», большевики сделали советский строй самым устойчивым в мире. И он таким будет и впредь.

Москва, 14 марта 1954 года. Выборы в Верховный Совет СССР. Танцы у избирательного участка № 41 Кировского избирательного округа.
Фото А. Стужина (ТАСС).

В деревне мелом на доске написано объявление: «Сегодня праздник. Будут розданы жилища и земля».

Гватемала и «фруктовая империя»

На X панамериканской конференции государственный секретарь Даллес, живописуя политику США в Латинской Америке, жонглировал словами «свобода», «гармония духа», «единство». Что скрывается за этими словами, весьма ярко показывает один документ. Это недавно опубликованная «программа», составленная мистером Х. В. Ролстаном, бывшим управляющим американской компании «Юнайтед фрут».

«Все наши мысли и дела,— пишет Ролстан,— должны вращаться вокруг слов «сила», «дисциплина», «трудовые лагери». Ни слова о милосердии...» Как видим, язык мистера Ролстана существенно отличается от языка мистера Даллеса.

«Мы должны,—продолжает Ролстан,— требовать и добиваться контроля над нацией, над всеми ее богатствами... Мы должны заключать жесткие контракты такого характера, чтобы никто не мог конкурировать с нами, чтобы организация и развитие здесь какого бы то ни было предприятия была бы невозможной без нашей воли и нашего контроля... Мы должны развивать в подчиненных народах неизбежность нашего расширения, приучать их к нашей политике и нашим командам».

Рыцари «Юнайтед фрут компани», или «фруктовой империи», как ее часто называют, пришли в маленькую латиноамериканскую страну Гватемалу лет пятьдесят назад. Они полностью монополизировали торговлю фруктами в этой стране и на всем южноамериканском континенте. «Рыцарям» понравилось извлекать доллары из бананов и кофе, превосходно вызревающих под тропическим солнцем. Им не было, конечно, дела до того, что для гватемальцев развалины храмов среди тропических лесов, памятники древней культуры — их собственное, а не чужое прошлое.

Более половины населения Гватемалы составляют индейцы. Индейская, порой негритянская, кровь течет и в жилах другой половины. Впрочем, есть в Гватемале один процент «чистопородных» потомков испанских завоевателей. Им принадлежали до последнего времени земля, государственные, офицерские, чиновничьи и полицейские посты, власть над жизнью и смертью 99 процентов жителей страны. Новоявленным завоевателям — рыцарям «фруктовой империи» — понравились не только бананы и кофе — по душе им пришлись и «чистопородные», готовые продаваться и продавать страну оптом и в розницу.

В результате судьба президентских, министерских и депутатских мандатов оказалась в руках компании «Юнайтед фрут». Она диктовала законы. Она пресекала возможность конкуренции с ней и препятствовала зарождению национальной промышленности. Она захватывала лучшие земли Гватемалы, забрасывала ненужные ей, но не отдавала их никому. Свои плантации она обратила в концентрационные лагери: местные власти и ее собственная полиция, президент и судьи заботились о том, чтобы батраки не могли никуда уйти. В стране не хватало хлеба: сеять его «Юнайтед фрут» не позволяла. В портах США масса гнилых бананов выбрасывалась в море,— на плантациях же за «кражу» гнилого банана голодный ребенок мог получить пулю.

Десять лет назад народ Гвате-

Стихи поэтов Гватемалы

СЕГОДНЯ

Рауль ЛЕЙВА

Вся в лилиях сегодня Гватемала,
и ветер кажется дыханьем лилий.
Земля как будто глубже задышала
перед началом радостных усилий.
Часы текут торжественней хорала,
и, кажется, поля заговорили
о том, что сделать предстоит немало,
о жизни и ее волшебной силе.
Народ узнал, что значит вдохновенье:
свобода, справедливость и участье
его торопят, как весна природу.
В борьбе за человеческое счастье
мы выиграли первое сраженье:
вчера земля возвращена народу.

МИР

Отто Рауль ГОНСАЛЕС

«Мир!» — говорю я вам, и вслед за мною
«Мир!» говорят и сеятель и жница.
А им пришлось столетьями учиться,
как жизнь укрыть от холода и зноя.
«Мир!» — мы твердим, и золотой волною
на берег жизни сыплется пшеница.
Огнями осень на поля ложится.
«Мир!» — я кричу в ее окно сквозное.
Рог изобилия не опрокинет
на нас земля, не зазвучат и песни,
пока война народы все не минет.
Плодов земли мы детям не добудем,
и вкуса их мы не узнаем, если
мы миру «Мир!» провозглашать не будем.

Перевод с испанского.

Митинг Крестьянского союза Гватемалы.

Кастильо Флорес, председатель Крестьянского союза Гватемалы, разъясняет крестьянам, как будет происходить распределение земли.

Вручение акта на пользование землей.

малы сбросил «маленького Гитлера» — тирана Убико. Он устранил и других «чистопородных», пытавшихся снова утвердиться у власти при поддержке «Юнайтед фрут». В 1950 году к власти пришло правительство национальное, честное, умеренно-прогрессивное. Оно решило вернуть землю (далеко не всю) тем, кто веками работал на ней.

У «Юнайтед фрут» и у реакционных помещиков отобрали заброшенные и необрабатываемые земли. За национализацию этих земель было предложено возмещение. И тут получился большой конфуз. Возмещение было исчислено на основании той оценки земли, которую показывала «Юнайтед фрут», когда она уплачивала налоги. Заправилы компании в Нью-Йорке подняли страшный шум. «Кто же не знает,— вопили они,— что каждый налогоплательщик обманывает государство? Конечно, мы показали преуменьшенные цифры, но теперь хотят обмануть и ограбить нас!»

Между тем в деревни Гватемалы впервые за сотни лет пришел праздник. Правительство при участии Крестьянского союза распределяло землю. Впервые гватемалец становился владельцем земли, на которой он вырос, работал, хоронил — с разрешения хозяина — предков. Впервые он сказал себе в своей стране, на своей земле: «Я дома, я на родине, я — человек».

«Юнайтед фрут» в союзе с «чистопородными», церковью и некоторыми иностранными посольствами пыталась учинить очередной переворот. Народ не позволил этого. Тогда «Юнайтед фрут» стала подкупать правителей соседних с Гватемалой стран, создавать на их территории вооруженные карательные экспедиции, угрожать Гватемале войной, требовать посылки войск США «на усмирение гватемальских красных».

«Рыцари» «фруктовой империи» стали запугивать другие американские монополии: «Смотрите, с вами будет то же самое!» Начали науськивать на Гватемалу политических боссов США: «Латинская Америка срывает с себя наши путы!» Стали пугать обывателей: «В Гватемале, рядом с нами,— «коммунизм»!»

На панамериканской конференции Даллес потребовал, чтобы была принята резолюция, осуждающая «коммунизм». Всем было ясно: за этим требованием скрывалось желание «осудить» Гватемалу за то, что она отстаивает свою независимость на собственную землю. «Осудить» — и тем самым развязать руки тем, кто желает вмешаться в дела этого государства.

«Просвещенный эгоизм» — так Даллес назвал стремление воинствующих кругов США к мировому господству. В первую очередь «просвещенные эгоисты» решили обуздать всякого, кто захотел бы сопротивляться им на американском континенте.

Не успел Даллес прибыть в венесуэльскую столицу Каракас на открытие панамериканской конференции, как в конгрессе США раздались револьверные выстрелы: стреляли пуэрто-риканские националисты, протестуя против издевательств североамериканских колонизаторов над их родиной. «Просвещенный эгоист» немедленно пересел в бронированный автомобиль и оттуда стал диктовать свою волю. А воля эта хорошо известна: пусть ради интересов «Юнайтед фрут» и прочих американских монополий европейцы воюют с европейцами, азиаты с азиатами, латиноамериканцы с латиноамериканцами.

Однако латиноамериканцы не обнаруживают желания к междоусобной драке. Парламент Чили единогласно принял резолюцию, осуждающую всякие покушения на суверенитет Гватемалы. В защиту Гватемалы по всей Латинской Америке выступают министры и писатели, профсоюзы и культурные организации. Даже некоторые латиноамериканские диктаторы — сам сенатор Маккарти до сих пор еще не заподозрил их в «коммунизме» — вынуждены были под давлением общественного мнения, в изысканнейших, правда, выражениях предупредить своих «друзей» в Нью-Йорке: «Мы сожалеем, что вы так грубо вмешиваетесь в дела Гватемалы». А «Ассошиэйтед пресс» пришлось уныло констатировать, что в Каракасе министру Гватемалы, защищавшему законные права своей родины, аплодировали участники конференции. Эти аплодисменты, как писали некоторые американские газеты, явились «зловещим контрастом» с молчанием, которым были встречены на конференции разглагольствования Даллеса о «коммунистической угрозе».

О. САВИЧ

«ДЕЛО МАЦУКАВА»

Весь мир облетело сообщение о процессе, который был инсценирован в японском городе Сендае по так называемому «Делу Мацукава». Четверо обвиняемых были приговорены к смертной казни, двое — к пожизненному заключению, и 11 человек — к тюремному заключению в общей сложности на 100 лет.

В чем обвинялись эти люди? Если верить судебным властям, они в августе 1949 года повредили железнодорожное полотно на линии Тохоку, близ станции Мацукава, в результате чего сошел с рельсов пассажирский поезд. Тогда же полицейские органы выступили с заявлением, будто виновниками крушения являются «коммунисты» и руководители профсоюзных организаций станции Мацукава и местного завода компании «Токио Сибаура». Были арестованы Судзуки Син, Хонда Набару, Сато Ичи, Сугиура Сабуро, Такеда Хисаси — люди, известные своими мужественными выступлениями против произвола властей, против жестокой эксплуатации рабочих.

Первое судебное разбирательство в городе Фукусима длилось несколько месяцев. Многочисленные показания свидетелей, неопровержимые факты, обнародованные защитниками, прогрессивной печатью Японии, наконец, само судебное следствие, которое велось с грубыми нарушениями элементарных правовых норм, не оставляли сомнения в том, что подсудимые ни в чем не виновны. С треском провалились показания специально подготовленного полицией провокатора. И все-таки суд в Фукусима признал подсудимых виновными и приговорил пятерых рабочих к смертной казни. Чудовищный приговор вызвал взрыв всеобщего возмущения и гнева. Миллионы японцев поставили свои подписи под резолюцией протеста против несправедливого приговора. Требования освободить ни в чем не повинных людей стали поступать из Индии, Пакистана, Китая, Австралии, Туниса, Норвегии, Польши, США, Англии, Франции и других стран.

Под давлением общественного мнения было назначено новое судебное разбирательство в городе Сендае. Но это была уловка реакции, стремившейся снова обмануть трудящихся. И после того, как суд занимался состряпанным полицией «Делом Мацукава» в общей сложности несколько лет, снова был вынесен несправедливый, бесчеловечный приговор.

В свое время мне довелось беседовать с видным японским адвокатом, выступающим в качестве защитника по «Делу Мацукава». Вот что он сказал:

— Я и мои коллеги тщательно исследовали обстоятельства происшествия и пришли к глубокому убеждению, что подсудимые невиновны. За что же их судят? Я не боюсь заявить, что их судят за то, что они осмелились выступить против каторжных условий труда и жизни, против растущей безработицы, против антинародных законов и агрессивных военных приготовлений правительства Иосида.

К этим гневным словам престарелого адвоката надо сделать еще одно добавление. Японские судебные власти попирают право и общественное мнение в сообществе с американскими властями и по их наущению. Не случайно в день вынесения приговора здание суда в Сендае находилось под усиленной охраной нескольких тысяч японских полицейских, частей корпуса национальной обороны и американских вооруженных сил. Национальный комитет, созданный в Японии для защиты жертв «Дела Мацукава», в своем воззвании к народу указывает, что верховный суд Японии, предрешивший судьбу обвиняемых, действовал по указке американского советника Макхормика.

Сейчас по всей Японии идут массовые митинги протеста. Международные профсоюзные организации транспортных и портовых рабочих обратились к транспортникам всех стран с призывом принять участие во всеобщем движении протеста против расправы над японскими патриотами. С требованием освободить японских рабочих выступили Всеиндийский конгресс профсоюзов, Всеиндонезийский центр профсоюзов и другие массовые организации, направляющие японскому премьеру Иосида, японским властям телеграммы с требованием: «Свободу жертвам «Дела Мацукава»!»

А. КОЖИН

Глубокое возмущение охватило жителей города Сендая, когда они узнали о кровавом приговоре, вынесенном судом.

Экскурсия в Кремле. Школьники осматривают Царь-колокол.

В КРЕМЛЕ

Фото А. ГОСТЕВА и И. ТУНКЕЛЯ.

«Что сравнить с этим Кремлем, который, окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит на высокой горе... Он алтарь России, на нем должны совершаться, и уже совершались многие жертвы, достойные отечества...» Эти вдохновенные строки написаны рукой великого русского поэта Лермонтова. Они отражают чувства каждого патриота нашей Родины, когда он видит Кремль, думает о Кремле.

Эти древние стены и башни — свидетели грозных и славных событий в истории нашей Родины. В Кремле все говорит нам о богатырской мощи, о даровитости нашего народа, о подвигах, которые совершал он во имя любви к Родине. История Кремля — это история нашей столицы Москвы, история возвышения Руси.

До XVII века московский Кремль был несокрушимой твердыней, крепостью, о которую разбивался яростный приступ вражеских полчищ.

Но московский Кремль дорог нам не только как памятник военной славы русского оружия. На протяжении столетий Москва была столицей могущественного Русского государства, центром, где находились все государственные

Парадная лестница Большого Кремлевского дворца.

учреждения, и все эти учреждения были сосредоточены в Кремле. Вот почему на земле нет второго такого места, где было бы собрано столько редчайших архитектурных памятников, произведений высокого искусства, отражающих русский национальный стиль. И когда Советское правительство во главе с великим В. И. Лениным 11 марта 1918 года прибыло в Москву, когда Москва вновь стала столицей Советского государства, а Кремль — резиденцией его правительства, одним из первых указаний Владимира Ильича было беречь и сохранять памятники древнего Кремля.

У колокольни Ивана Великого поражает нас стоящий на каменном постаменте гигантский Царь-колокол. Над зданиями высится Царь-пушка, творение знаменитого мастера Андрея Чохова. Сотни пушек наполеоновской армии лежат у стен арсенала; это трофеи отечественной войны 1812 года.

Мы у Большого Кремлевского дворца, там, где на мраморных досках сверкают буквы «Верховный Совет СССР» и «Верховный Совет РСФСР». Вот величественный вестибюль, парадная лестница, ведущая в залы дворца. Строители Большого Кремлевского дворца объединили и ввели в архитектурный ансамбль историческую Грановитую палату, древнюю церковь «Спаса за золотой решеткой» и терема, построенные в 1635—1636 годах замечательными русскими зодчими Баженом Огурцовым, Трифоном Шарутиным, Антоном Константиновым и Ларионом Ушаковым.

Редчайший архитектурный памятник — Грановитая палата — отражает могущество Руси эпохи Ивана III, Василия III, Ивана IV Грозного. Здесь отмечались победы русского оружия, заседала боярская дума, падали ниц перед Иваном Грозным своевольные

Владимирский зал Большого Кремлевского дворца.

Молодежь на балу в Большом Кремлевском дворце.

Грановитая палата. XV век.
«Святые сени» дворца. XV век.

«княжата» — потомки удельных князей, сторонники Курбского — бояре. Могучий столп в центре палаты поддерживает ее мощные своды. В окошко тайника, расположенного высоко под сводами, любовались торжественными приемами запертые в теремах царицы и царевны. Каменная лестница, ведущая в терема, сохранила чудесную резьбу по белому камню.

Быт русских царей, история давно ушедших в прошлое столетий ярко представляются нам в крестовой, трапезной, в престольной палате — подобии кабинета царя. Из окна престольной палаты спускался вниз на площадь перед дворцом ящик для челобитных,— ответа ждали долго; отсюда и пошла поговорка: «Долгий ящик».

Из теремов пройдем во Владимирский зал Большого дворца с куполом, украшенным знаками ордена Владимира. Мы оказываемся в XIX веке.

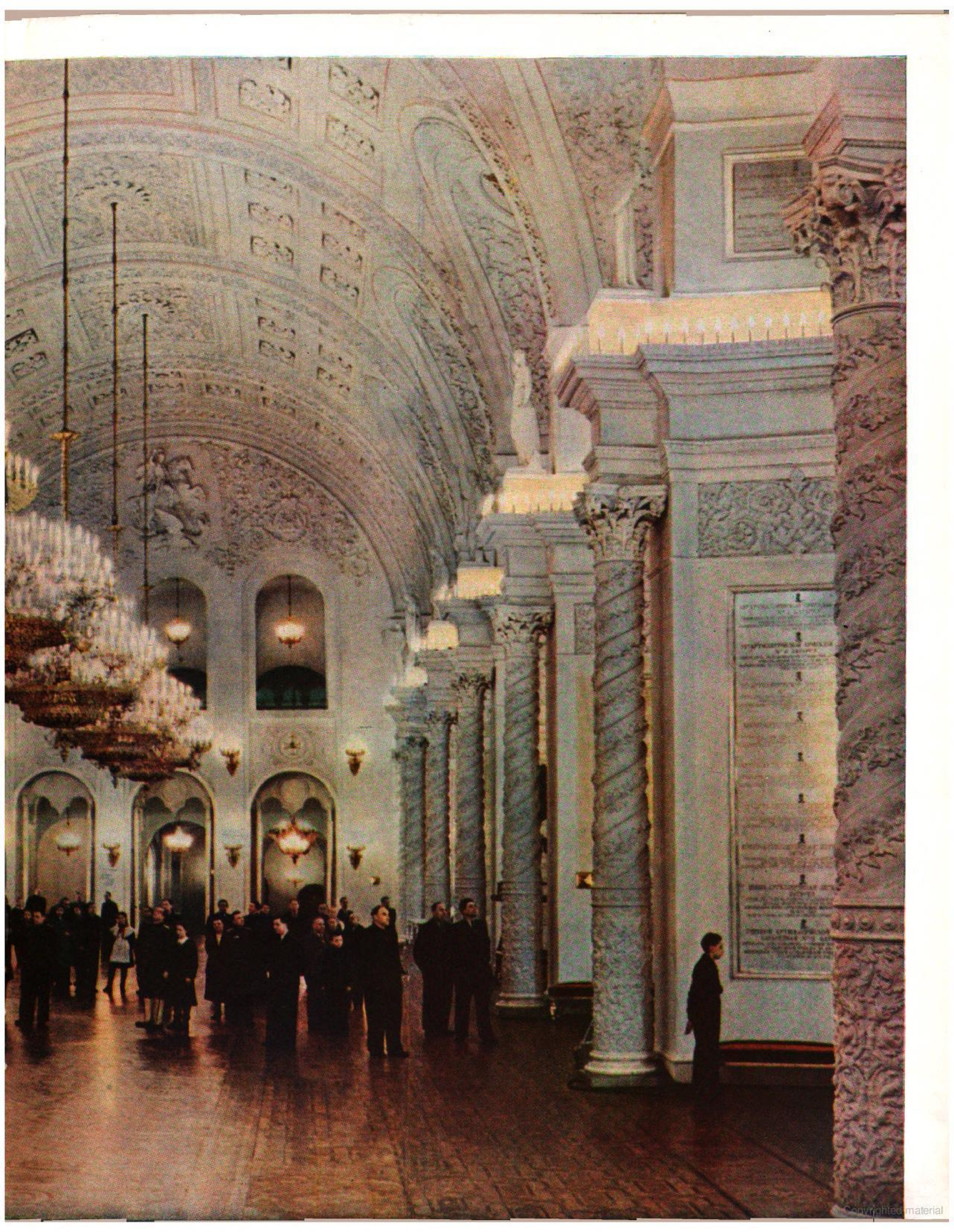
Георгиевский зал ослепительно белый, весь в мраморных мемориальных досках. На этих досках золотом начертаны названия полков, награжденных орденом Георгия Победоносца в отечественную войну 1812 года. В Георгиевском зале нас охватывают незабываемые воспоминания о славных победах русского оружия.

Ныне в этом зале Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР К. Е. Ворошилов вручает высокие правительственные награды советским людям, отличившимся славным трудом на пользу Родины. Здесь получали боевые ордена советские воины.

В Кремле руководители партии

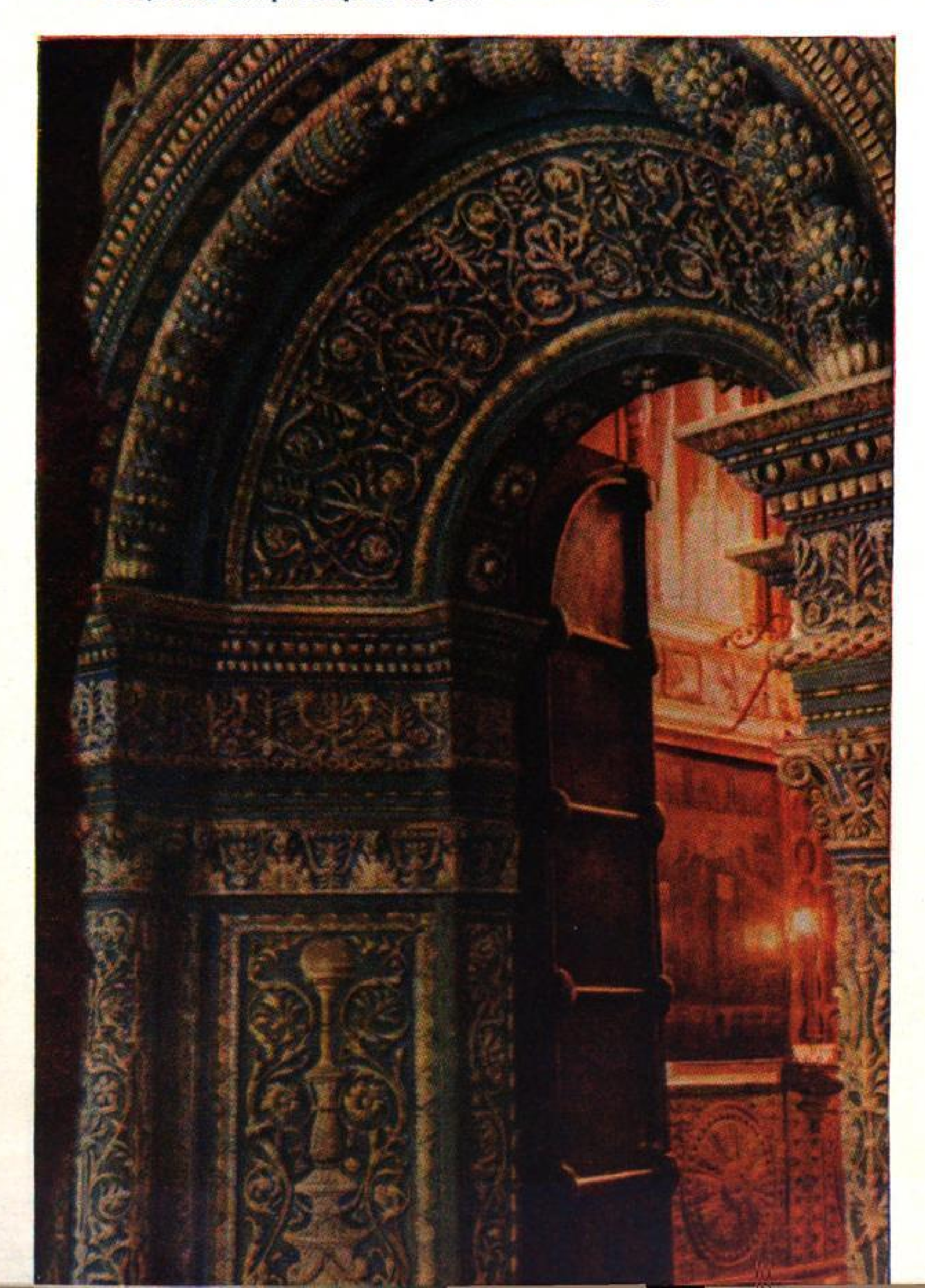

Большой Кремлевский дворец. Георгиевский зал.

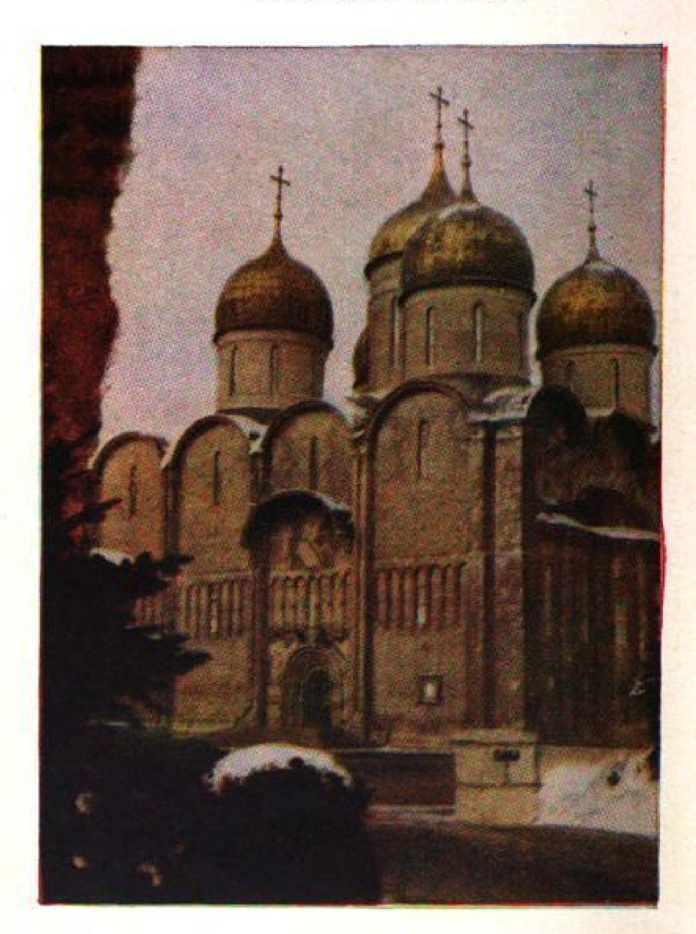
Большой Кремлевский дворец. Анфилада жилых покоев. XIX век.

Благовещенский собор. Северный портал. Резьба по белому камню. XVI век.

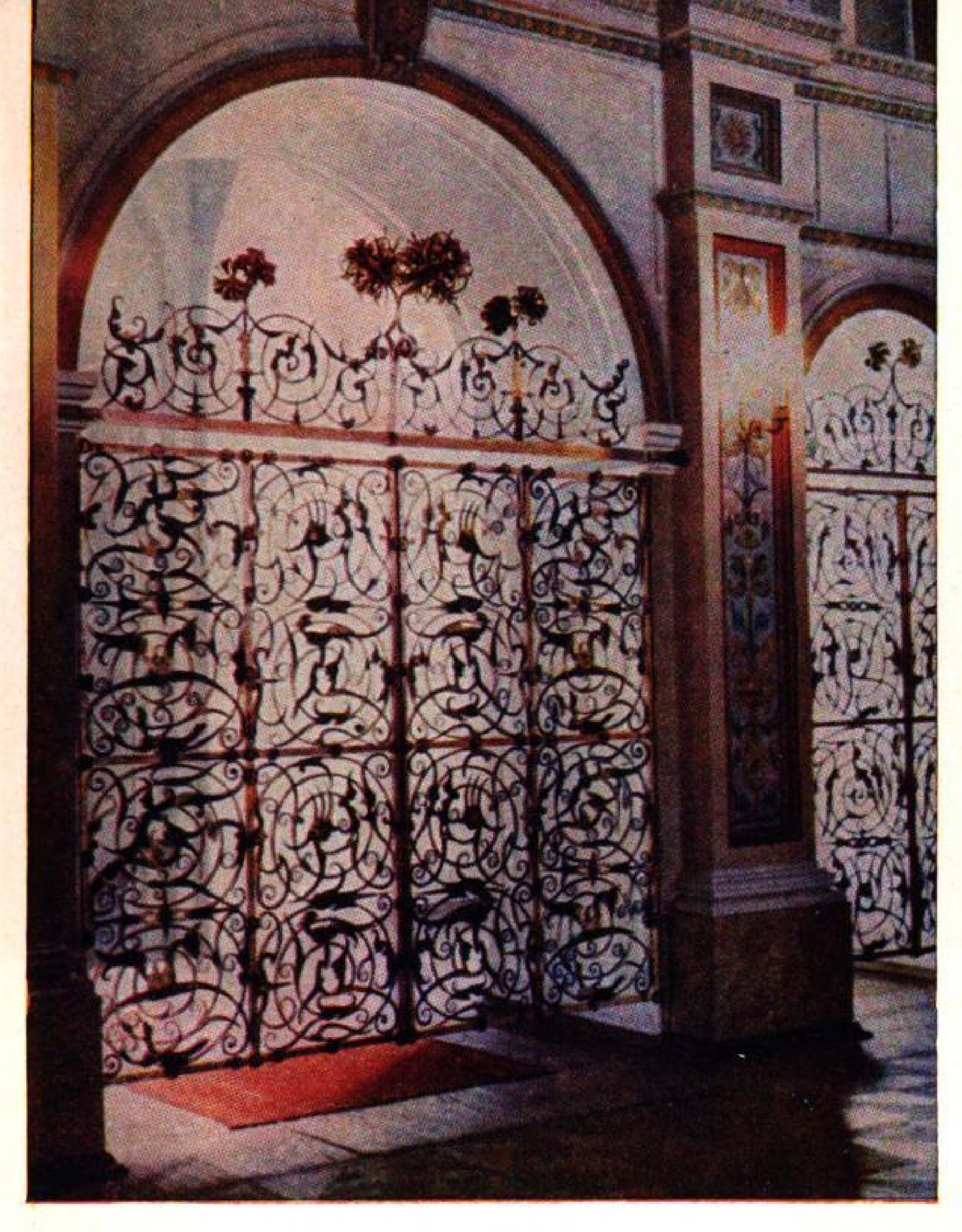

и Советского правительства встречаются с народом, передовыми людьми нашей промышленности, сельского хозяйства, транспорта, нашей науки. Представители советского народа — депутаты Верховного Совета — обсуждают здесь важнейшие государственные дела, и голоса депутатов звучат на всю страну. В Кремле была провозглашена Конституция СССР — основной закон нашей Родины.

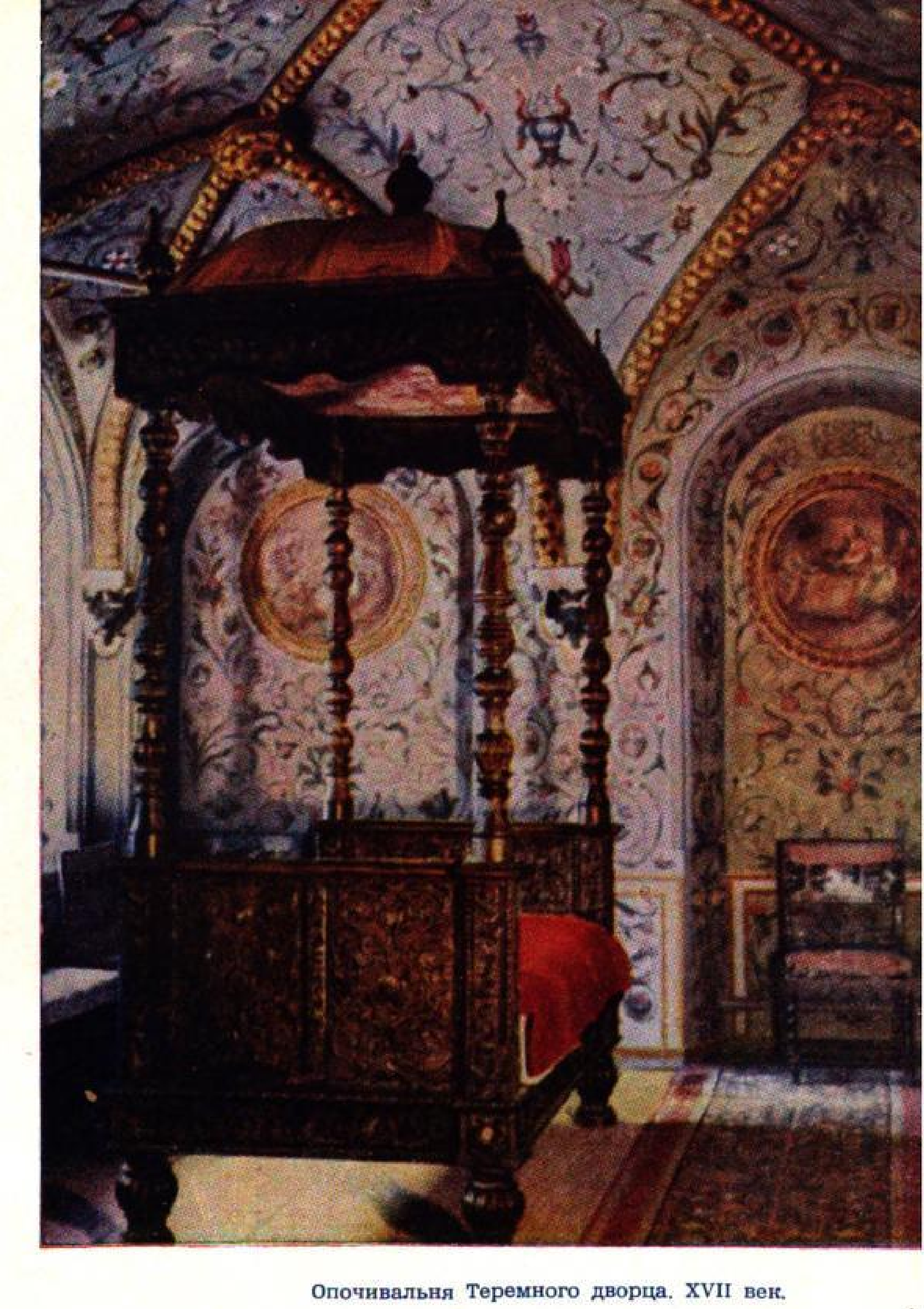
В истории Кремля советской эпохи открылись нам новые, глубоко волнующие страницы. В дни новогодней елки великолепные залы дворца наполнила советская детвора. Под их сводами звучали песни, вокруг гигантской, сияющей огнями елки пели и плясали дети. Казалось, сама юность впер-

Успенский собор.

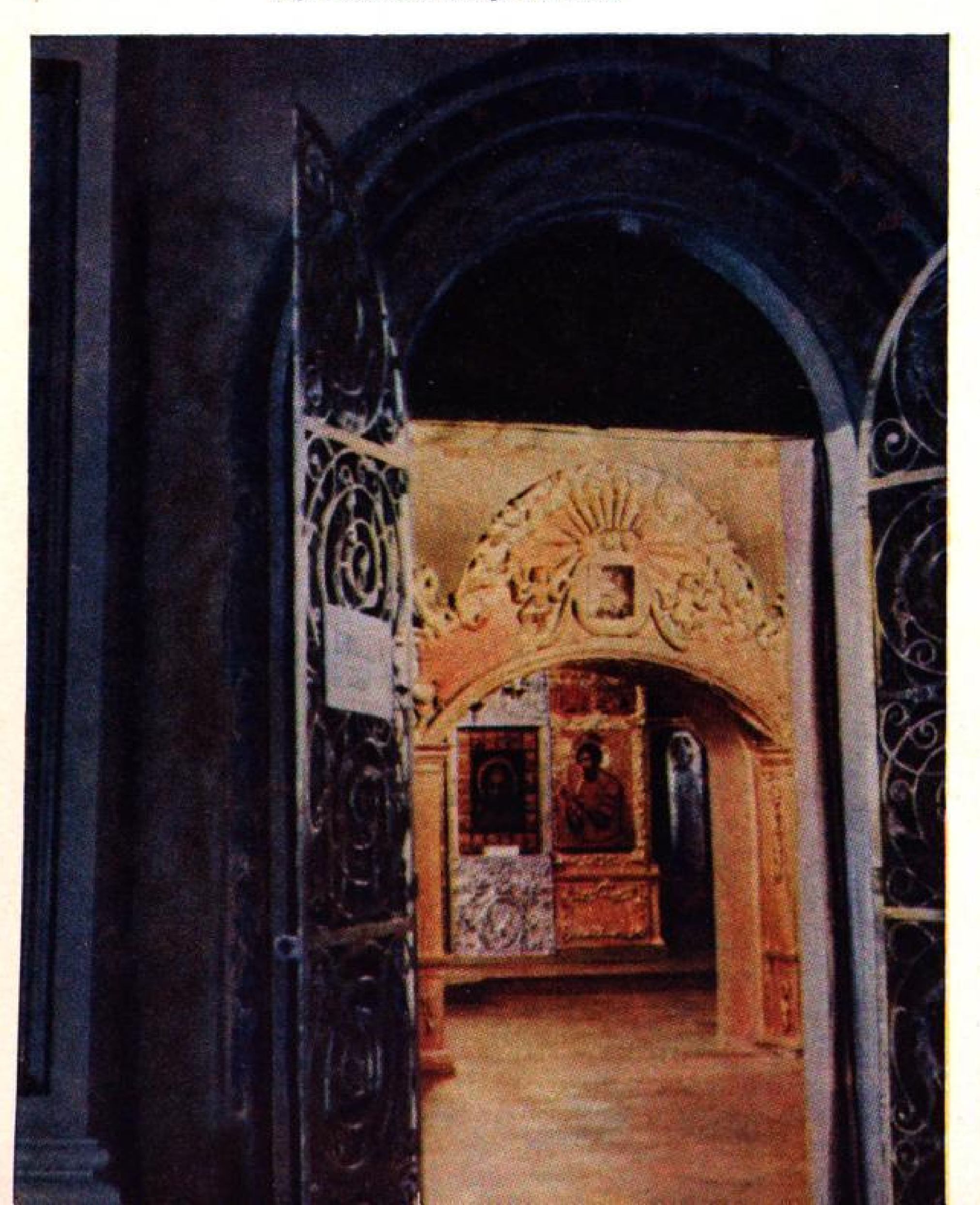

Золотая решетка. XVII век.

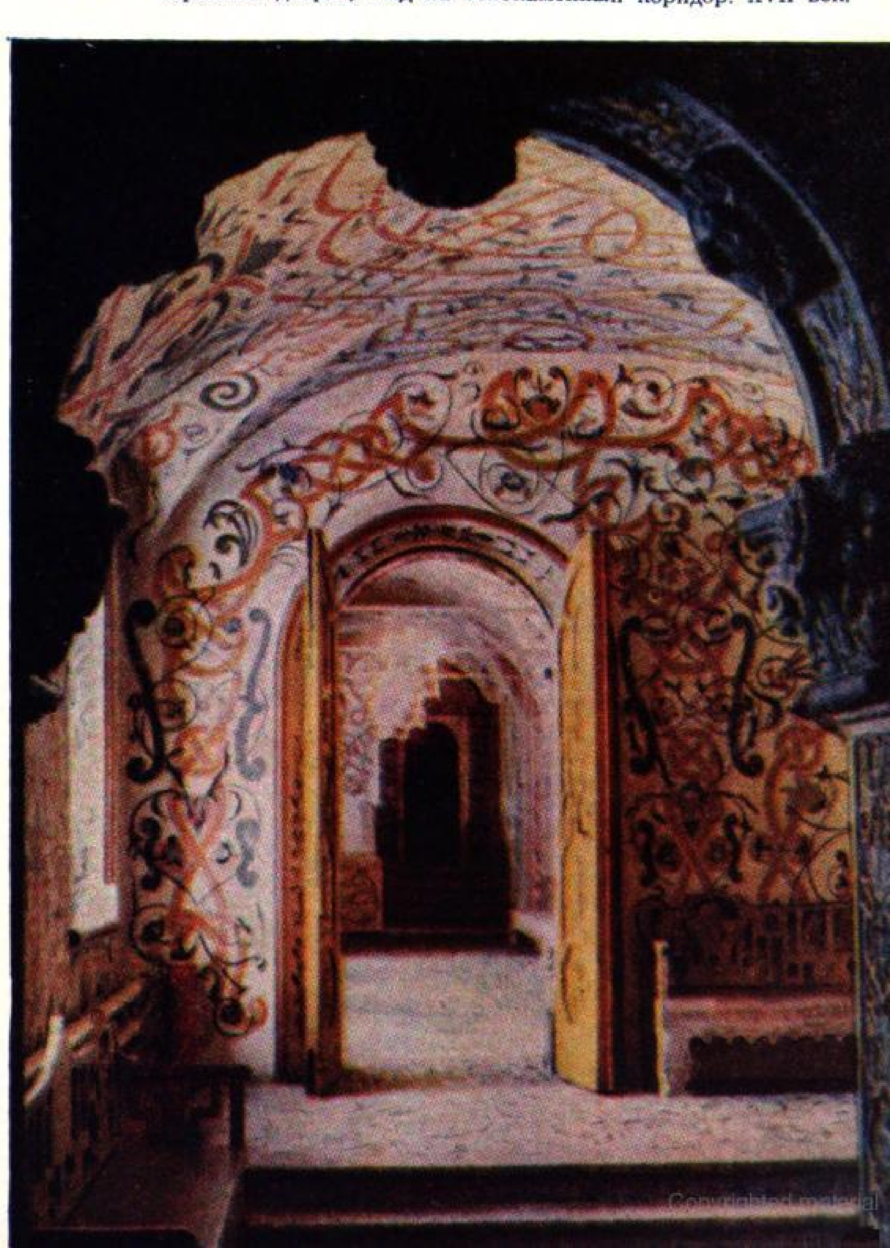

Опочивальня Теремного дворца. XVII век.

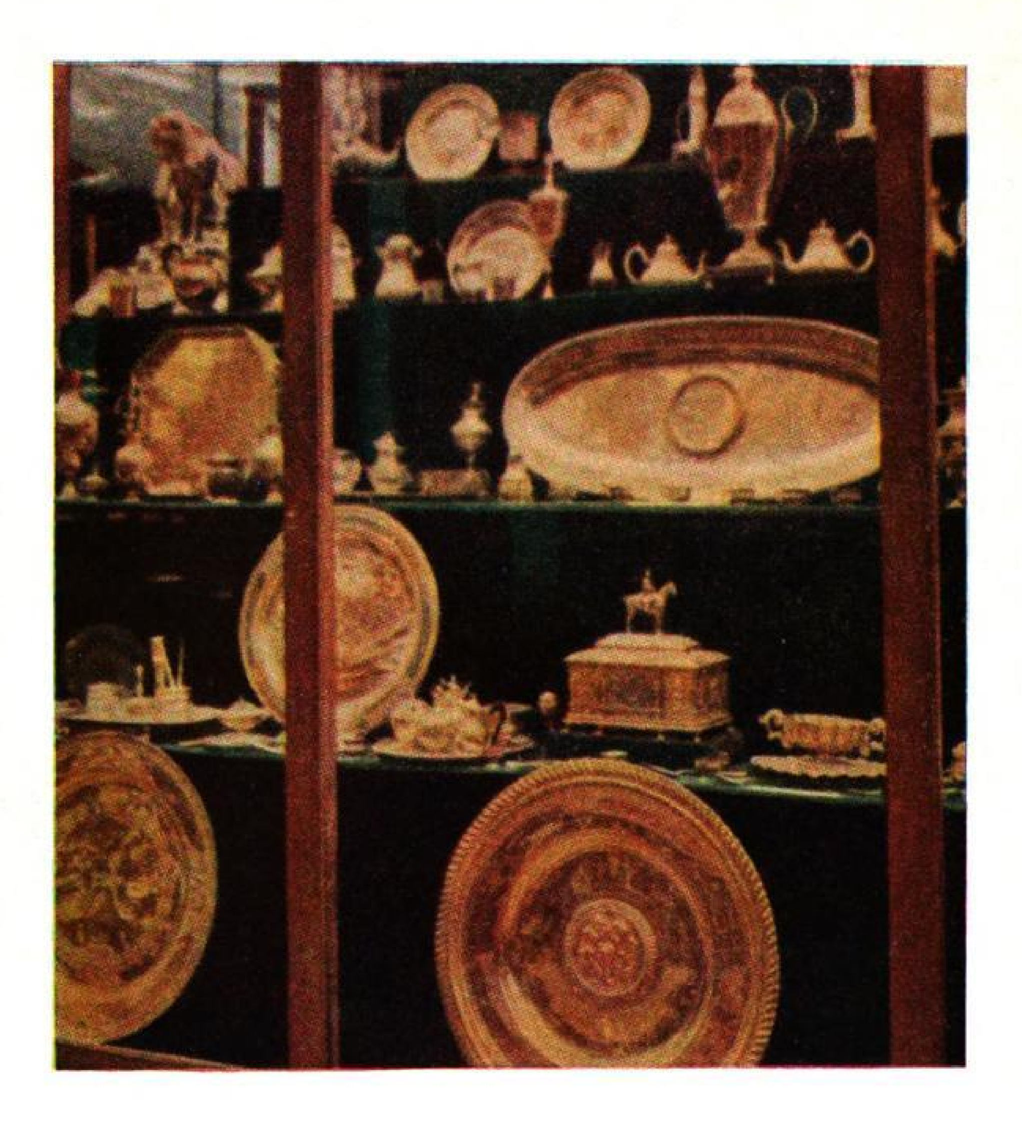
Верхоспасский собор. XVII век.

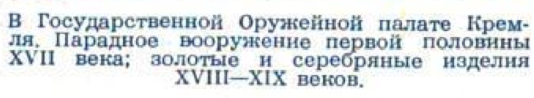

Теремной дворец. Вид на белокаменный коридор. XVII век.

В Государственной Оружейной палате Кремля. Парадное вооружение первой половины XVII века; золотые и серебряные изделия XVIII—XIX веков.

вые ликовала там, где некогда веселилась московская и петербургская знать, где позднее звучали пламенные речи вождей революции.

Отблески пионерского костра озаряли мрамор дворца. Радость и смех царили здесь, в этих исторических залах. Сюда пришли, как полновластные хозяева, советская молодежь, студенты, учителя, передовые люди советского земледелия и промышленности, сыновья и дочери советского народа. С глубоким вниманием они осматривали достопримечательности Кремля, Оружейную палату, где собраны редчайшие образцы древнего вооружения, созданного знаменитыми мастерами «Оружейного приказа» Никитой Давыдовым, Нилом Просвитом, кубки, чаши, драгоценные блюда — чудесные творения ювелиров.

Здесь, в Кремле, славное прошлое Родины встречается с его прекрасным настоящим, с лучезарным будущим. Это будущее олицетворено нашим юным поколением, детьми, молодежью, которым суждено осуществить самые пламенные, самые благородные мечты человечества — завершить строительство коммунистического общества.

Л. НИКУЛИН

Пионерский костер в Большом Кремлевском дворце.

МАСТЕРСКАЯ ПЫРИНА

(Из романа «Закипела сталь»)

Владимир ПОПОВ

Рисунки Г. Балашова.

В оккупированном гитлеровцами донецком городе продолжалась своя страшная жизнь. Никто не знал, что произойдет с ним завтра, даже сегодня: вернется ли он, уходя из дому, переживет ли ночь, ложась спать. Спасаясь от угона в Германию, люди прививали себе болезни, прятались в подвалах и на чердаках. Казалось, жестокий мор надвинулся на город, еще недавно шумный, как улей, и редкие жители ходят по улицам, словно приговоренные к смерти. Большинство разбредалось по селам, меняя носильные вещи на хлеб, кукурузу, картофель. Покидали дома чуть свет, стремясь вернуться дотемна. Запоздавшие предпочитали ночевать в степи на снегу, лишь бы не попадаться ночью на глаза полицаям или жандармам.

Но и гитлеровцы чувствовали себя здесь, как на раскаленных угольях. Дорого обошлась их начальству гибель хозяйственной команды при взрыве подпольщиками электростанции. Коменданта города и шефа гестапо с их ближайшими помощниками, не сумевших уберечь электростанцию, отправили на самый тяжелый участок фронта. Чудом удержался владелец металлургического завода фон Вехтер, пользовавшийся покровительством Геринга.

Начальником гестапо был вновь назначен Штаммер, не так давно снятый за провал агентурной сети. Штаммер старался как мог. Заборы и стены домов запестрели приказами, в которых единственной мерой наказания за малейшую провинность значился расстрел. Полиция снова провела перерегистрацию паспортов и, набрав дополнительный штат полицаев, все чаще устраивала облавы.

Роман «Закипела сталь» является продолжением романа «Сталь и шлак». В новой книге рассказывается о самоотверженной работе металлургов в дни Великой Отечественной войны, о борьбе в тылу врага, организованной и руководимой Коммунистической партией. События, описанные в печатаемом здесь отрывке, происходят на Украине в феврале 1942 года. Роман будет напечатан в журнале «Октябрь».

Шесть дней после взрыва электростанции подпольная группа Сердюка не выпускала листовок, приспосабливаясь к новой обстановке. На седьмой день в лестничных клетках многоэтажных домов, на внутренней стороне заборов снова появились листовки с красной звездочкой. Эти листовки срывали полицаи, но чаще бережно снимали те, кто переносил их из дома в дом. Многие же просто заучивали их и передавали из уст в уста.

* * *

Однажды утром в ремонтную мастерскую Пырина пришла пожилая женщина и молча положила на стол замок ручной работы без ключа. Пырин осмотрел затейливый механизм, взглянул на посетительницу, снова на механизм.

Ошибиться было нельзя: об этом замке, как о пароле, говорил ему Сердюк. Алексей Иванович показал глазами на дверь в жилую часть домика.

В такое беспокойное время Сердюк никак не ожидал увидеть связную. Он рассчитывал, что это свидание состоится позже, когда утихнет переполох, вызванный взрывом электростанции.

Связная потребовала детального отчета об организации взрыва и о положении в подпольной группе.

Сердюк подробно описал диверсию, рассказал, что, взорвав станцию, инженер Крайнев ушел в степь, чтобы перейти линию фронта, и о нем до сих пор нет никаких известий; Мария Гревцова попрежнему служит в полиции, снабжает подпольщиков паспортами и информирует их о всех мероприятиях, намечаемых полицией; Петр Прасолов работает в механическом цехе, где делать стало нечего из-за отсутствия электроэнергии; младший брат Петра, Павел,— в кочегарке гестапо. Использовать его пока не представляется возможным. Валя Теплова печатает листовки, Саша их распространяет. Этого парнишку он еще ни разу не видел, но знает: подпольщик он отменный. Работает в бригаде по восстановлению мартеновского цеха и все успевает. У него большая группа ребят самого разного возраста, неуловимых и смелых. Расклейка листовок — это их дело. Потерь в личном составе пока нет.

Внимательно выслушав Сердюка, связная стала расспрашивать о жизни и быте рабочих: что делают, чем питаются. Взяла со стола кусочек хлеба, похожего на жмых, бережно завернула его в чистый платок и положила в корзинку.

— В штабе покажу. Там очень довольны вашей работой. Разгром гестаповской агентурной сети и взрыв электростанции выполнены блестяще. Спасибо.

Какой-то комочек подкатился к горлу Сердюка и помешал сказать то, что ему хотелось. Но он овладел собой, поднялся и по-военному отрапортовал:

— Служу Советскому Союзу!

Связная улыбнулась и, усадив Андрея Васильевича на стул против себя, долго смотрела на него, будто подыскивала подходящие слова.

— Мне поручили, — заговорила она,— снова напомнить вам об основном: ваша группа оставлена в тылу со специальным заданием— бороться с гестапо. Завод пусть вас теперь не беспокоит: без электроэнергии он труп. Мелкие диверсии не нужны. И не ослабляйте работу среди заводчан.

— Прасолов сколотил актив, — поторопился предупредить Сердюк.

— Листовки выпускайте. У вас это хорошо налажено. Но как же с гестапо? Может, удастся Павлу взорвать котлы?

— Котлы небольшие, эффекта от взрыва не получится.

— Придумайте что-нибудь получше. Если сил будет мало, обратитесь за помощью. Прошлый раз я вам дала явки. Не забыли?

— Помню.

— Решайте вопрос с гестапо. О городе, шахтах, железной дороге не думайте — там везде есть группы. Шахтеры не выдают на-гора́ ни грамма

угля и не выдадут. У них крепкая организация. Потребуется в каком-то деле ваше участие — получите задание. А пока помните: ваша группа особого назначения.— И вдруг неожиданно спросила: — Андрей Васильевич, не найдется у вас чего-нибудь поесть? Последний раз ела вчера утром.

Сердюк засуетился. Как он не подумал об этом!

На столе появился холодный вареный картофель и кукурузные лепешки, приготовленные Пыриным.

— Устали, Юлия Тихоновна? — участливо спросил Сердюк.

— Очень. Но скоро, кажется, отдохну. Мы с вами, возможно, больше не увидимся.

— Почему? — встревожился Сердюк, решив, что рвется эта связь, которая придавала столько сил, столько уверенности.

— Спасибо. Какой вкусной показалась картошка! — Связная отставила тарелку. — Городская группа получает радиопередатчик. Как только наладится связь со штабом, радист свяжется с вами. Он пристроился у немцев и придти может только в воскресный день. Через него будете получать задания и отчитываться в работе. Только, пожалуйста, подробнее: важна каждая мелочь.

— Товарищ проверенный?

— Проверенный. Активист.

— Черт его знает! Активистом, возможно, был неплохим, доносить не пойдет, а схватят, начнут ему под ногти иглы совать — и расскажет...

Связная посуровела.

— У нас нет возможности определять, выдержит ли человек такой экзамен. Приходится верить. Без этого никакая работа невозможна. И подумайте еще над тем, как спасти рабочих от угона в Германию при наступлении Красной Армии. Шахтеры могут уйти под землю, а рабочие?

Связная простилась, взяла кошелку и ушла.

* * *

Начальник гестапо фон Штаммер с безразличным видом прочитал секретное письмо гаулейтера Коха о мерах поощрения агентуры. Кох писал: «В обычных случаях нужно награждать товарами, а в чрезвычайных — наделять отличившихся агентов усадебной землей. Подчеркиваю, что продуктовый фонд, выделенный для поощрения агентов, имеет единственное назначение. За расходование продуктов для других целей виновные будут привлекаться к ответственности».

Так же безразлично Штаммер взглянул и на приложение к письму, в котором сообщалось о выделении для агентуры пятисот литров водки, двухсот килограммов сахару и тысячи пачек табаку.

Поощрять было некого. После ликвидации подпольщиками резидентов и расклейки листовок с фамилиями агентов вербовка стала почти невозможной. Официальный аппарат гестапо состоял из надежных, проверенных сотрудников — им бы только работу! Но что они могут сделать без агентуры!

Свое восстановление в должности Штаммер сначала воспринял как прощение, а теперь понял, что после такого провала это — худшее из всех возможных наказаний.

Было время, когда Штаммеру казалось, что судьба смилостивилась над ним. Начальство прислало ему в помощь четырех агентов, успешно окончивших школу шпионажа, террора и диверсий. Это заведение, находившееся в Берлине, на Мекленбургштрассе, 75, пользовалось хорошей репутацией. Оно подготавливало агентуру из бандеровцев. Но присланные агенты пока не оправдывали надежд Штаммера. Они целыми днями просиживали в кабачках, непрестанно требовали денег на спаивание и уверяли, что душу русского человека лучше всего постигать в пьяном виде. Правда, они ежедневно присылали донесения: в кабачке обязательно кто-нибудь ругал гитлеровцев.

Штаммер сажал провинившихся в лагерь без особого воодушевления. Он знал, что недовольных можно искать проще и без особых затрат. Не ругающие «новый порядок» нужны были Штаммеру, а борющиеся с ним. Вот их как раз и не удавалось выявить.

Много хлопот доставила Штаммеру шифрованная радиограмма из области. В ней категорически предписывалось обнаружить в городе женщину в сером демисезонном пальто, с очками в железной оправе и плетеной кошелкой; установить, с кем она будет встречаться, пока не задерживать, а в случае выезда в другой город незаметно сопровождать и там передать наблюдение за ней местной агентуре. В радиограмме подчеркивалась исключительная важность операции.

В этот день ни одного полицая с повязкой на рукаве в городе не было видно. Даже сотрудники аппарата гестапо рыскали по улицам в штатской одежде. Из области запрашивали о результатах каждый час, и Штаммеру уже надоело докладывать о безуспешности поисков.

На третий день начальник полиции доложил, что одному полицаю удалось выследить женщину. Она заходила в ремонтную мастерскую по Пролетарской улице, 24, которую содержит некто Пырин, пробыла там около часа и направилась на железнодорожную станцию. Здесь установили ее имя, отчество и фамилию, подвергнув проверке документы всех находившихся на станции людей. Дальнейшая слежка за ней поручена железнодорожной полиции.

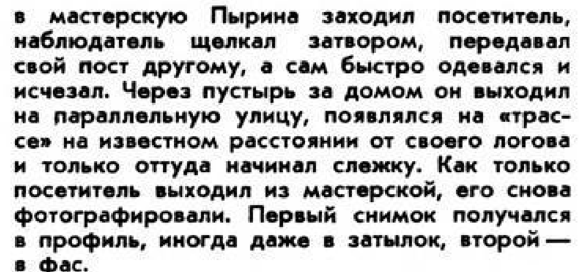
Штаммер приказал щедро наградить отличившегося полицая и сообщил обо всем в область. Ответ последовал немедленно: «Установить за мастерской тщательное наблюдение. Никаких оперативных мер до особого распоряжения не принимать».

* * *

Наискосок от мастерской Пырина, на противоположной стороне улицы, три холостяка сняли квартиру, будто бы под фотографию, разрешение на открытие которой ждали от городской управы. Владельцы дома, старик и старуха, изголодались и смотрели на квартирантов как на единственный источник пропитания. Хозяйка готовила им еду и могла подкормиться сама и поддержать окончательно отощавшего мужа.

Жильцы никогда не выходили из дому вместе: один обязательно оставался в маленькой угловой комнате, постоянно запиравшейся на ключ,— и, выходя, каждый раз меняли одежду. Но мало ли какая блажь могла придти в головы молодым людям!

Дома кто-нибудь из них постоянно сидел у окна возле намертво укрепленного на штативе фотоаппарата с телеобъективом. Когда

в мастерскую Пырина заходил посетитель, наблюдатель щелкал затвором, передавал свой пост другому, а сам быстро одевался и исчезал. Через пустырь за домом он выходил на параллельную улицу, появлялся на «трассе» на известном расстоянии от своего логова и только оттуда начинал слежку. Как только посетитель выходил из мастерской, его снова фотографировали. Первый снимок получался в профиль, иногда даже в затылок, второй — в фас.

За десять дней беспрерывной слежки наблюдатели установили, что мастерскую регулярно посещает очень миловидная девушка в ватнике и ушанке. Она была единственным человеком, возбудившим их подозрение, потому что, возвращаясь из мастерской, всякий раз заходила в разные дома. Дворы этих домов сообщались с другими дворами, и выследить незаметно ее квартиру оказалось невозможным.

Остальные посетители, в основном женщины, приносившие в починку свою утварь, никак не походили на партизан.

Сердюка вскоре перестали фотографировать. Бывал он в мастерской ежедневно, приносил негодную бытовую рухлядь — керосинки, примуса, лампы — и уносил ее после ремонта на толкучку.

Но Штаммер подолгу останавливал свой взгляд на фотографиях Сердюка. И не только потому, что их было изрядное количество. Поневоле обращал на себя внимание этот плотный, крепко сколоченный мужчина с лицом крупным, грубоватым, волевым.

«Попробуй из такого что-нибудь выжми! — Штаммер рассматривал большой, почти квадратный лоб, умные, проницательные глаза и морщился.— Да с него всю кожу спусти — не застонет. Взять хитростью? Очень много хитрости нужно, чтобы обвести такого вокруг пальца. Он руководитель, он!» — убеждал себя начальник гестапо и терпеливо ждал команды.

* * *

В кабинете фон Штаммера сидел тучный седоватый гитлеровец — начальник областного гестапо Гейзен. Он вертел в руках сложный замок и нетерпеливо ждал, когда Штаммер соберется с мыслями.

Сегодня Штаммер был особенно похож на щуку, подкарауливающую добычу. Глаза прищурены, тонкие губы сжаты так, что казалось, их нет совсем.

— Мой ответ очень прост: надо арестовать всех, кто ходит в мастерскую. Под пыткой хоть один заговорит.

— Вас ничему не учит жизнь, коллега,— насмешливо возразил Гейзен.— Многого вам удалось добиться пыткой? Ваш предшественник был посильнее вас в этом искусстве, а хоть одно признание он вырвал? Избивал досмерти, и со смертью дознание кончалось. И притом на сто посетителей может оказаться только два — три партизана. Не так ли? Эх, когда-то немецкая тайная полиция считалась лучшей в мире! Но тогда в ней работали не такие, как вы, Штаммер.

Гейзен намеренно пропускал приставку «фон»: он терпеть не мог этого бездарного выскочку.

— Вам бы быть палачом, Штаммер, надевать петлю на шею. Это большого ума не требует. А вот найти эту самую шею...

Штаммер молчал. Он чувствовал превосходство Гейзена и за это ненавидел его.

— Основные качества настоящего разведчика,— поучал Гейзен,— хитрость и терпение. Надо понимать врага. В чем ваша ошибка на первом этапе работы? Вы русских считали дураками, а они оказались куда умнее вас.

Штаммер открыл было рот, хотел что-то сказать в оправдание, но Гейзен опередил его:

— Да, да, умнее — и намного. Они развесили списки вашей агентуры по городу. Это же неслыханный провал! Я вам этого никогда не прощу!

— Сам фюрер простил, а вы не прощаете,— огрызнулся Штаммер, не преминув напомнить о личных связях с Гитлером.

— Простил, но не забыл,— ехидно отрезал Гейзен.— И рассчитается с вами по совокупности. Ну хорошо. Пока думать за вас буду я. Сумейте только выполнять. Арестовать одного — двух — значит спугнуть дичь. Надо захватить всю стаю.

— Но как? — Штаммер беспомощно усмехнулся.

— Можно применить два способа. Или тот, что применили они в отношении вас: подослать агента и получить списки,— или спровоцировать их на крупную операцию, заставить собрать все силы и уничтожить нашими превосходящими силами.

— Но как? — снова спросил Штаммер.

— Слушайте внимательно. Женщина в очках, безусловно, не рядовой подпольщик. Это видно по ее выдержке. Таким поручают важные задания. Кем она может быть, по-вашему?

— Руководителем организации или связной,— попытался угадать Штаммер.

— Правильно. Наконец-то я слышу дельный ответ. Уроки идут вам на пользу.

Шеф гестапо побагровел от обиды, но сдержался. Гейзен продолжал:

— Судя по тому, что она не сидит в одном городе, а разъезжает, надо полагать, что она связная. Логично?

— Логично.

— Будем думать дальше. Если от связной добиться признания невозможно, надо использовать ее иначе. Как вы думаете, для чего она носила с собой этот замок?

— Он служил паролем...

— Ого! — уже без иронии произнес Гейзен.— Вы на правильном пути. Но что убеждает вас в этом?

— Сложность механизма. Такой уникум ни с каким не спутаешь.

— А почему нет ключа?

— Это меня уже обижает. Понятно и старо, как мир. Если резидент — сапожник, ему несут ботинки, если часовщик,— часы. К парикмахеру идут бриться. А в данном случае просили сделать ключ.— Штаммер вдруг задрожал от внезапной догадки: — Направим нашего агента с замком связной в мастерскую и... игра выиграна... Если у них нет дополнительного сложного словесного пароля...

— А если есть,— наш агент провалится,— как бы вскользь заметил Гейзен.

— Если не сумеет убедить, что пароль ему забыли сообщить в спешке,— подтвердил Штаммер.

— Но будем надеяться на лучший исход. Направим туда самого опытного агента. Он должен будет дать якобы от имени связной задание уничтожить аэродром в степи. А там...

— А там мы их накроем, как перепелов сеткой! — Штаммер, хищно скрючив пальцы, схватил ими чернильницу на столе.

— Оттуда не уйдет ни один! — торжественным тоном заключил Гейзен.— Об этом позабочусь я. А вот вывести их на операцию — ваше дело. План составлен — сумейте выполнить.

* * *

Пырин паял дно эмалированной кастрюли, когда к нему зашел застенчивый голубоглазый парень. Робко осмотревшись вокруг, он положил на стол замок, многозначительно подмигнул, сказал, что за ключом зайдет завтра, и вышел. Замок был хорошо знаком Пырину: он принадлежал связной.

Сердюк узнал об этом посещении уже в конце дня, когда вернулся с толкучки, и удивился. Обычно связная давала ему адреса явок, чтобы он сам мог найти нужных ему людей. «Хотя дала же она явку радисту»,— тут же возразил себе Андрей Васильевич.

Назавтра он не пошел на базар, чтобы не пропустить посетителя, но ждать пришлось довольно долго. Парень появился после полудня. Пырин провел его в жилую часть дома, к Сердюку, и вернулся к себе.

Вошедший стал во фронт, отдал честь по всем правилам и выпалил:

— Захар Иваненко в ваше распоряжение прибыл.

Сердюк придал своему лицу выражение недоумения.

— Что-то у меня такого знакомого не было.

— Не было, так будет,— добродушно улыбаясь, ответил парень.— Здравствуйте, Андрей Васильевич!

— Здравствуйте,— неопределенным тоном протянул Сердюк, пожимая грубую, покрытую мозолями руку. «Наверное, сапер»,— решил он.

— Мне поручено передать вам оружие и задание,— усаживаясь на стул, сказал Иваненко.

— Постой, постой,— перебил его Сердюк.— Не понимаю. Какое оружие, какое задание?..

— От Юлии Тихоновны...

— Не знаю никакой Юлии Тихоновны...

Иваненко растерялся, веки его дрогнули.

— Вы Андрей Васильевич Сердюк? — переспросил он шепотом.

— Я.

Парень мгновенно успокоился.

— Тогда разрешите начать по порядку, а то мы так долго не договоримся. Юлия Тихоновна натолкнулась на нашу группу...

— Подожди. Что ты болтаешь? Какая Юлия Тихоновна и на какую группу?

— Да дайте досказать! — рассердился Иваненко.— У Юлии Тихоновны тут явочная квартира есть, на Боковой улице, оставленная нашими еще до отхода. Оружие на той квартире заложено, пистолеты «ТТ» и гранаты-лимонки. Ну, мы до той квартиры и добрались.

— Кто это «мы»?

— Пятеро нас из окруженцев. Пробирались к фронту, перейти хотели, но одного подстрелили, и он, умирая, адресок нам дал.

Сердюк поднялся, открыл дверь, позвал Пырина.

— Алексей Иванович, сбегай, полицая позови, а я этого молодчика постерегу. Красноармеец он.

Иваненко, побледнев, выхватил из кармана пистолет.

— Стой, сволочи! Предать хотите?

Пырин попятился. Сердюк добродушно усмехнулся:

— Рассказывай дальше.

— Погоди с рассказом. А ну-ка паспорта ваши. Посмотрю, что вы за птицы. Юлия Тихоновна говорила, что Сердюк — человек умный.

Сердюк достал паспорт, Иваненко внимательно просмотрел его от корки до корки и вернул. Проверил паспорт Пырина, пожал плечами:

— Выходит, к своим попал...

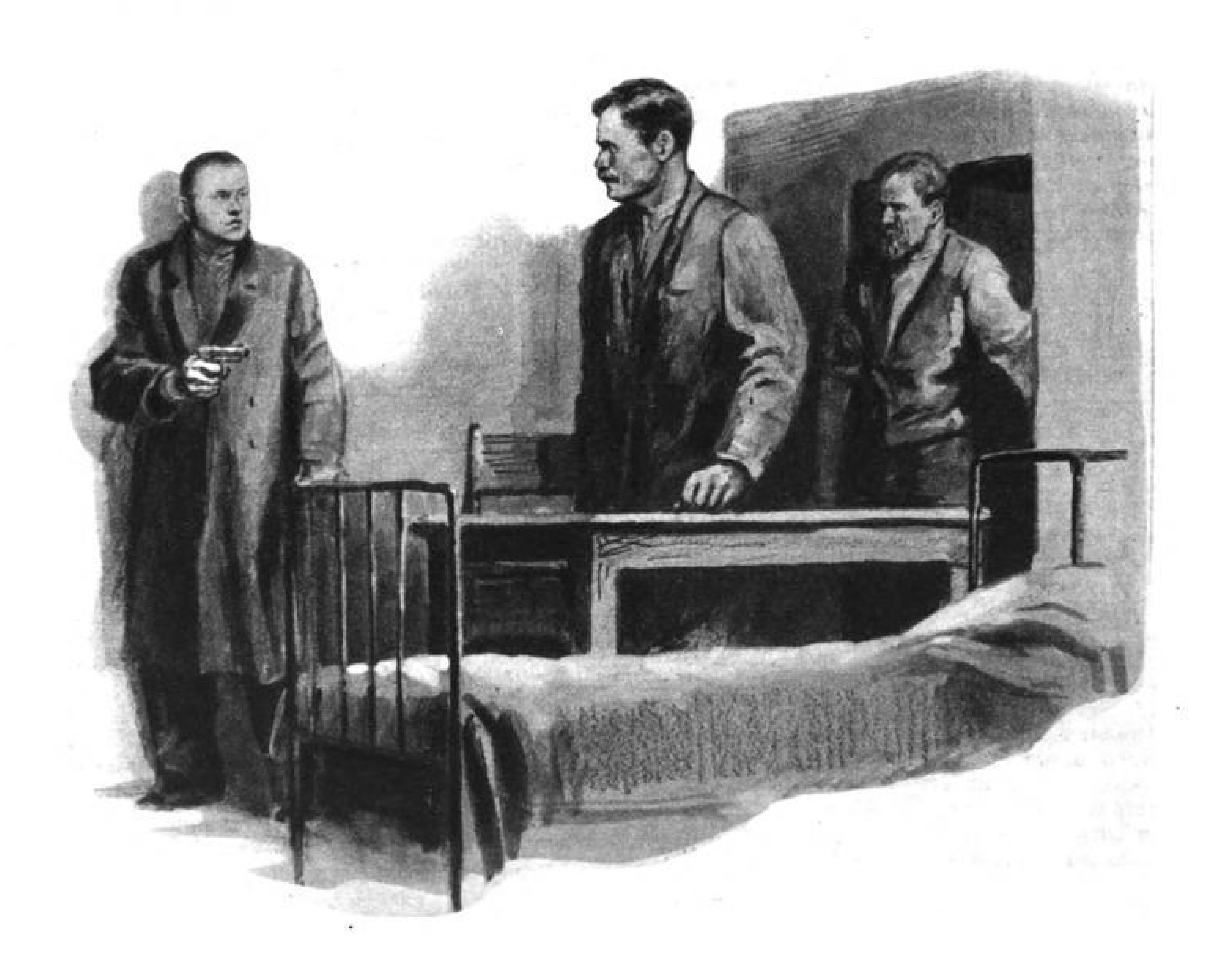
«Хваткий мужик»,— подумал Сердюк и решил продолжить разговор.

— Как фамилия того, кто адрес дал?

— Не знаю. Звали Степаном,— неохотно ответил Иваненко, не пряча пистолета.— А вы чего полицаем пугаете?

— Ну ладно, ладно,— смягчился Сердюк.— Давай дальше. Откуда Степан о квартире знал?

— Его собирались оставить партизанить, а в последний день на фронт взяли. Адрес он в памяти сберег.

Сердюк стал подробно расспрашивать Иваненко, где работал, где служил, как попал в окружение.

— Ранен, говоришь? Покажи.

— Да что я в гестапо на допросе, что ли?

— А ты откуда знаешь, как в гестапо допрашивают?

— А кто не знает. Все слыхали.

Иваненко сбросил потрепанное пальто, пиджак, расстегнул выцветшую клетчатую рубашку и обнажил плечо. Вдоль ключицы краснел свежий шрам.

— Паспорт твой,— потребовал Андрей Васильевич.

Пренебрежительно посмотрев на Сердюка, Иваненко стал не спеша одеваться.

— Паспорт, говорю.

— Какой у бойца паспорт? Есть один документ. Доставать не хочется — спрятан далеко.

— Доставай.

Парень отпорол перочинным ножом подкладку пальто, бережно вынул свернутые вчетверо листочки, развернул их на ладони и протянул Сердюку. Андрей Васильевич увидел партийный билет без обложки.

— Захар Карпович Иваненко,— вслух прочитал Сердюк.— Какую получал зарплату?

Иваненко назвал цифры — они сходились с суммами членских взносов.

— Кто билет вручал?

— Лично секретарь горкома Проскурин.

— Рассказывай дальше.

Присев на стул, Иваненко прежде всего стал прятать партийный билет. Входная дверь в мастерской хлопнула, он вздрогнул всем телом.

Пырин вышел принимать посетителя. Минут через пять дверь хлопнула снова,— очевидно, посетитель ушел.

— Так вот, добрались мы кое-как до этой квартиры, пароль назвали,— продолжал Иваненко.

— Какой?

— «Не продается ли здесь кровельное железо?»

— Ответ?

— «Нет. Только обручное». Ну и зажили. А связаться больше ни с кем не можем. Хозяин только квартиру свою знает да пароль и больше ничего, может, не уполномочен. А вчера вечером Юлия Тихоновна пришла. Хозяин нас в комнате запер, чтобы мы ее не видели. Она о нас расспросила, потом меня одного вызвала, допросила не хуже твоего, документы проверила и передала, что придти к вам не может, потому что в городе ее ищут и приметы хорошо знают. Она и внешность свою изменила. То ходила в сером пальто, платке, с кошелочкой, очки в железной оправе...

— А ты откуда знаешь, в чем она ходила? — резко спросил Сердюк.

Широкая улыбка осветила лицо Иваненко.

— Сама рассказала. Говорит, Сердюк обязательно о моей внешности спросит. Опишешь меня: в шапочке, без очков и с сумочкой,— он тебя сразу стукнет.

Прогноз возможных событий был дан довольно точно. Андрей Васильевич усмехнулся.

— Так какое она передала задание?

— Собрать воедино все партизанские группы, вооружить их и уничтожить на аэродроме самолеты.

Сердюк насторожился: связная никогда не называла подпольщиков партизанами. Однако так могло преломиться в сознании парня. А вот насчет объединения сил немного странно. Это что-то новое в тактике подпольной борьбы в Донбассе. Впрочем, когда стоял вопрос о взрыве на электростанции, связная советовала объединить силы всех групп.

Поразмыслив, Андрей Васильевич сказал:

— Это очень сложная операция.

— Нет, не очень,— успокоительно произнес Иваненко.— Дело решит внезапность нападения. Подожжем самолеты, цистерны с горючим — и айда!

— По освещенной степи?

Иваненко замялся.

— М-да, вот об этом я не подумал. Ну что же, самолеты забросаем гранатами, а цистерны прострелим, и струи подожжем,— внезапно нашелся он.— Огонь сначала будет слабенький, пока усилится, успеем уйти.

Глаза у Сердюка загорелись. Вот это операция! Пылает аэродром. Как поднимется дух населения!

— Сколько оружия? — спросил он.

— Сотня пистолетов и столько же гранат. Хватит на всех?

Как ни непосредственно было сказано это, Сердюк насторожился снова.

— Надо подумать, хватит или нет.

Иваненко, казалось, удовлетворился уклончивым ответом.

— Командовать сами будете или назначите кого из нас? Все мы бойцы кадровые.

— Сам,— сказал Сердюк, но тотчас передумал.— Нет, пожалуй, ты. Я — рядовым. Заходи послезавтра — обмозгуем. А завтра на квартиру мой хлопец придет. Оружие просмотрит.

— Да мы сами в оружии разбираемся.

— Лишний глаз не помеха. У меня слесарь-оружейник есть. Молодой, но опытный. А как же мы такое число людей вооружим?

— Это не хитро,— после короткой паузы заключил Иваненко.— Пусть народ уходит из города, с утра будто по селам на менку. К вечеру они за чертой города останутся, а потом в балке соберутся. Оружие мы перенесем туда заранее и закопаем.

— Да ты, оказывается, стратег,— пошутил Сердюк.

— Э, война всему научит.

Иваненко сообщил номер дома на Боковой улице и дружески распрощался.

(Окончание следует.)

Шерстяная кофточка

— Покупай коня в Ярвамаа, а жену бери с Сааремаа,— говорили в старину эстонские сваты.— Сааремааские женщины на сотню дел мастерицы...

...Осень. Стрекочут молотилки, дороги дымятся от подвод, колхозники везут первый хлеб государству. Недалеко от ссыпного пункта мы обогнали воз с белыми мешками. Телегу основательно потряхивало на неровной дороге. На верхнем мешке сидела женщина в клетчатом платочке — круглолицая, румяная, с выгоревшими добела бровями. Подпрыгивая на ухабах, она с любопытством поглядывала по сторонам, а из корзинки тянулась веселая путаница ниток, в руках мелькали блестящие спицы. Женщина вязала сложный орнамент.

Художница Сильвия Васмут в своей мастерской.

На ссыпной пункт мы подъехали вместе.

— Сгружайте воз! — крикнул приемщик.

Женщина воткнула спицы в вязанье, спрыгнула с подводы, легко стащила с нее свои мешки, уставила их рядом с другими, отвела лошадь в сторонку, в тень, села на телегу, и снова потекло из-под пальцев длинное узорчатое полотнище. Посмотрел приемщик и вспомнил эстонскую поговорку, которую можно перевести примерно так: «Вот какие у нас островитянки — бьют молотом и шьют золотом».

* * *

На островах Сааремаа, Мухума, Кихну — в краю сырого, холодного норд-оста — делают очень теплые и нарядные шерстяные вязаные вещи: варежки, чулки, женские кофты, мужские жакеты и безрукавки с узорами из нескольких цветных ниток.

После войны эстонским вязаньем заинтересовался Художественный фонд СССР. При промышленном комбинате эстонского отделения фонда было создано Ателье художественного текстиля; теперь оно выпускает тканые национальные костюмы, вязаные кофточки.

Интересная специальность — вносить искусство в быт, ограждать людей от дурных вкусов, учить их окружать себя предметами, радующими глаз. Сильвия Васмут — член Союза эстонских художников. Она работает в области прикладного искусства, точнее, рисует эскизы художественного текстиля и художественного костюма, модели одежды для «Журнала мод». Особенно удаются ей модели вязаных шерстяных кофточек с узорами по народным орнаментам.

Мы застали ее за мольбертом. Художница рассказала, как она изучала орнаменты в этнографических музеях, ездила на острова и в другие районы республики, срисовывала там узоры со старинной одежды. Сильвия Васмут не ограничивается только эстонским орнаментом; она использует в своих рисунках русские, украинские, белорусские, нанайские и другие орнаменты.

Художницы отдают свои модели в ателье.

Заглянем и мы туда. За окнами — сырой, холодный прибалтийский туман. Здесь же кажется, будто у работниц в руках букеты цветов, а за дверями с надписью «Склад» раскинулся цветущий луг: такими яркими, теплыми цветами окрашена шерсть.

Майму Вильк — одна из лучших вязальщиц комбината. Пять лет назад она окончила Таллинский техникум легкой промышленности по отделению художественного вязания и вышивки. Майму не только хорошо и быстро вяжет. Она умеет и кроить и шить. А это — главное в кофточке: здесь нельзя, как на ткани, подрезать или сделать вытачку; правильную линию создают только покрой, боковые и плечевые швы.

Одна из лучших вязальщиц комбината — Майму Вильк.

Фото С. Розенфельда.

В Эстонии можно в несколько раз увеличить производство вязаных вещей: здесь живут художницы-модельеры, сотни вязальщиц-надомниц, шерсть имеется на месте. Многочисленные покупатели ждут, что это будет сделано в ближайшем будущем.

Н. ТОЛБАСТ

ХУДОЖНИКИ МСТЕРЫ

Игорь КОБЗЕВ

Мстера встретила нас грозовым, свинцовым небом, по которому, словно циркулем, был вычерчен четкий, яркий полукруг радуги. Радуга стояла в небе, как высокие расписные ворота, упираясь одним концом в речку Мстерку, другим в лесистый берег Клязьмы. Солнечные лучи будто старались расцветить этот живописный уголок Владимирщины и невольно раскрывали секрет, где находят свои чудесные краски мстерские художники...

На деревянных мостках у мельницы и просто на высоком берегу под могучими вязами мальчишки удили рыбу. И было видно, что здесь, среди трех мстерских речек, раздолье рыболовам.

Вдали, на горизонте, бархатной каемочкой синел лес...

В поселке рядом с шумными цехами промысловых артелей, рядом с клееночной и мебельной фабриками выстроились потемневшие от времени бревенчатые домики с кружевными карнизами и цветными наличниками, очень похожие на древние русские терема. На темном фоне неба сверкает белокаменными стенами памятник старины — Богоявленский монастырь (в нем теперь находится краеведческий музей) и эмалевая маковка владимирской церквушки на тонкой, как у гусенка, шее.

Характерно, что в таком сравнительно небольшом поселке, как Мстера, два крупных музея: краеведческий и музей художественного промысла. Много собрано здесь сокровищ, но, пожалуй, самое ценное — это коллекция работ местных художников. В музее под зеркальным стеклом хранятся переливающиеся цветами лакированные шкатулки. Сколько искусства в этих ярких, красочных миниатюрах, написанных тонкой кисточкой на крышках черных полированных коробочек из папье-маше! Сколько гармонии и красоты! Можно часами всматриваться в их замысловатые рисунки.

Вот по голубоватому снегу веселые, пестро наряженные парни и девушки катят на санках соломенное чучело весны.

А вот сплелись в жаркий клубок всадники на розовых конях. Блещут тонкие золотые пики. Приник к земле растоптанный копытами противник. Над частой гребенкой стальных шишаков светится багровое солнце легендарной Куликовской битвы.

Бородатый разбойник в зеленом кафтане среди густого леса осадил на всем скаку вздыбившуюся тройку. И Дубровский с пистолетом в руке отворил дверцу кареты. Под миниатюрой подписано: «Мстера, И. Н. Морозов».

...Много веков была известна Мстера своими богомазами. Это здесь, в темных подвалах спекулянта Ханихина и других дельцов, от зари до поздней ночи писались унылые «портреты» святых. В народе очень метко одну из этих мастерских окрестили «адом», другую — «каторгой». Работа здесь была тяжелая и неинтересная. Один мастер писал только одежду святых — «доличник», другой выводил лики — это «личник». Случалось, рассказывают старики, устанет иконописец, зазевается и поставит готовую икону вверх ногами. Увидит это хозяин и велит самого того человека за непочтительное отношение к богу минут пять подержать вниз головой.

Потому злы были мстерские мастера на бога. Иногда нарочно под золотым нимбом тонкой беличьей кисточкой рисовали черных рогатых чертей.

Однако умелые руки были у тех мастеров! Ничего не стоило им подделать древнюю икону так, что и трещины были видны на «потылице» и стиль был полностью выдержан. За большие деньги покупали эту «старину» купцы и коллекционеры-заводчики.

Мстерские умелые мастера реставрировали знаменитую рублевскую «троицу», расчищали фрески Успенского собора в московском Кремле, работали в храмах Ярославля, Новгорода, Владимира. Рядом с живописцами трудились тут чеканщики по металлу, резчики, вышивальщицы.

Один здешний крестьянин из любви к искусству так изукрасил резьбой фасад своего деревянного домишка, что домишко этот почти целиком был перенесен в краеведческий музей.

В советское время мстерские художники не только расписывали шкатулки: им случалось иллюстрировать книги, оформлять спектакли в московских и владимирских театрах, расписывать стены магазинов и санаториев.

По всему миру разошлась их слава. На всех выставках Европы и Азии, где открывались советские павильоны, на международных ярмарках были представлены мстерские вышивки, филигранные вазочки и подстаканники, шкатулки.

И сама Мстера кажется чудесной расписной шкатулкой, хранящей в течение веков драгоценный жемчуг народных талантов.

...С волнением переступаешь порог артели «Пролетарское искусство».

В просторных комнатах за столами, придвинутыми поближе к свету, к окнам, молча склонились

«Битва» — миниатюра работы заслуженного деятеля искусств И. Н. Морозова.

над работой живописцы. Перед каждым коробка с круглыми деревянными баночками, в которых яркой радугой светятся краски. От них в комнате распространяется приятный запах, точно кто-то лакомится гоголь-моголем: краски «творятся» на яичном желтке.

У сидящего за столом художника я спросил, смогу ли увидеть здесь Морозова, автора миниатюры «Дубровский».

Художник ответил, что трое лучших мастеров артели — заслуженные деятели искусств И. Н. Морозов и И. А. Фомичев, а также молодой художник И. К. Балакин — всегда трудятся дома. Они выполняют наиболее ответственную работу: создают новые образцы миниатюр.

После некоторой паузы мой собеседник добавил:

— А мы просто копировщики...

В голосе художника прозвучала обида.

Я посмотрел на его работу. Это была не очень точная копия с картины В. Васнецова «Алёнушка». Сосед слева тоже писал «Алёнушку». А перед художником, сидящим чуть подальше, на столе лежали сразу четыре миниатюры с изображением «Алёнушки». Он писал их все одновременно.

— Почему же не может каждый мастер работать творчески, создавая не копии, а оригинальные вещи в своеобразном, мстерском стиле?

— Да, говорят, такие шкатулки очень дороги, их не покупают. И торговые организации их нам не заказывают.

...Прислушиваясь к нашему разговору, другие мастера стали высказывать свои обиды. Все они говорили о том, что ученическое

«Батый во Владимире» — миниатюра работы художника И. К. Балакина.

копирование никого не удовлетворяет, что копии с известных картин на шкатулках «не смотрятся», кажутся наклейками. Творческая же работа в артели сведена до минимума, так как оригинальные дорогие шкатулки годами лежат в магазинах, их приобретают только учреждения или музеи, а артели ведь необходимо выполнять план!

И вот, не находя иного способа удешевить свои дорогие и трудоемкие изделия, артели художественного промысла идут по пути упрощения производства. В итоге некоторые отрасли этого промысла вырождаются, утрачивают самобытность, а иные и совсем сходят на нет. Так, почти полностью исчезло в Мстере замечательное искусство чеканки по металлу, давно угасла слава торжокских золотошвей (а ведь какой популярностью пользовались расшитые золотом сафьяновые сапожки и туфли, пояса, бархатные скатерти и занавеси!). Одним лишь кустарным копированием занимаются федоскинские живописцы. К этому же идут сейчас и мстерские художники. Обидно, что в таком плачевном положении оказалось искусство, которое так любит наш народ!

Мастера говорили, что, конечно, дело пошло бы лучше, если бы устраивались выставки работ мстерских, палехских, федоскинских художников, если бы о них писали и обсуждали их работы так же, как обсуждают произведения художников станковой живописи. Тогда бы увеличился спрос, можно было бы расширить производство, и сразу же снизилась бы цена.

На складе артели я увидел несколько последних миниатюр, выполненных в самобытной мстерской манере.

Вот на рыжем коне, в одежде, расшитой золотом, сидит с надменным видом хан Батый. А перед ним несколько воинов держат за руки связанного русского богатыря в яркой кумачовой рубахе. Рядом распластался на земле сбитый сильным ударом ноги воин вражеской рати. Черное-черное небо застлано клубами дыма. И на нем выделяется белокаменными стенами горящий Дмитриевский собор. Миниатюра называется «Батый во Владимире». Эта работа молодого художника Игоря Балакина не может не тронуть сердце патриота.

А вот другая шкатулка, расписанная старым мастером Иваном Николаевичем Морозовым. На ней изображена сцена возвращения беглых крепостных крестьян в монастырь. От низких, убогих домишек конные жандармы ведут крестьян в сияющий золотыми главами, окруженный пышной зеленью монастырь. Ведут их, подневольных, со скрученными руками, подгоняя плетьми. Знать, несладкое житье ожидает их в этом красивом монастырском замке! Какая сила заключена в этой маленькой картине!

Здесь же хранится несколько миниатюр, очень поэтично отражающих современную жизнь страны. Некоторые из них по сюжету перекликаются с песнями советских поэтов.

Рассматривая эти замечательные миниатюры, убеждаешься в том, что и Союз советских художников и руководство Совета художественного промысла недооценивают работу мстерских живописцев. Разве можно допустить, чтобы художники, создающие такие чудесные произведения искусства, работали на тех же условиях, что и артели, делающие бочки или ведра? А ведь это так!

Мы познакомились с производством артели «Пролетарское искусство».

С гордостью показывали нам в заготовительных цехах новые сушильные камеры, электропилу, недавно установленные шкуровочные станки. А мне казалось удивительным, что, несмотря на все усовершенствования, шкатулки все еще делаются кустарным способом. Пока полуфабрикат из обыкновенного листа картона превратится в красивую полированную коробочку, он проходит через десятки человеческих рук, через ручные прессы, незамысловатые сушильные печи, где нет даже термометров и где шкатулки лежат в течение многих дней...

В цехе мне довелось увидеть доставшуюся в наследство от богомазов похожую на мясорубку краскотерочную машину. Я увидел здесь, как семь раз тщательно лакируют коробочки, как кропотливо обрабатывают стеклышком их поверхность.

...Вечером в уютном доме Ивана Николаевича Морозова собрались гости. Как водится, на столе тотчас же появился самовар, отразивший на своих никелированных боках лица гостей и хозяев.

В семье Морозовых — представители почти всех основных ремесел Мстеры. Сам «патриарх» Иван Николаевич — художник, сын его Алексей — заведующий производством сапожной артели, жена сына — гладьешвея из артели имени Крупской.

«Попить чайку» к радушным хозяевам пришли соседи.

Взглянув на светящееся добротой лицо хозяина, гладьешвея Прасковья Ивановна Медведева спросила его о здоровье.

— Какое у старика здоровье? — по-владимирски «окая», поскромничал Иван Николаевич.— Мне, чай, скоро семьдесят!

— А вид у вас хороший.

— Да ведь это смотря в какую погоду...

Иван Николаевич показал нам свои последние работы, а Прасковья Ивановна стала рассказывать о московском совещании работников промысловой кооперации.

— Нашу артель вышивки в пример ставили,— не без гордости сообщила она.

— Пожалуй, и мы от вас не отстаем,— с достоинством вставил Алексей Иванович, сын художника.

Молча слушал этот разговор хозяин дома, помешивая ложечкой в стакане. Алексей Иванович обратился к отцу:

— Что ж не расскажешь гостям, как вы производительность повышаете, как снижаете цены на шкатулки?

— Производительность? — Иван Николаевич начал нервничать.— Хорошая шкатулка — это произведение искусства, она большого труда требует. Искусство ведь на века создается, не то что твои сапоги.

— Это верно. Но вы не забывайте, что ваше искусство нужно людям,— тут Алексей Иванович улыбнулся,— не меньше, чем наши сапоги...

Постепенно за столом завязался тот разговор, который за последнее время часто можно услышать на собраниях артели и во многих домах мстерских живописцев. Говорили о том, что необходимо правильно организовать труд художников в артели, чтобы не трое, а большинство занималось творчеством, чтобы артель расширялась.

Понятно, что работа над оригинальными вещами должна правильно сочетаться с массовым выпуском, с копированием для продажи. Сколько новых молодых художников могла бы ежегодно воспитывать мстерская профтехшкола! Однако в нынешнем году приема на живописное отделение не было.

Время от времени в Мстеру приезжают сотрудники Московского научно-исследовательского института художественной промышленности. Они проводят конференции, спорят о реализме и условностях стиля. Но не только этого ждут от них художники. Сейчас очень важно, чтобы институт заинтересовался экономической стороной жизни художественной артели, организационным неустройством, ставящим ее на одну доску с прочими промысловыми артелями.

Нужно помочь мастерам наладить более широкий выпуск оригинальных и недорогих миниатюр, чтобы перестали наконец считать произведения народных художников «предметом роскоши».

Внук Ивана Николаевича Морозова с интересом следит за работой деда.
Фото Б. Кузьмина.

КОРАБЛЬ ВСТРЕЧАЮТ В МОРЕ

Всю ночь бушует штормовой ветер. Над кипенью морских волн пролетают твердеющие от мороза ледяные брызги. В отдалении вспыхивают судовые огни: распахивая стылую воду, идет большой пароход. Много таких судов направляется теперь в порты Советской Прибалтики. Идут корабли с грузами из Аргентины и Дании, из Финляндии и Египта, из Индии и Швеции. Еще далеко от берега и во тьме не рассмотришь флага, но в Риге уже знают, откуда и какой прибывает пароход.

Встречать гостя выходит лоцманский буксир. Лучи прожекторов освещают пляшущее на волнах суденышко. На борту буксира стоят женщины. Они первыми войдут на прибывшее судно, и только после их разрешения поднимутся на борт другие официальные лица. Белые нарукавные повязки с красными крестами, халаты, выглядывающие из-под курток, перекинутая через плечо санитарная сумка свидетельствуют о том, что встречать очередной корабль вышли медицинские работники Рижского порта. Врач Римма Алексеевна Гаврилова раз двести отправлялась навстречу судам, приходившим из дальнего плавания. К подобным выходам на морских буксирах привыкла и фельдшер Галина Ивановна Самарина.

Во мгле показывается черный борт иностранного парохода, мелькают огни иллюминаторов. Буксир подходит почти вплотную. Вот, кажется, можно прыгнуть на сверкающий ледяными сосульками трап. Но в это мгновение волна поднимает буксир куда-то вверх, потом бросает его вниз, и трап, раскачивающийся на ветру, пролетает над самой головой. Нужны ловкость и мужество, чтобы в одну секунду прыгнуть на болтающуюся веревочную лестницу.

И вот Гаврилова поднимается на палубу незнакомого судна.

— Есть ли больные? — задает Римма Алексеевна традиционный вопрос старшему помощнику капитана.

Обычно на судах капиталистических пароходных компаний нет медицинских работников, и, в какое бы дальнее плавание ни отправлялся корабль, обязанности врача или фельдшера исполняет старпом. Поэтому все вопросы, связанные с санитарным состоянием парохода, советский врач решает с капитаном или с его старшим помощником. От них Гаврилова узнает, в каком порту судно получало воду и в каком санитарном состоянии находится этот порт, не было ли в пути смертельных случаев, нет ли больных среди команды. Наконец, врач особо выясняет: не замечался ли на корабле падеж крыс — этих злейших переносчиков заразных болезней.

Капитан подписывает опросный лист, затем дает обязательство немедленно надеть по прибытии в советский порт особые металлические круглые щиты на причальные тросы, чтобы преградить путь крысам с парохода на берег и обратно. Закончив формальности, врач Гаврилова приступает к осмотру судна. Ей нужно побывать не только в каютах и кубриках, но и в камбузе — кухне, на складах провизии, узнать, в каком состоянии находится груз, расспросить команду о состоянии здоровья. В проходах, на трапах, в матросских кубриках — всюду смотрят на Гаврилову и Самарину моряки. Сколько раз читали врачи в их лицах радость от встречи с советскими людьми!

Гаврилова расспрашивает матросов о их здоровье и в то же время опытным глазом врача осматривает моряков. Бывает, матрос болен, но не говорит об этом. Причина простая: иностранные матросы знают, как дорого обходится лечение у них на родине. К тому же возникает опасение: если станет известно о болезни, спишут с судна как ненужного человека.

Однажды Гаврилова поднялась по трапу на палубу парохода «Гамлет». По официальным сведениям, больных здесь не было. Но Гаврилова обратила внимание на палубного матроса Сигарта Пребена. Выяснилось, что он действительно чувствовал в пути острые боли в животе. Римма Алексеевна осмотрела юного моряка. Ей стало ясно: у Сигарта острый аппендицит, его нужно немедленно оперировать.

Едва судно ошвартовалось в порту, как примчалась машина «Скорой помощи». В больнице матроса сразу положили на операционный стол. Срочное вмешательство советских хирургов спасло Сигарта Пребена от неминуемой смерти. Велико было радостное удивление команды «Гамлета», когда перед самым отходом судна в обратный рейс привезли в порт выздоровевшего палубного матроса. Еще более удивились моряки, когда узнали, что операция и больничный уход не будут стоить Пребену ни одной монетки.

В другой раз, при осмотре иностранного парохода «Аркадия», Гаврилова обратила внимание на буфетчицу Гуншилгу Халлонгрен. Желтое лицо, отекшие ноги выдавали ее болезненное состояние. Гаврилова предложила ей съездить в рижскую больницу на консультацию к врачам, предупредив, что денег за это с нее не потребуют. Халлонгрен согласилась на консультацию. Состояние ее оказалось настолько тяжелым, что по прибытии в Ригу ей пришлось остаться в больничной палате. После полного выздоровления, расставаясь с врачами, Халлонгрен горячо благодарила советских медицинских работников за их бескорыстную помощь.

Р. Гаврилова (справа) и Г. Самарина на морском буксире.
Фото И. Семина.

На санитарной охране советской границы стоит большая группа врачей и фельдшеров. Они выходят на буксирах в море встречать прибывшие из дальних походов корабли, производят лабораторные анализы, дезинфицируют некоторые грузы, истребляют крыс, подвергают пароходы газовой обработке. Ветеринары исследуют прибывающие на кораблях кожи и мясо, принимают защитные меры против возможного проникновения в страну сапа, ящура, куриной чумы.

Международные конвенции, под которыми стоят подписи Советского Союза, выполняются в СССР точно и безоговорочно. Широко организованная санитарная охрана предупреждает проникновение в страну различных инфекций.

...На санитарно - карантинной станции Рижского порта слышится телефонный звонок. Дежурная снимает трубку. Диспетчер порта извещает о подходе судна. Тотчас в состояние готовности приводятся все участки санитарной охраны морской границы. И снова уходит в море буксир. На палубе стоят женщины с белыми повязками на рукавах. Они всматриваются в мглистую балтийскую даль. Окуляры мощного бинокля позволяют им рассмотреть флаг, вывешенный на фок-мачте. Ветер развевает большое желтое полотнище — вестник благополучия на прибывающем судне.

Е. РЯБЧИКОВ, Н. ХРАБРОВА

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Рассказы Владислава Реймонта

Имя польского классика Владислава Реймонта (1868—1925) знакомо русскому читателю. Переводы его сочинений много раз выходили у нас и до революции и в советские годы. Но старые издания давно разошлись, а интерес к литературе братского польского народа, и в частности к творчеству Реймонта, одного из наиболее ярких представителей критического реализма в Польше 90-х—900-х годов, все растет. Вот почему новый сборник его рассказов, недавно выпущенный Гослитиздатом, сразу нашел своего читателя.

До того как Реймонт стал писателем, он прошел нелегкий путь. Сын обедневшего шляхтича — деревенского органиста,— с детства приученный к тяжелому крестьянскому труду, он еще юношей ушел из дому, переменил много профессий: был бродячим актером, железнодорожным рабочим, скитался по стране в поисках заработка. Реймонт принадлежал к числу тех писателей, которые, по выражению Горького, взялись за перо «в силу давления опыта».

Реймонт писал рассказы и романы об актерах, чиновниках, фабричных рабочих, но широкое признание и у себя на родине и в других странах завоевал как бытописатель деревни, как автор романа «Мужики». В новый сборник включены его избранные рассказы, написанные в период с 1897 по 1900 год. Они как бы служат этюдами к грандиозному полотну «Мужиков», сохраняя при этом вполне самостоятельное художественное значение.

Рассказы Реймонта захватывают силой правды. Их «жестокий реализм» рожден самой действительностью, ее острыми социальными конфликтами. Ненависть к режиму угнетения, к власти «имущих», подсказанная любовью к простому человеку,— важнейшая черта творчества Реймонта.

Молодой крестьянин Винцерек, мечтавший о мирном труде, о любви, о родном доме, выброшен за борт жизни (рассказ «Справедливо»). Он посмел вступиться за свои человеческие права, и против него ополчился могущественный аппарат власти. Винцерек, не совершивший никакого преступления против морали и совести, объявлен вне закона. Гонимый и преследуемый, он гибнет потому, что управляющий панским имением польстился на его невесту, а кулак Солтыс захотел овладеть его землей.

Тема бесправия трудового человека и произвола власть имущих легла в основу рассказа «Томек Баран». Взяточник-мастер заведомо ложно обвинил в воровстве крестьянина-бедняка, работавшего на железной дороге, и взял на его место «своего человека». Томек не в силах добиться правды. Голод душит его семью, в страшных муках умирает любимый сын. Мужественный крестьянин готов бороться до последнего дыхания, но наступает момент, когда его силы иссякают...

С душевной болью рисовал Реймонт картины тяжкой повседневной жизни польского крестьянства. Но, проницательный художник-реалист, он не идеализировал современную ему деревню. Характерен в этом смысле рассказ «Смерть», беспощадно разоблачающий звериную сущность той части крестьянства, для которой идеалом служит крепкое кулацкое хозяйство, собственность, деньги. История смерти старика-крестьянина, который «отписал» землю одной дочери, вызвав бешеную ярость другой, поистине трагична. Тяжело больного, умирающего, его выталкивают в холодный хлев; наутро дочь спешит сорвать с окоченевшего трупа ладанку с зашитыми в ней деньгами на погребение, чтобы «хоть как-нибудь» возместить нанесенную ей «обиду».

Глубокое сочувствие простому человеку и ненависть к тупой панской спеси нашли выражение в рассказе «Сука», одном из наиболее художественно совершенных произведений сборника. Сюжет его несложен: десятилетняя дочь богатого помещика выбирает товарищем своих игр пастушонка Витека. Возмущенная плебейскими замашками дочери, вельможная пани-помещица жестоко расправляется и с ней и с маленьким Витеком. В этом рассказе проявились сильные стороны будущего мастера: его демократизм, проникновение в душевный мир человека, умение несколькими штрихами дать выразительный портрет, глубокое знание природы, которая неизменно присутствует в произведениях Реймонта как живой фон, подчеркивающий и помогающий понять чувства и переживания героев.

В рассказах, с которыми нас знакомит новый сборник, в известной мере сказались недостатки, свойственные раннему творчеству Реймонта. Рисуя зло, писатель не знал, как его устранить; часто он призывал только к моральному оздоровлению общества, не задевая самых его основ. Однако старая польская деревня запечатлена им с такой беспощадной правдивостью, что революционный вывод напрашивается сам собой.

Ю. МИРСКАЯ

В. Реймонт. Рассказы. Перевод с польского М. Абкиной. Гослитиздат. М. 1953. 199 стр.

Стол с секретом

Письменный стол А. М. Горького с потайными ящиками.

В начале этого века, находясь в Нижнем Новгороде, А. М. Горький активно включился в подпольную революционную работу. Он тесно связывается с местной студенческой социал-демократической организацией, общается с некоторыми членами Нижегородского Комитета РСДРП, регулярно читает ленинскую «Искру» и другие нелегальные издания.

В условиях усиленной слежки за «поднадзорным» писателем хранить на квартире запрещенные издания было весьма рискованно. Рабочий-столяр Михаил Иванович Лебедев, активный член нижегородской социал-демократической организации, сделал в массивном письменном столе два длинных, узких и довольно глубоких потайных ящика, где Горький и хранил все «крамольные» издания и документы.

Эта предосторожность не оказалась излишней. В ночь на 17 апреля 1901 года полиция нагрянула в квартиру писателя с обыском. Полицейские застали Горького за работой. Когда у него спросили, куда он прячет свои письма и рукописи, Алексей Максимович спокойно указал на свой стол, сказав: «Обыскивайте все ящики!»

Письменный стол был очень тщательно осмотрен, но потайных ящиков полиция так и не нашла. Жандармы вынуждены были сообщить в департамент полиции, что при обыске квартиры А. М. Горького «ничего явно преступного не было обнаружено».

После отъезда А. М. Горького из Нижнего Новгорода «конспиративный» стол его остался на хранении в семье Моисеевых, знакомых Алексея Максимовича. Позднее они перевезли стол с собой в Москву.

Лишь недавно он был привезен обратно в Горький и установлен в Литературном музее писателя.

А. СИГОРСКИЙ

В. С. Конова (на первом плане) — одна из лучших стегальщиц фабрики.

ПУХ... ПЕРО...

«Ни пуха, ни пера»...

Это шуточное выражение, к сожалению, нередко приходится употреблять и в буквальном смысле: в продаже очень мало пуховых одеял, мягких подушек и матрацев.

Тем больший интерес вызвало знакомство со свердловской фабрикой перо-пуховых изделий.

50 тысяч подушек, 10 тысяч одеял, 6 500 матрацев — такова ежемесячная производительность фабрики.

...В распахнутые ворота въезжает вереница грузовых машин, кузовы которых заполнены рогожными мешками. В них перья самых разнообразных птиц: гуся, индюшки, курицы, утки... Немалый путь приходится проделать перьям, чтобы заполнить наволочку подушки, одеяла, превратиться в зубочистку или стать... цветком.

Фабрика оснащена сложными машинами, которые сортируют перья, моют их, сушат, очищают от пыли. С помощью мощных вентиляторов их подают на второй этаж в агрегат оригинальной конструкции. К каждой из трех кабин агрегата ведут отдельные отдушины, расположенные на различной высоте. Почти невесомый пух легко устремляется ввысь и через верхнее отверстие втягивается в предназначенное для него отделение. «Потолок» мелкого пера несколько ниже, а еще ниже оседают крупные перья. Машина высасывает пыль из перьев — ни одна мельчайшая соринка не должна попасть в подушку.

Набивка производится автоматически, весы контролируют определенное количество пуха и перьев. Вес обычной подушки, например, — 1 300 граммов.

И вот они готовы — плотные, но мягкие подушки самых различных расцветок.

Цех одеял. Недавно здесь получили новые сорта китайских шелков. Они радуют глаз хорошей расцветкой, приятным рисунком. Белоснежная, покрытая эмалевой краской машина служит для автоматической набивки одеял пухом. Он равномерно нагнетается сжатым воздухом, и шелковая оболочка одеяла постепенно толстеет, становясь похожей на надувную лодку. Когда достигнут необходимый вес, мотор выключается, пух оседает, и теперь легкое пуховое одеяло поступает на окончательную обработку к стегальщицам. Это сложная профессия, требующая немалого опыта и хорошего вкуса.

И вот еще один, не совсем обычный, цех фабрики. В нем всего две работницы. Просторная, светлая комната уставлена цветами. Цветы на столе, они прикреплены к стенам, стоят в стеклянных вазах. Тут и яркокрасные пионы, и большие белые розы, и ромашки, и тюльпаны... Выглядят цветы настолько натурально, что сразу и не отличишь их от естественных, хотя сделаны они из... гусиных перьев.

Уже двенадцать лет занимается своим редким искусством Елена Владимировна Галянина. Сделанные ею цветы из перьев пользуются большим спросом, особенно на севере страны. Недавно фабрика получила заявку на партию цветов для Сахалина.

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото Ю. Добронравова.

У нас в Веневе

П. КРАВЧЕНКО,

О. КНОРРИНГ

В невыносимо жаркий июльский день в кабаке «Притынном» у сельца Колотовки состязались два певца — Яшка Турок и рядчик из Жиздры. «...Осьмуху пива поставили — кто кого одолеет, лучше споет, то-есть...». Рядчик пел удивительно хорошо, но потом начал Яков. Он пел «Не одна во поле дороженька пролегала». К концу песни все стояли, как оцепенелые,— до того неслыханным и огромным было очарование от широкой и горячей, сладостной и сильной русской песни.

А потом в кабаке было всё пьяно — всё, начиная с Якова. И затесавшийся в гулянье пьяненький мужичок в сероватом армяке с трудом перебирал и шаркал ослабевшими ногами.

Все, очевидно, помнят эту сцену из прекрасного тургеневского рассказа «Певцы».

Не так уж далеко от этих, воспетых Тургеневым мест стоит Венев, ныне районный центр Тульской области. В районный Дом культуры мы попали вместе с Н. Г. Русаковым, артистом Тульского государственного хора, прямо на репетицию. В зрительном зале темно и пустынно. А сцена густо заполнена людьми. Впереди, у самой рампы, мальчики и юноши настраивают струнные инструменты. Настройка длится долго и звучит немного жалобно. А потом... Случайным ли было это совпадение? После минуты молчания откуда-то из глубины сцены, будто издалека, донесся тонкий, звенящий звук. «Не одна, то ли да одна...» — почти неслышно пели два голоса. И вдруг песня оказалась подхваченной десятками мужских и женских голосов: «Ай, во поле дорожка, во поле дороженька...» Семьдесят голосов пели задумчиво и тихо. Не хочется ничего преувеличивать, но в это время даже фотокорреспондент перестал щелкать затвором аппарата. Колхозницы, бригадиры, агрономы, бухгалтеры и трактористы негромко пели со сцены, глядя в пустой зал, о старой дорожке, которая тянется и тянется... Власть песни была такая, что вместо пустого зала, казалось, пролегла заросшая дорожка, и десятки лиц глядели на нее. У юношей из струнного оркестра широко открылись глаза и поднялись вверх брови, а у певцов даже лица стали красивее в эти минуты. Песня все разрасталась, становилась шире и взволнованнее, зал уже не вмещал ее, и когда она наконец оборвалась, баянист сел на стул и вытер рукавом пот со лба.

Потом оркестр молчал, а хор пел «Колыбельную» Брамса.

— Это удивительно,— вдруг сказал Русаков.— Без сопровождения, а взяли как точно — ни на полтона не сорвались! Здорово. Ах, как здорово! — Он сбросил пальто, вскарабкался на деревянный стул перед сценой и стал дирижировать. Теперь хор дружно пел «Украина и Россия» "Слово партии даем" Мурадели. И волнение у хористов было теперь другим, потому что песня шла будто в наступление, мощно и вдохновенно, почти грозно... Тургенев недаром сказал когда-то: «...в наших краях знают толк в пении».

Когда репетиция хора окончилась, в зале зажглось электричество, и сразу стало весело и шумно. Начал репетировать струнный оркестр, а девчата из хора воспользовались этим и принялись под музыку танцевать. Старик, сидевший в уголке, приспособил каким-то образом спичку к коробке и ею, как кастаньетами, громко выщелкивал в такт музыке. Получалось как будто бы очень ловко, но из оркестра послышались возмущенные голоса:

— Эй, там, кончайте стучать! А если стучите, то уж точно в такт, не срываясь!

Старик смутился и перестал.

В гримировочной шел специальный разговор. Руководитель хора Иван Иванович Глухов жаловался Русакову:

— Разбаловался народ. Подавай им дирижера. А у меня в руках баян... Как я могу дирижировать с баяном? Видали? Ногу — на стул, а баян — на одном колене. Руки заняты. Только головой да глазами двигаешь во все стороны. Еще рот тоже открываю там, где необходимо. А где дирижера взять? Приезжали как-то в Тулу певцы с бандуристами, без всякого дирижера пели, а у нас разбаловались... И потом, трудности... Восемь теноров. Мало. Очень трудно найти тенора. Все МТС, колхозы обыскал — мало теноров.

Потом вдруг рассмеялся:

— Куем кадры для будущего пополнения хора. Интересуетесь? Завтра в три часа дня.

Назавтра в три часа дня Русаков отправился с Глуховым смотреть таинственные кадры. В просторном доме кадры встретили посетителей овацией. Кадрам было от четырех до шести лет от роду, и поэтому гостей не смутила их экспансивность. Это был детский сад. Со стульчиками в руках малыши проталкивались в двери и рассаживались по комнате привычным полукругом.

— Для начала споем песню «Голубые санки». Только не забывать: сначала будет музыкальное вступление. Вам ясно?

Гражданам, сидящим на стульчиках, это было ясно, о чем они и оповестили привычно громко. Потом заиграл баян, и песня пошла о том, как санки сделал старый дед маленькому Ване. Надо сказать, что младшее поколение веневцев определенно приучалось «знать толк в пении».

— Эти два раза в неделю — вовсе не потерянное мною время,— доверительно сообщил Русакову Глухов.— Приезжайте лет через десять, увидите!

— Я и сейчас вижу,— ответил Николай Гаврилович.

После работы очень много людей приходит в веневский Дом культуры. Входят и рассредоточиваются по комнатам.

В одной из комнат преподаватель математики Борис Тихонович Кузнецов в десятый раз терпеливо показывает ребятам, как играть самое трудное место из какой-то увертюры.

В другой комнате идет репетиция драмкружка. Репетируют «Капитана в отставке» А. Симукова. Режиссер Маргарита Гавриловна Потоцкая обрывает чью-то реплику:

— Подождите. Ведь это не фраза. Разве вы не чувствуете, что вложено в эти три слова?..

Коллектив драматического кружка сложился очень нелегко. Будущих участников «вылавливали» на молодежных вечерах, на летних гуляньях. Выловленные, как правило, заражались сценой и тогда уж становились активом.

Хороший руководитель самодеятельного коллектива должен быть очень терпеливым. Вот, например, у электромонтера Александра Рудакова собственный взгляд на искусство: все, что показывается на сцене, должно быть красивым, иначе какое же это искусство? И Рудаков перед зеркалом подкрашивает брови, иной раз румянится и сооружает над верхней губой элегантные французские усики. Потом удовлетворенно смотрится в три зеркала одновременно.

— Ой, Саша, что же вы с собой сделали? Ведь вы играете не юного жениха из Кордовы, а сорокалетнего председателя колхоза. Сейчас же перегримируйтесь!

Но Александр непреклонен, он не хочет менять грим.

— Так лучше! — уверяет он.

И только после долгих уговоров подчиняется с горестным вздохом.

Работы много.

Приехал в Венев драматург из Москвы. И удивился:

— Никак я не пойму. Ну, создали вы «бюро пьесы». Составили характеристики каждого действующего лица. Обсудили. Но зачем ведете вот уже пятую читку? И в столичных театрах столько читок не бывает... Давайте сегодня почитаем мою пьесу. Мне хочется знать ваше мнение.

— Давайте.

Когда он кончил читать свою пьесу, наступило некоторое замешательство. А после обсуждения драматург обиделся и уехал, забыв даже вернуть режиссерские планы, составленные веневским коллективом. Маргарита Гавриловна Потоцкая рассказывает об этом так:

— Ну, понимаете... Ребята у нас зубастые, а пьеса показалась немного беззубой. Обидеть драматурга тоже не хотелось, подыскивали выражения, сказали «мелковато». Он и уехал.

— Ну, а зачем же действительно столько читок пьесы?

— Иначе нельзя. Вот вам пример: Дмитрий Илюхин.

Маргарита Гавриловна с увлечением рассказывает о рабочем карьера Илюхине. В кружок он пришел с большой робостью: грамоты у него было маловато. Слова выговаривал подчас неправильно, не признавал знаков препинания.

Но Илюхин был упорен. Сильно помогли ему повторные читки. Он сам приохотился к чтению, спрашивал, как должно звучать каждое слово, вникал в смысл. Три раза в неделю аккуратно приходил за четыре километра от дома в клуб. Через два года его уже невозможно было узнать. Недавно приезжал режиссер из ТЮЗа и отметил Илюхина в числе наиболее культурных исполнителей. У себя на работе он стал агитатором и теперь уже не смущается перед аудиторией. А чтобы подкрепить агитацию делом, стал намного перевыполнять нормы — сейчас уже в счет 1955 года работает. Нет, самодеятельность воспитывает не только зрителей!

Ходить на спектакли и концерты для жителей Веневского района давно уже стало потребностью. Вот художник клуба Иван Иванович Данилов, он же артист на характерные роли, он же столяр клуба, гример и «рабочий сцены». Сейчас он меняет — в который уже раз! — дату на концертной афише: зал и на этот раз будет полон.

А завтра в адрес клуба из колхозов и МТС опять придут негодующие письма: «Очень давно у нас не выступали артисты. Просим приехать, народ требует».

И послезавтра будут заложены «козырные санки», уложены на них инструменты, реквизит, усядутся артисты и по морозцу отправятся в колхоз.

— Не знаю, есть ли где еще такие благодарные зрители, как в наших МТС и колхозах,— говорит директор Дома культуры Николай Спиридонович Потоцкий.— Они готовы сидеть до утра, вызывают на «бис» беспрестанно. Бывает, и холодно в помещении и повернуться, кажется, негде, а каждому — буквально каждому — участнику обязательно приходится выступать сверх программы — иначе не отпустят со сцены... Ну, понятно, и ходим, как именинники, забыв о всех перенесенных трудностях... Примерно шестьдесят — семьдесят выездов за год делаем!

В районе мало найдется таких сел, где не было бы своей самодеятельности. Имеются хоры, ставятся большие спектакли.

Вот в колхозе «Красная заря» по улицам взад и вперед проходит необычное шествие: артисты сбирают по домам реквизит для сегодняшнего спектакля.

— Наденька! Вон та белая шляпка с широкими полями — она очень подходит сегодня к роли. Дай-ка ее на вечер. Выступаем!!

В других избах берут самовар, старинные бабушкины платья, военные фуражки, залежавшиеся в сундуках... И уже перед самым началом спектакля тринадцатилетний артист в гриме тревожно просовывает голову из-за занавеса, оглядывает зал глазами и — свистящим шепотом:

— Пашка! А Пашка! Поди сюда.

— Ну, чего тебе?

— Дай твои хромовые сапоги. Они пофасонистее.

— А я что, в носках сидеть буду? Холодно ведь!

— А ты мои кирзовые пока что наденешь!

И оба здесь же под занавесом начинают переобуваться.

Любителей хоть отбавляй. В той же «Красной заре» шестидесятилетний Михаил Никитич Мали-

— У нас план не выдумывают, а составляют!

— К тому времени, как вернусь, чтобы вот эти удобрения были вывезены. Понятно?

ков работает председателем колхоза вот уже семнадцатый год. Колхоз один из лучших в районе. Авторитет у председателя колхоза большой. И этот авторитет не поколебался из-за того, что Михаил Никитич аккуратно в каждой пьесе принимает личное участие. В пьесе «За вторым фронтом» он играл Артура Кросби. В «Назаре Стодоле» — кобзаря. Правда, в руках у кобзаря была вместо бандуры гармоника: бандуры ни у кого из колхозников «Красной зари» не нашлось. Шапку надвинул пониже на глаза, чтобы не узнали, длинные белые усы привесил — и играл.

В зале перешептывались:

— А кто же это кобзаря играет?

— Да вроде Михаил Никитич!

— Ну да, Михаил Никитич! Он же на гармонике не умеет, а, слышишь, музыка какая красивая!

А это за сценой играли добрые люди. Михаил Никитич только клапаны перебирал.

К концу спектакля женщины плакали, а потом неистово аплодировали. Занавес раздвигался, и артисты кланялись.

Сегодня председатель колхоза Маликов играет в пьесе Кондрата Крапивы «Поют жаворонки»... председателя же колхоза по фамилии Тумилович. Он приклеил бородку, могучие усы. Грозно заявляет он Пытлеваному:

— У нас план не выдумывают, а составляют! — Роли, привычные не только для Маликова, а и для всех. Вот почему артисты на сцене держатся непринужденно, им не нужно подолгу «вживаться в образ»: играют самих себя.

А завтра уже не председатель Тумилович, а председатель Маликов — того же возраста, что и Тумилович, хотя без черных бровей, без бороды и усов — будет говорить вчерашним своим партнерам:

— К тому времени, как вернусь, чтобы вот эти удобрения были вывезены. Понятно?

* * *

В Тульской области нередко встречаются очень интересные находки. Уже после войны бывший руководитель Тульского государственного хора Владимир Семенович Успенский записал у старушки-колхозницы чудесную старинную песенку «Ваня-сиротинка». Была она лирическая и грустная. Успенский обработал ее, положил на четыре голоса. Песню с огромным успехом исполнял Тульский государственный хор.

А совсем недавно прошел слух о том, что в селе Теребушь появилась загадочная «Теребушская кадриль». Из Москвы за этой кадрилью приехал балетмейстер. Кадрили никакой не оказалось. Но зато обнаружилась очень интересная пляска — «Теребушская улочная». Сейчас ее исполняют многие самодеятельные коллективы Тульской области. Имеет она огромный успех.

Эта пляска рождена колхозным выходным днем. Мы видели ее в исполнении Веневского хореографического кружка при том же Доме культуры.

По улице идет гармонист, его окружают девчата, он пускается вприсядку, аккомпанируя себе на гармонике, девчата расходятся и сходятся вокруг него в немного смешной и милой пляске. Потом девушка задорно выходит, кружась, приплясывая перед гармонистом, лукаво поглядывает на него и поет:

> Раздайся, народ,
> Меня пляска берет.

За ней другая, третья... Плясуньи сплетаются диковинными рисунками, где-то между ними лихо описывает зигзаги гармонист. Круг девчат подхватывает частушку, потом круг колеблется, раздваивается, и вот уже несколько пар стоят, высоко подняв руки. Под этой гирляндой рук с дробным перестуком проносится гармонист. И снова девушки бросают ему задорные частушки:

> Гармонист, гармонист,
> Я в любови сбилася,
> Была бы я хрустальная,
> Наверно бы разбилася!

Куда веселее жизнь на селе, если люди умеют организовать задорную, искристую песню, пляску, то, что называется самодеятельностью.

ЧЕМПИОН МИРА

Свердловские зрители качают Владимира Кузина после его победы над финскими гонщиками.

В. ВИКТОРОВ

Бесснежное начало января спутало лыжникам все карты. Спортсмены Финляндии, Польши и Чехословакии, приглашенные для участия в гонках, уже были на пути в Москву, а склоны гор в районе станции Турист — неизменной арены лыжных соревнований — так и оставались лишенными пушистого покрова. Вот почему и место старта переместилось к востоку на 2 тысячи километров.

Диковинно выглядела в эти дни лучшая гостиница Свердловска «Большой Урал». Комфортабельный городской дом внезапно стал похож на лыжную базу. В нарядных вестибюлях, залах, коридорах то и дело встречались подтянутые, плечистые люди, в которых без труда можно было узнать лыжных гонщиков, а в уютных номерах остро пахло смолой и лыжными мазями.

Накануне первой гонки в гостинице были вывешены списки участников соревнований, и там стояла толпа, обсуждавшая предстоящую борьбу на дистанции в 30 километров. Здесь были советские и зарубежные спортсмены, тагильские и магнитогорские металлурги, златоустовские сталевары, челябинские машиностроители, и среди них совсем терялся румяный невысокий паренек. Да и в списках спортсменов нелегко было обнаружить его имя, хоть оно и значилось там. Оно стояло под номером пятьдесят восьмым и было окружено фамилиями широко известных чемпионов.

Особенно часто повторялась в толпе одна фамилия — Хакулинена, Вейко Хакулинена, чемпиона олимпийских игр в гонке на 50 километров, самого сильного лыжника Финляндии.

Кузин отыскал его фамилию под номером пятидесятым. Это значило, что Хакулинен возьмет старт на четыре минуты раньше и всю гонку время финна будет служить ему, Кузину, своеобразным мерилом, по которому он сможет настраивать свой темп. Тут же Кузин услышал за спиной финскую речь и, оглянувшись, увидел финнов, поднимающихся по лестнице. Они были одеты в синие макинтоши, изпод которых виднелись натянутые, как рейтузы, брюки. В руках они несли легкие, великолепно отлакированные, изящно выгнутые лыжи.

Кузин узнал Вейко Хакулинена. Круглолицый черноглазый финн, раскрасневшийся на морозном уральском воздухе, что-то говорил тренеру команды Велли Сааринену, в свое время прославленному гонщику, который дважды выигрывал первенство мира. Финны прошли по коридору в свои номера, и Кузин, проводив их внимательным взглядом, тоже пошел к себе в комнату: пора было готовить лыжи к завтрашнему утру.

В эти часы во всех комнатах «Большого Урала», занятых гонщиками, шла кропотливая, подспудная, скрытая от посторонних глаз работа. Раскладывались на столах различные баночки с мазями. Успех, победа во многом зависели от того, как хорошо будут смазаны лыжи. Засучив рукава, не жалея ни времени, ни сил, лыжники наносили на поверхность лыж слой за слоем, тщательно растирая пахучий, жирный состав пробкой и ладонью. Так художники смешивают на палитре различные краски, прежде чем перенести их на холст.

А за городом, на Уктусских горах, судьи и контролеры уже обрамили тридцатикилометровый снежный холст дистанции флажками.

Владимир Кузин любил тревогу и волнения этого последнего вечера перед большой гонкой, когда все еще впереди, когда готовятся боевые доспехи, проверяется каждая пуговичка на костюме, разминаются давно обмятые варежки, взвешиваются лыжные ботинки. Именно за этим занятием и застал Кузин Анатолия Борина, когда по дороге к себе заглянул в номер, где жил известный гонщик. Борин сидел на диване, задумчиво вертел в руках ботинок и разглядывал его со всех сторон так внимательно, словно решал какую-то сложную задачу.

Увидев Кузина, Борин сказал:

— Вот думаю снять каблуки, можно выгадать граммов двести.

Для непосвященного эти слова могли бы показаться смешными. Ну какое значение могут иметь какие-то двести граммов для человека, способного пробежать по снегу 30 километров? Но Кузин с полной серьезностью отнесся к намерениям Борина...

Если бы всего четыре года тому назад Кузину сказали, что он будет взвешивать в своем лыжном снаряжении каждый гвоздик, он бы, вероятно, рассмеялся. Сын рыбака из архангельской деревни Лампожни, Володя Кузин привык к тяжелым неводам, неуклюжим, крутобоким лодкам, к громоздким веслам, без которых не проплывешь по Мезени, несущей свои холодные воды в Белое море.

Его с детства окружали прочно, с запасом сделанные вещи. Падут снега на землю, прикроют ее трехметровым слоем, попробуй пройти на узких лыжонках — утонешь, захлебнешься в целине. И Володя Кузин, с юных лет привыкший к тяжелому рыбацкому труду, требующему основательного снаряжения — семга не карась, ее голой рукой не ухватишь,— и лыжами занялся также основательно. Он ходил на лыжах широких, громоздких, носил валенки поплотнее, вырубал себе палки поувесистей...

В 1946 году, когда Вейко Хакулинен уже выступал на соревнованиях и зоркий глаз известного тренера Сааринена приметил в нем данные чемпиона, Владимир Кузин с товарищами только изучал основы лыжной техники под руководством школьного учителя Александра Федоровича Гаева.

Вернувшись из Мезени, где он учился, в родную деревню, Кузин стал начальником радиоузла. Однажды, транслируя передачу из Архангельска, он услышал рассказ о спортивных успехах своего земляка из соседнего, Вельского, района, Владимира Оляшева, ставшего одним из лучших лыжных гонщиков страны. И вот в 1950 году, когда Вейко Хакулинен уже считался главной надеждой Финляндии, паренек из деревни Лампожни принял участие в областных соревнованиях сельских лыжников и неожиданно для себя оказался победителем на 30 километров.

Уже тогда Кузин понял, что главное искусство лыжника — умение скользить по снегу, что на грубой физической силе далеко не уедешь. Огромная выносливость северянина, привыкшего к жизни на снегу, помогла Кузину добиться победы, но победа не обрадовала его. Слишком много вопросов возникло перед ним, и ответить на эти вопросы он смог только после упорной учебы у лучших гонщиков страны.

В 1952 году Вейко Хакулинен стал олимпийским чемпионом в гонке на 50 километров, а Владимир Кузин, впервые выступая на первенстве страны, оказался сорок шестым на 18 километров. В гонке на 50 километров он не участвовал. Эта дистанция является как бы аттестатом спортивной зрелости и требует от спортсмена огромного напряжения.

Теперь уже ясно, что решающим в жизни лыжника Владимира Кузина был год 1953. Именно тогда Кузин, проходивший службу в Советской Армии, получил возможность тренироваться с сильнейшими армейскими гонщиками, прошел трудную, но полезную школу у такого знатока лыжной техники, как заслуженный мастер спорта Дмитрий Максимович Васильев, и смог наконец осмыслить секрет скользящего накатистого шага.

Перед ним раскрылись свойства снега и лыжных мазей, искусство сочетания различных стилей в зависимости от профиля пути. Он учился удерживать скорость, чего бы это ни стоило, на изнурительных подъемах и опасных спусках, когда так хочется притормозить, удержать палки в воздухе, вместо того чтобы вонзить их острия в снег, еще и еще убыстряя движение.

Узнал Кузин и один из самых тонких и сложных секретов спортивного мастерства, заключающийся в том, чтобы так же точно, как взвешивается каждый винтик лыжного снаряжения, взвешивать свои силы, постепенно наращивая их от соревнования к соревнованию, достигая

В. Кузин (второй слева) и его тренер В. Шапошников (третий слева) в Швеции.

полного расцвета к тому моменту, когда наступает пора самых ответственных выступлений.

Да, это все посложнее, чем выдернуть два десятка ненужных гвоздей. Какое здесь надо чутье, какой точный учет своих возможностей!..

В 1953 году Владимир Кузин стал чемпионом страны на дистанции 18 километров. Он много и упорно тренировался со своим новым тренером, Владимиром Дмитриевичем Шапошниковым, готовясь к следующему сезону. Да, он может сейчас встретиться с сильнейшими финскими гонщиками, он понимает все значение этой встречи, которая является как бы генеральной репетицией перед первенством мира. Но сколько сил заберет эта борьба? Сумеет ли он после нее сохранить свою форму?..

Всем любителям спорта, да и не только любителям, памятны результаты встречи советских и финских лыжников на Уктусских горах под Свердловском. Гонку на 30 километров выиграл Кузин, оставив на втором месте молодого финна Сало, а на третьем — самого Хакулинена.

...Только приехав в Швецию, Кузин понял все значение свердловских соревнований. Их итоги были известны здесь в мельчайших подробностях, и встречали его повсюду, как старого знакомого. Кузина узнавали на улицах, его преследовали коллекционеры автографов и фоторепортеры. Все хотели видеть победителя Вейко Хакулинена, которому спортивные обозреватели готовы были уже заранее вручить «Большой королевский кубок» — приз за победу в гонке на 50 километров, а вместе с ним и титул «Короля лыж».

Но готовясь к первой гонке мирового первенства, гонке на 30 километров, Кузин уже обдумывал решение, о котором тогда еще не догадывался никто. Но не надо забегать вперед. Кузин тогда еще сам не знал, хватит ли у него сил для того, чтобы осуществить свой замысел. Ведь запаса накопленных сил не взвесить на ладони.

И вот достигнута победа, неожиданная для скандинавских спортсменов, тренеров, комментаторов, хотя они еще за месяц до первенства мира склоняли и спрягали фамилию неизвестного им доселе русского гонщика, обогнавшего на уральском снегу самого Хакулинена.

Кузин вел борьбу в гонке на 30 километров с финнами на таких подъемах, где не хватало дыхания и сил даже испытанным спортсменам, на таких спусках, где скорость достигала 60 километров в час...

Когда Хакулинен пересек линию финиша, радиокомментатор, видимо, считая, что судьба гонки решена, прекратил передачу с дистанции. Зрители бросились поздравлять победителя, но тут же показался лыжник в синей шапочке, толпа отхлынула в стороны, а Кузин, со всего размаха отталкиваясь палками, промчался мимо судей, мимо Хакулинена, словно на лету вырвав у него победу.

Эта победа, переведенная на счет секунд, выражалась цифрой 26. Но разве можно ее взвесить с помощью стрелки секундомера? Ведь Кузин нарушил годами установившуюся традицию, по которой в таблицу победителей мировых первенств вносились фамилии лыжников только трех скандинавских стран — Финляндии, Швеции и Норвегии.

А что же Кузин? Так ли спокойно, как в Свердловске, встретил он свой успех? Об этом судить трудно. По рассказам тех, кто видел его в тот день, кто беседовал с ним, он был, как всегда, спокоен и немногоречив. Но может быть, здесь просто сказалась природа северянина, скупого на слова и эмоции.

Еще дважды встречался Владимир Кузин с неутомимым Вейко Хакулиненом — на дистанции 15 километров, где финн добился победы, и на последнем этапе эстафеты, где оба спортсмена показали на десяти километрах одинаковое время. Теперь, казалось бы, пришло время для Кузина отойти в сторону, занять место среди зрителей: ведь наступал час того состязания, где молодой лыжник еще никогда не пробовал своих сил. Каково же было изумление всех — и участников и зрителей, — когда фамилия «В. Кузин (СССР)» оказалась в списке участников гонки на 50 километров!

Да, Кузин все же пришел к выводу, что, несмотря на огромное напряжение минувших дней, его силы не исчерпаны, что он готов к борьбе за самую почетную победу.

В. Кузин в Фалуне ведет борьбу на дистанции 50 километров.

Фото заслуженного мастера спорта П. Дементьева и Д. Леонидова.

В тот воскресный день, 21 февраля, десятки тысяч зрителей вытянулись нескончаемыми шпалерами чуть ли не по всей трассе, и тысячи портативных радиоприемников, умещавшихся на груди болельщиков, в чемоданчиках, поставленных на снег, были настроены на волну спортивной передачи. Повторенный множеством репродукторов, гремел голос диктора, но когда этот прерывающийся от волнения голос сообщил, что первые десять километров Кузин прошел за 33 минуты 1 секунду, удивленный гул заглушил радио. Ведь это время было на 1 минуту 5 секунд лучше времени, показанного Кузиным и Хакулиненом на спринтерской дистанции эстафеты!

В дни соревнований на первенство мира для участников был устроен вечер. В. Кузин танцует с одной из молодых жительниц города Фалуна, Биргитой Лунд.

— Что же это? Ведь Кузину бежать не десять километров, а пятьдесят?! — удивленно спрашивали друг друга зрители, журналисты, тренеры. — Где же он возьмет силы, чтобы выдержать такой темп? Нет, это авантюра, это проигрыш!

Хакулинен проигрывал Кузину после первых десяти километров 26 секунд — ровно столько же, сколько он проиграл ему на финише 30-километровой гонки. Но ведь теперь у финна были в запасе две пятых дистанции! Нет, нет, Хакулинен сумеет этим воспользоваться! Об этом кричали в микрофоны спортивные обозреватели, в этом убеждали друг друга судьи, в этом, видимо, были уверены и сам Хакулинен и его товарищи по команде, вплотную идущие за ним, — Континен, Лаутала, Витанен.

В окружении сильнейших финских лыжников продолжал борьбу Владимир Кузин. Старт он взял в одной паре со своим земляком Владимиром Оляшевым, но тот не выдержал невероятного темпа и сразу же отстал.

Пройдено 20 километров — теперь Хакулинен отстает от Кузина уже на 1 минуту 13 секунд.

Пройдено 25 километров — разрыв все тот же, но на втором месте теперь Континен, и только 41 секунда отделяет его от лидера гонки.

Кузин рвался вперед, почти не сбавляя скорости на подъемах, обходя одного лыжника за другим.

Пройдено 30 километров, и четверка финнов сбавляет темп. Что же это? Победа? Нет. До финиша еще далеко, и Хакулинен слишком опытен и силен, чтобы так просто примириться с поражением. И в самом деле, на следующих десяти километрах, отдохнув, Хакулинен стал приближаться к Кузину. Те, кто видел его на дистанции в эти последние, решающие минуты гонки, рассказывали, что знаменитый лыжник был очень изнурен, что обычно румяное лицо его побледнело, глаза запали, но он все увеличивал и увеличивал скорость, отыгрывая у Кузина секунду за секундой.

Последние десять километров, последние усилия.

— Хакулинен приближается к финишу! — захлебываясь, кричит диктор.

И вот финн, взявший старт тремя минутами раньше Кузина, заканчивает бег. Его результат — 3 часа 3 минуты 6 секунд. Это пока лучшее время. Но Кузин на подходе. Остановлены и снова пущены в ход секундомеры. Тысячи глаз следят за пульсирующей стрелкой. Если через 2 минуты 59 секунд Кузин не пересечет финишной черты, победа будет упущена.

Проходит минута... полторы... две — и вдалеке показывается знакомая уже всем невысокая, плечистая фигура Кузина. И тогда снова гул голосов заглушает радио, забыты секундомеры. И вдруг хаотический шум приобретает стройное, ритмичное звучание. Тысячи людей, вскрикивая в такт ударов палок Кузина, стараются помочь ему, хоть чем-нибудь помочь, и молодой советский лыжник, выигрывая у Хакулинена 8 секунд, пролетает заветную, конечную черту, подводящую как бы итог недельной борьбы сильнейших гонщиков мира. И тут же толпа окружила Кузина; Оляшев и Володин подхватили его на руки, понесли, а вдогонку неслись крики шведов: «Да здравствуют русские спортсмены!»

...В тот же день Владимир Кузин получил на городской площади вторую золотую медаль, а потом с особой торжественностью ему был вручен и «Большой королевский кубок», обладатель которого считается в Скандинавии «Королем лыж».

За лесной кошкой

Леонов с трудом удерживался на тонких, гибких ветвях.

Хищник кинулся в лицо Калугина, но тот закрылся рукой.

Рысь схватили, крепко сжали ей морду и скрутили лапы.

Фото А. Вергуна.

Выходя из тайги, охотники почти около самой деревни увидели свежий след.

— Рысь! — едва взглянув, определил Калугин.

Быстро сдали пушнину и вернулись в тайгу. След уходил в густой бурелом. Верховья быстрой реки Иман — глухие, богатые зверем места. Тут есть медвежьи межи, тигровые тропы, волчьи логовища, здесь скрещиваются следы изюбрей и кабанов, горностаев и соболей...

...Уже третьи сутки шли по следу колхозники-охотники Иван Иванович Калугин и Василий Денисович Леонов. Шли осторожно: рысь могла залезть на дерево и оттуда прыгнуть на людей. «Лесная кошка» — хитрое животное, и охотникам удалось обнаружить ее лишь на шестые сутки. Раздался выстрел. Рысь бросилась в таежную глушь, и собаки метнулись за нею. Спасаясь от преследователей, зверь забрался на высокое дерево. Убивать нельзя: рысь должна быть доставлена в зоопарк. Одно из орудий лова рыси в такой момент — обыкновенная веревочная петля, которую нужно накинуть на шею хищника, чтобы стащить его на землю. Однако рысь все время сбрасывала с себя петлю. Леонов с трудом удерживался на тонких, гибких ветвях. Калугин, находившийся внизу, ругал товарища за медлительность и подавал советы — снизу, конечно, было виднее, — но все же подавать советы легче, чем справиться с ловким и сильным зверем...

Наконец удалось сбросить рысь с дерева. Как кошка, пружиня на четыре лапы, она упала в снег и, рванув когтями подоспевшую собаку, бросилась в чащу. Захлебываясь от лая, проваливаясь и увязая по уши в снегу, собаки кинулись за ней. Загнанная собаками, рысь тяжело дышала и озиралась. Из ее горла вырывались хриплые звуки...

Наступил самый ответственный момент: брать рысь. Калугин и Леонов надели толстые кожаные рукавицы и подошли к хищнику. Он кинулся в лицо Калугина, но тот закрылся рукой, и зверь повис у него на рукаве ватника. В этот момент рысь схватили, крепко сжали ей морду и скрутили лапы.

Охота закончена. Теперь осталось самое легкое: протащить мешок с рысью к железной дороге по тайге за 150 километров!..

Л. ДАНИЛОВ

Приморский край,
Красноармейский район.

УТОПЛЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Бор. ЕГОРОВ,

Ян ПОЛИЩУК,

Бор. ПРИВАЛОВ

Рисунки Е. Ведерникова.

Не тот нынче подхалим пошел. Прежние подлизы с заискивающими улыбками и угодливо согбенным станом вымирают, как мамонты. Старые тропки к сердцу начальства поросли фельетонным бурьяном. Поскольку прежние патентованные способы подхалимажа недействительны, приходится искать новые щели в сердцах руководства, разрабатывать сложные способы эмоционального и психологического воздействия.

. . . .

...Личная купальня исполняющего обязанности председателя Кудеяровского исполкома Закусил-Удилова была похожа на ярмарочный балаган: дырявые фанерные стенки, брезентовый купол. Казалось, что смыло его речной волной во время последнего карнавала-маскарада, вынесло на стрежень да и увлекло к кудеяровскому берегу. Здесь маскарадный балаган поставили на прикол и окрестили купальней. А супруга исполняющего обязанности председателя Виктория Айсидоровна приказала повесить грозное предупреждение: «ВПЛЫВ ПОСТОРОННИМ СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ».

Но сегодня в закусиловскую купальню пробрался один посторонний человек. На воде под дощатым полом балагана, как поплавок, покачивалась его голова. Взор был устремлен в одну точку. Точка находилась на противоположном берегу.

«Эх,— думала голова,— какой момент люди упускают! Сам начальник облторга товарищ Калинкин на самом солнцепеке сидит, и никто не догадается его лысину газетным кульком прикрыть!»

Тимофей Прохорович Калинкин был увлечен соревнованиями по плаванию на первенство области.

Умудренского соревнования не интересовали. С тех пор, как он провалил важное задание, его не оставляли тяжелые предчувствия. При каждом звонке Умудренскому чудилось: его вызывает начальство, чтобы сказать какие-нибудь нехорошие слова. А каждое неласковое слово Умудренский расценивал как неблагожелательное отношение к себе. Любое движение бровей Тимофея Прохоровича вызывало у него невроз желудка.

Желая во что бы то ни стало вернуть себе расположение руководства, начахо решил переговорить с Тимофеем Прохоровичем по душам. Но где это сделать? На работе? Помешают. На дачу без приглашения приехать считается почему-то неприличным. Нужна была якобы случайная встреча в выходной день на нейтральной почве. Такой почвой для Умудренского оказалась вода.

— Я встречу его на речной дорожке и сначала поговорю с ним

наедине, как пловец с пловцом,— рассуждал начахо...

И вот он сидел под купальней Закусил-Удилова и ждал момента, когда Калинкин поплывет к себе домой, на эту сторону.

«И нравится лысому черту тот муравейник!» — непочтительно думал Умудренский, не сводя глаз с любимого начальника.

Под помостом купальни бурлила жизнь. В щели между досками прорывалось солнце, и его лучи, как бильярдные кии, ударяли в песчаное дно. Длинноногие жуки фланировали перед самым носом Умудренского. Рыбешки неизвестной породы то и дело тыкались мордами в колени начальника АХО. Любопытный рак долго ощупывал большой палец левой ноги, и Умудренскому с трудом удалось избавиться от его клешней. Какая-то лягушка-базедик вытаращила на начахо свои глазищи, словно спрашивая: «А это еще что за земноводное?»

Умудренскому вдруг стало жалко самого себя.

«Им хорошо,— подумал он,— у них жабры... А тут сидишь, как...»

Подкупальные жители так и не узнали, с кем из них хотел себя сравнить начахо. Умудренскому в нос залетела не то мошка, не то мушка, и он оглушительно чихнул. Чихнул и зажмурился от страха: вдруг хозяйка балагана услышит... Но когда он вновь раскрыл глаза, все было попрежнему мирно, если не считать разбежавшихся жуков и пропавшей неизвестно куда лягушки.

Умудренский посинел и весь дрожал. Ему хотелось на землю, к людям, но он понимал, что это невозможно. Пляж представлял собой часть дачного участка Закусил-Удилова. Постороннему человеку появляться в пределах его владений не рекомендовалось. Лучшего же места для перехвата Калинкина нельзя было найти. Приходилось самоотверженно ждать. Проклиная любовь Тимофея Прохоровича к водоплавательному спорту, Умудренский тоскливо наблюдал за противоположным берегом.

Высокий правый берег затихал, когда на водных аллеях разгоралась азартная борьба, грохотал аплодисментами, когда объявляли победителей.

...Начальника АХО мучил насморк, полученный от долгого общения с водной стихией. Каждые полторы минуты в носу его начинало щекотать так, будто туда засунули четвертушку нюхательного табаку. Чтобы не выдать себя чихом, Умудренский вынужден был часто прятаться под воду.

И вдруг, когда в очередной раз Умудренский всплыл на поверхность, он увидел, что Тимофей Прохорович плывет к своей даче.

— Пора,— решил Умудренский, заметив, что Калинкин уже достиг середины реки.— Самое время выплывать на перехват! Господи! Улови мою молитву! Обрати ко мне душу начторга!

И, оттолкнувшись от якорного каната, начахо выплыл из-под купальни. Фыркая и отплевываясь, он набирал скорость.

Когда начальника и подчиненного разделяли всего два метра, Умудренский бодро чихнул и произнес:

— Будьте здоровы! Теплая сегодня вода, Тимофей Прохорович!

— А-а, Умудренский! Каким течением тебя сюда занесло?

— У меня к вам персональный разговор частного характера.

— Выбрал место для беседы. Зайди завтра к концу дня ко мне, поговорим.

— На работе обязательно помешают, Тимофей Прохорович. И потом ждать целый день у меня организм не выдержит. А-ап-чхи! Я что хочу сказать: ваше отношение ко мне — для меня самое дорогое. А я чувствую, что в последнее время доверия прежнего нет...

— А ну тебя,— отмахнулся Тимофей Прохорович и увеличил скорость. Умудренский начал отставать.

— ...Самое дорогое...— услышал сзади начальник торга,—...не переживу...

«Вот привязался,— подумал Калинкин.— Жалкий он какой-то. Впрочем, похвально — осознает свои ошибки, переживает. А может, я с ним резковато обошелся?»

Тимофей Прохорович оглянулся: Умудренского на поверхности реки не было.

— Может, нырнул? — вслух подумал начторга и огляделся. На высоком правом берегу продолжали шуметь болельщики. Несколько лодок плавали вдали. Начахо не было.

Калинкин забеспокоился. Вдруг метрах в пяти из воды выскочила голова Умудренского и, слабо крикнув: «Спа...»,— снова скрылась под водой.

«...сите...» — в ужасе домыслил Тимофей Прохорович и нырнул.

Утопающий, очевидно, был уже без сознания и поэтому вел себя культурно: не пытался схватить спасителя за шею и утянуть его на дно. Калинкину удалось легко извлечь Умудренского на поверхность и начать буксировку своего подчиненного.

На помощь ему уже бежали по берегу какие-то люди.

Умудренского вытащили на песок. С него, как с гуся, быстро сбегала вода.

— Жертва крушения на море жизни! — философски заметил какой-то мужчина.—Человек хлебнул горя! — И он стал торопливо делать Умудренскому искусственное дыхание. Утопленник неожиданно чихнул и сел.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Калинкин. Его мохнатые брови взволнованно пошевелились.

— Организм не выдержал,— грустно сказал начахо.—Сердце...

Вокруг возвращенного к жизни начахо сгрудились люди, стараясь его успокоить и утешить.

— ...Кто тут будет товарищ Калинкин? — раздался голос.

Все обернулись. По тропинке к пляжу шел мужчина в голубой фуражке разносчиков кондитерских изделий. В руке у него была большая коробка.

— Прошу прощения,— сказал мужчина, подходя.— Заходил я на дачу к товарищу Калинкину, там сказали, что он здесь. А мне нужно вручить заказ лично и немедленно: продукт ждать не может.

— Какой заказ? — Брови Тимофея Прохоровича изогнулись вопросительными знаками.

— Обыкновенный. Торт-мороженое. Прямо с фабрики. Распишитесь в получении.

— Ничего не понимаю,— пробормотал Калинкин.

— Съедите — поймете,— сказал посыльный.— Вот здесь проставьте часы, когда заказ вручен.

Торт был монументален. Очевидно, заказчик не щадил затрат. Когда торт отнесли под тент купальни, то разглядели на нем витиеватую шоколадную надпись:

«Дорогому, уважаемому
Тимофею Прохоровичу,
спасшему меня от гибели
в речных пучинах.
Благодарный Умудренский».

Уразумев, что произошло, окружающие захохотали.

— Предусмотрительные люди у вас в аппарате,— сказала какая-то девушка Калинкину.— Пострадавший уже утром знал, что среди дня будет тонуть и что именно вы спасете его.

— Выходит, что его подвела перестройка нашей работы,— сказал разносчик.— Он рассчитывал на то, что доставка на дом всегда совершается с опозданием. Не привыкли еще люди к нашей аккуратности...

Умудренский, пугливо озираясь, пополз, как саламандра, к воде.

— Я сейчас с ним поговорю! — сурово сказал Тимофей Прохорович, но Умудренского на песке не было. Голова бывшего утопленника виднелась уже на середине реки. Через несколько минут начахо вылез на противоположный берег и смешался с толпой болельщиков.

ДВА РЫБОЛОВА

Изошутка Ю. Черепанова.

Рисунки А. Малеинова.

Прощание с зимою...

Весна в разгаре. Солнце выше.
Над мостовой струится пар.
Тяжелый снег сбивают с крыши,
И отгорожен тротуар.

Осколки льда грохочут в трубах...
Уже настало время то,
Когда одни — в тяжелых шубах,
Другие — в легоньких пальто.

А близ мостов на всякий случай
Взрывают лед привольных рек.
Гудит весны поток могучий...
И лишь в лесу да в поле снег.

Он липнет к лыжам — силы нету,
Но все же весело идти,
И сразу видно — скоро лето,
Так жарко лыжникам в пути.

Лыжня полоскою прямою
Скользит меж сосен и берез,
И, как прощание с зимою,
Идет последний лыжный кросс...

Константин **ВАНШЕНКИН**

Медведь в атласной шубе

На колхозный овес невдалеке от поселка повадился ходить медведь.

Вечером я отправился караулить его на поле. Выбрав удобное местечко возле старой ольхи, на самой медвежьей тропе, я сел на большой низкий пень.

...В лесу треснул сучок. Потом еще. На опушку вышел огромный медведь. Между ним и мною на краю поля находился большой ивовый куст. Зверь зашел за куст и стал лакомиться овсом, сильно чавкая. Наевшись, медведь вышел из-за куста и направился в мою сторону. Вскинув ружье, я быстро прицелился и выстрелил.

Необычайным оказался убитый зверь. Такой блестящей короткой шерсти я еще не встречал у медведей.

Старый колхозник Кузьмич, у которого я квартировал, осмотрев тушу, также подивился.

— В молодости я сам застрелил десяток мишек, повидал немало этакой добычи и у других,— сказал он,— но медведя в такой атласной шубе вижу впервые.

Вернувшись в город, я рассказал о необычной добыче профессору С. В. Лобачеву, застрелившему в своей жизни около полсотни медведей, и директору зоологического музея при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова профессору С. С. Турову, который также на своем веку добыл немало медведей.

— Такие экземпляры — редкость. Короткая, жесткая, блестящая, как атлас, шерсть бывает только у очень старых медведей,— ответили мне специалисты.

Н. НИКОЛЬСКИЙ

Между прочим

ПОСТУПАЙТЕ, КАК Я

Марк Твен вел под руку к обеденному столу даму. Было у него веселое настроение, и он сказал:

— Вы очаровательны!

Нелюбезная особа ответила:

— К сожалению, я не могу отплатить вам таким же комплиментом.

Марк Твен засмеялся:

— А вы сделайте, как я: солгите!

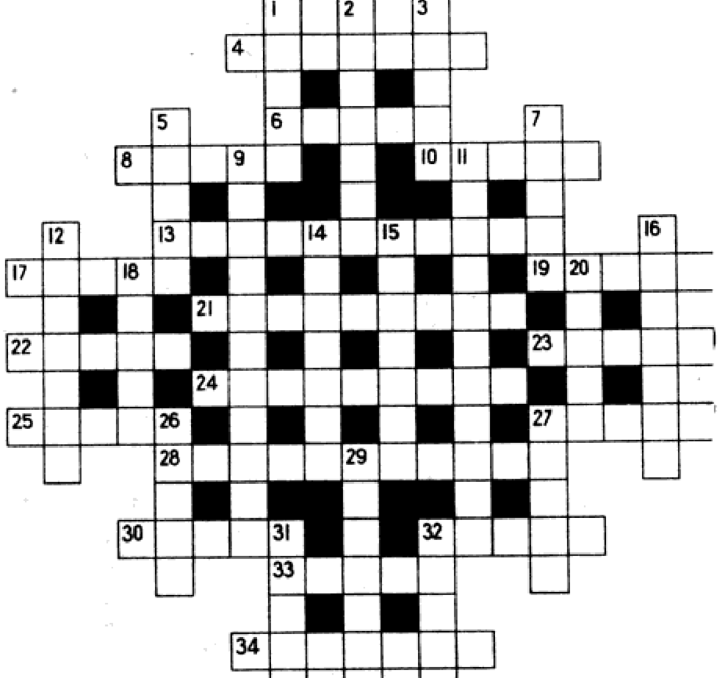
КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Советский писатель. 6. День недели. 8. Драма А. Н. Островского. 10. Плод пальмы. 13. Конвейер. 17. Город в Польше. 19. Простейшее одноклеточное животное. 21. Великий испанский писатель. 22. Рассказ А. П. Чехова. 23. Небольшая черноморская рыба. 24. Русский композитор. 25. Шерстяная ткань. 27. Русский мореплаватель. 28. Должностное лицо в судебных органах. 30. Единица измерения напряжения электрического тока. 32. Произведение И. С. Тургенева. 33. Хищная морская рыба. 34. Гриб.

По вертикали:

1. Денежная наличность учреждения. 2. Перешеек на юге СССР. 3. Африканское жвачное животное. 5. Приток Днепра. 7. Пресноводный полип. 9. Делитель в дроби. 11. Боевой самолет. 12. Известный советский летчик. 14. Картина художника И. С. Остроухова. 15. Недавно приобретенная вещь. 16. Вид токарной обработки. 18. Речной залив. 20. Поэма М. Ю. Лермонтова. 26. Каркас, костяк. 27. Город в Украинской ССР. 29. Вулкан в Южной Италии. 31. Ставка оплаты. 32. Сорт кожи.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 12

По горизонтали:

5. Университет. 6. Антей. 9. Борьба. 12. «Родина». 13. Книга. 14. Сучан. 15. Флокс. 17. Товарищ. 18. Венгр. 19. Кивач. 21. Домра. 25. «Динамо». 27. Отвага. 29. Штамп. 30. Газон. 31. Рубль. 32. Альпинист. 36. Валькю. 38. Музыка. 40. Комбайнер. 41. Симеиз. 42. Студия.

По вертикали:

1. Юность. 2. Песня. 3. Исаев. 4. Рекорд. 7. Корчагин. 8. Антонида. 10. Аккорд. 11. Рица. 12. Рапира. 14. Съезд. 16. Слава. 20. «Смена». 22. Остап. 23. Роман. 24. Старт. 26. Иванов. 28. «Галька». 33. Лекторий. 34. Ижора. 35. «Студенты». 37. Акация. 39. Киргиз.

В этом номере на вкладках восемь страниц цветных фотографий «В Кремле».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 00636. Подп. к печ. 23/III 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 251. Заказ 787. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена номера 3 руб.

